

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№4 АПРЕЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2021

*О жизни и творчестве художника Василия Тропинина
читайте на странице 65.*

Неизвестное об известном

Юрий Осипов **Из адвокатов в писатели** 4

К Дню космонавтики

Евгений Махов **Традиции Гагарина** 23

Это интересно

Светлана Савицкая **Животные в космосе** 32

Вячеслав Ложко **«Литературный квартал» —
Коктебель** 57

Кремли России

Дмитрий Зелов **Страж русских рубежей** 42

Забытые имена

Денис Логинов **Король графоманов** 48

Замечательные современники

Елена Воробьева **Дарья Мингазетдинова:
«Свою профессию я не считаю
работой — это моя жизнь»** 65

Шедевры

Ирина Опимах **Ганс Гольбейн-младший.
«Христос в гробу»** 70

Зеленая панацея

Степан Кащеев **Шалфей — трава
ведьм и мудрецов** 79

Рассказ

Анатолий Крищенко **«Божья метка»** 82

Звезды не гаснут

Георгий Кричевский **Откровения Ингмара Бергмана** 107

Поэзия

Александр Ратнер **Стихи** 122

Иронический детектив

Павел Стерхов **Свадебный пирог и...
немного крови** 124

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Фотоэтиюд Ульяны Кизиловой

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр. 1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через:
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение 1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано:

**ПАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 22.03.2021

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

«Жизнь этой женщины так же невероятна, какой была она сама, настолько туго сплелись в ней и личная незаурядность, и теснейшая связь с матерью и отцом при очень не простых отношениях, и тяжелейшие годы, проведенные в заключении и в колонии. Большинство сломалось бы от всего этого, но только не она — Ариадна Эфрон, прожившая треть своей жизни в тени знаменитой матери — Марины Цветаевой.

Денис **Логинов** «Нити Ариадны»

«Разведчики. Эта профессия всегда была овеяна ореолом таинственности и романтики и стала вдохновением для писателей, библиографов, мемуаристов, кинематографистов. О герое этого очерка тоже сняты фильмы, написаны книги, при этом правды о нем известно крайне мало. Имя Рихарда Зорге было почти забыто, но в 1964 году Никита Сергеевич Хрущев посмотрел фильм «Кто вы, доктор Зорге?» и был очень удивлен, узнав, что разведчик — реальный персонаж. Он велел подготовить все материалы по делу Зорге, и имя его снова появилось в истории страны. Попробуем и мы вспомнить о нем, опираясь на факты, которые уже достоверно известны...

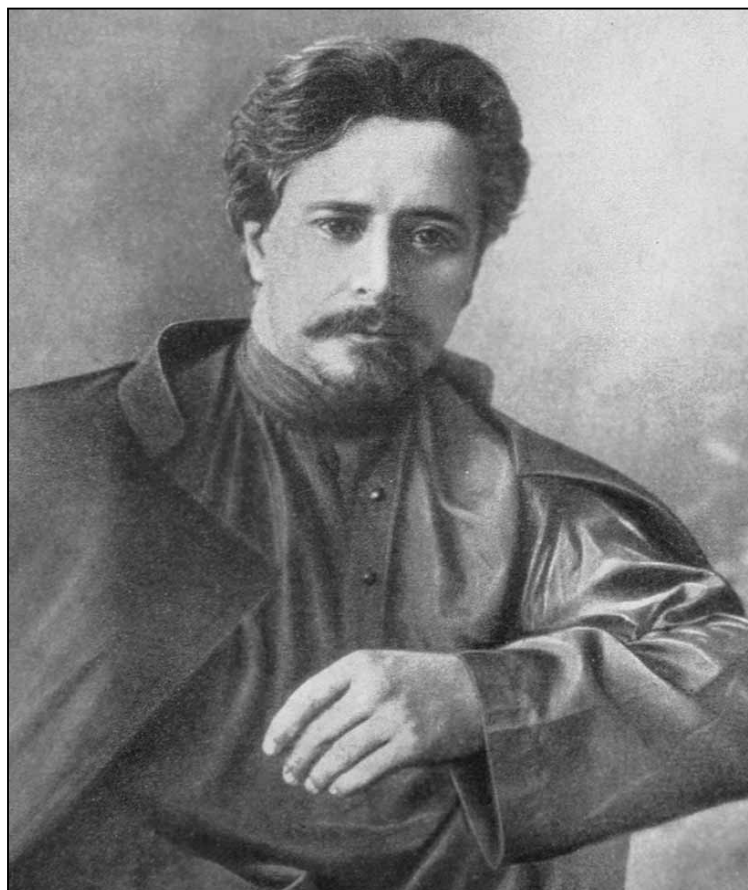
Евгения **Белогорцева** «Русский немецкий японец»

«Сегодня он застыл в бронзе вместе с Шукшиным и Шпаликовым в скульптурной группе перед дверями ВГИКа, который все трое окончили, и символами которого им суждено было стать. Увы, многое из того, что хотел снять Андрей Тарковский, осталось неосуществленным. За плечами у него набралось лишь шесть картин. Всего шесть — зато каких! Он ушел из жизни слишком рано — в пятьдесят с небольшим, пронесся метеором по жизни и обозначил своим творчеством целую эпоху в развитии мирового кино, относясь к каждой своей картине как к молитве...

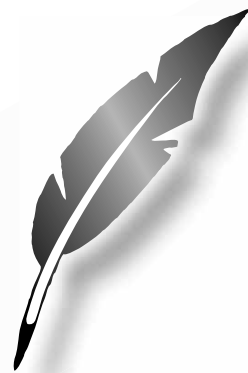
Георгий **Кричевский** «В зеркале Андрея Тарковского»

«Почти три четверти 18-го столетия во власти в России находились женщины. И самой выдающейся из них была императрица Екатерина II, которую нарекли Великой. Благодаря случаю эта чужеземная принцесса была привезена в Россию и выдана замуж за наследника престола Петра Федоровича... События в Рокше подвели черту под царствованием Петра, которое длилось всего 186 дней, и положили начало 39-летнему правлению Екатерины Великой, ознаменованному многими значительными деяниями во благо России.

Алла **Зубкова** «Путь к трону»

Из адвокатов в писатели

Леонид Андреев ворвался в литературу победоносно и неожиданно. Его беллетристика опережала в популярности чеховскую прозу. Читательницы были от Андреева без ума, осаждали письмами с признаниями в любви, раскупали его фотографии, охотились за автографами. Броская внешность и печально-томный взгляд усиливали производимое им на публику впечатление.

«Он пугает, а мне не страшно», — так отзывался о декадентском творчестве Л. Андреева бесцеремонный Лев Толстой. Но читатели «пугались» и жадно тянулись к его мистико-символическим рассказам и пьесам. Критика разделилась на два лагеря: одни называли произведения Андреева «образцом гнусности», другие видели в них «крепкое дуновение

таланта». Друживший с ним А.М. Горький утверждал, что Андреев был талантлив, «особенно во всем, что касалось темных сторон жизни».

Юношеская впечатлительность и чрезвычайно развитое воображение часто побуждали его на безрассудные поступки. Так, в 17 лет он решил испытать силу воли, лег между рельс перед приближающимся паровозом и только чудом остался невредим. Он рано начал злоупотреблять алкоголем, одно время голодал и украдкой воровал хлеб в студенческой столовой, принося его домой матери, сестрам и братьям. После ранней любовной неудачи пытался покончить жизнь самоубийством. Последствием неудачного выстрела стал порок сердца и церковное покаяние.

Начав в литературе с критического анализа неприглядной действительности и описаний бедствий «маленького человека», он, прославившись, примкнул к символистам и явился ярким представителем Серебряного века. Несмотря на патетический настрой своих произведений, экспрессивный, приподнятый язык, Леонид Андреев находил горячий отклик в художественной и интеллигентской среде дореволюционной России. Теплые отзывы об андреевском творчестве оставили такие литературные корифеи, как Чехов, Блок, Горький, Рерих, Репин, да и многие другие.

Октябрьскую революцию писатель не принял и после предоставления в декабре семнадцатого независимости Финляндии, где он тогда жил на даче, фактически оказался в эмиграции. «Все мои несчастья сводятся к одному: нет дома, — писал Л. Андреев незадолго до смерти. — Был прежде маленький дом, дача в Финляндии, и большой дом: Россия, с ее могучей опорой, силами и простором. Был и самый просторный дом — искусство, творчество, куда уходила душа. И все пропало... холодная, промозглая, оборванная дача с выбитыми стеклами, а кругом — чужая и враждебная Финляндия. Нет России...»

Там, на Карельском перешейке, откуда до России было рукой подать, он и скончался в самый разгар Гражданской войны. До последнего дня его не покидала вера в скорую победу Белого движения и возвращение в родную Москву... Он и вернулся на родину. Своими книгами, которые продолжают любить читатели разных поколений.

Родился будущий писатель в Орле в 1871 году в семье землемера Николая Ивановича Андреева и дочери польского помещика Анастасии Пацковской. Уже в детстве приохотился

к книгам и продолжал увлекаться чтением в орловской гимназии. Причем от корки до корки проштудировал тогда труды Шопенгауэра и Гартмана. Кроме того, хорошо рисовал.

Старшеклассником полюбил Зину Сбилеву. Она уговорила его после окончания учебы переехать в Петербург. С такой подготовкой Леонид без труда поступил на юридический факультет Петербургского университета. Натура нервная и впечатлительная, он тяжело пережил смерть отца, после которой мать осталась одна с шестью детьми. Финансовое положение

успех. Я знаю, что могу сделать многое, если захочу».

На рождественские каникулы он приехал домой в Орел. Увидел на одном из праздничных вечеров гимназистку Женю Хлуденеву, влюбился без памяти, потом сделал ей предложение и... получил отказ. Родственница писателя вспоминала: «Она все время над ним шутила. Он в китай-

Андреев был отчислен из Петербургского университета за неуплату и перевелся в Московский университет, где ему материально помогали сокурсники из студенческого комитета. Но все равно уделом семьи в те годы сделалась беспросветная нужда, и Леонид крутился, как мог. Тем не менее, университет он окончил успешно, благодаря чему открыл себе дорогу в адвокатуру

семьи резко ухудшилось, порой всем им приходилось голодать. А Леонид к тому же начал от свалившихся бед часто прикладываться к бутылке, хоть и бегал по урокам и писал на заказ портреты, чтобы поддержать семью. Однако матери все же пришлось продать дом и участок земли.

Пробовал юноша в поисках дополнительного заработка писать рассказы, которые ему с язвительными отзывами возвращали из редакций. Один, правда, напечатали в литературном журнале «Звезда». Это воодушевило начинающего автора. «Теперь уж не на шутку займусь писательством, — сообщает он в письме приятелю. — Я уверен, что меня ожидает

ском костюме и необычайно смешной маске объяснялся ей в любви, а она хохотала». Позже эта история вошла в знаменитый рассказ Л. Андреева «Смех». Но тогда ему было не до смеха. Он вернулся в Петербург совершенно разбитым и подавленным, даже попытался покончить с собой.

Вскоре он был отчислен из Петербургского университета за неуплату и перевелся в Московский университет, где ему материально помогали сокурсники из студенческого комитета.

Следом в Москву перебрались мать с его сестрами и братьями, чьим уделом сделалась беспросветная нужда. Леонид крутился, как мог. А тут еще несчастная любовь, окончившаяся по-

пыткой свести счеты с жизнью. Спустя несколько месяцев он расстался с Зинаидой Сбилевой и совершил еще одну попытку самоубийства...

И все же, несмотря ни на что, Леонид Андреев успешно окончил в 1897 году университет, открыв себе дорогу в адвокатуру. Там он подвизался вплоть до 1902 года, получая уже приличные гонорары, на которые содержал семью. Одновременно активно занялся журналистикой, печатаясь в газетах «Московский вестник» и «Курьер». В пасхальном номере «Курьера» был опубликован его рассказ «Баргамот и Гараська» о полицейском, который пожалел орловского пьяницу накануне праздника. Хотя сам автор признавался, что написал рассказ в подражание Диккенсу, именно эта вещь принесла ему широкую известность и послужила стартом головокружительной литературной карьеры. Молодого автора заметил Максим Горький и пригласил в авторитетное книгоиздательство марксистского толка «Знание», объединявшее талантливых писателей нового поколения.

Житейские мытарства и суровый жизненный опыт наложили отпечаток не только на творчество, но и на внешний облик Леонида Андреева. Вот как писал о первой встрече с ним Горький: «Одетый в старенькое пальто-тулупчик, в мохнатой бараньей шапке набекрень он напоминал молодого актера... Пристальный взгляд темных глаз светился той улыбкой, которая так хорошо сияла в его рассказах... Говорил он торопливо, глуховатым, бухающим голосом... и однообразно размахивал

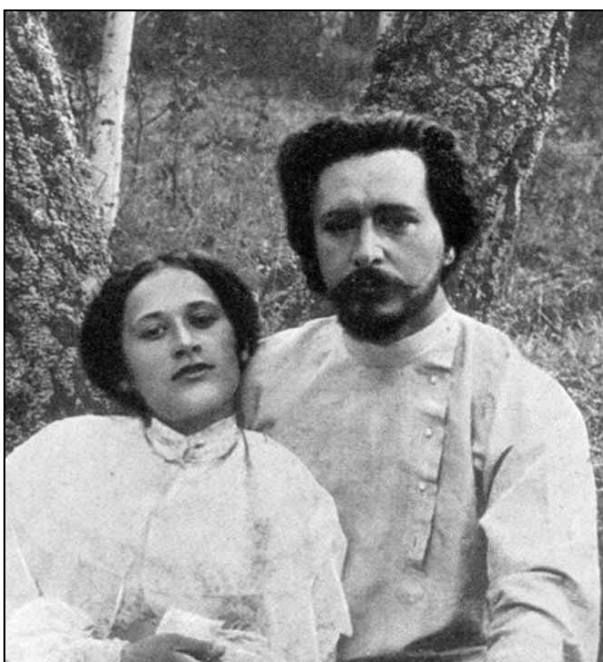

рукой — точно дирижировал. Мне показалось, что это здоровый, неземно веселый человек, способный жить, посмеиваясь над невзгодами бытия».

По рекомендации Горького Леонида Андреева приняли в литературный кружок «Среда», членами которого были Бунин, Телешов и другие известные писатели. А в 1901 году издательство «Знание» выпустило первый сборник рассказов Андреева, и о нем сразу заговорили все газеты и журналы. Сборник оказался настолько популярным, что через год, дополненный новыми рассказами, вышел повторным тиражом. Однако растущая громкая слава автора имела отчасти и скандальный оттенок. Так, нашумевший рассказ

«Бездна» критики обвиняли в бесстыдстве, нарочитом эротизме и потакании низменным инстинктам. Находились, правда, и те, кто горячо защищал молодого писателя. Читатели же, как говорится, «голосовали за него рублем».

Секрет читательского успеха его произведений — и тогда и сегодня — в том, что они буквально завораживают, подчиняя себе наше воображение. И при этом поражают глубиной пости-

Леонид Андреев с первой женой Александрой Велигорской

жения автором самых темных, потайных закоулков человеческой души, необычностью взгляда на привычные, давно известные явления и обстоятельства жизни. Не отвращает от него читателя и то, что это, пожалуй, самый мрачный писатель в русской литературе после Достоевского. Во многих своих произведениях он утверждает тщетность стремления людей к сча-

стью, к свету и иногда призывает (как в рассказе «Тьма»): «Погасим же огни и все полезем во тьму! стыдно быть хорошим!»

Разумеется, подобные экзальтированные призывы с книжных страниц не означали, что Андреев выступал поборником «мирового зла». Скорее само время, в котором ему выпало жить и творить, не вдохновляло на светлые размышления. Прибавьте сюда еще нервную впечатлительность его натуры, болезненное воображение, которое побуждало писателя мысленно ставить себя в положение описываемого героя и опираться при создании художественных образов на собственную обостренную интуицию. Так было, например, в пронзительном и искреннем «Рассказе о семи повешенных», где простота повествования только подчеркивает глубокий трагизм происходящего.

По доносу провокатора охранка арестовала членов «боевой летучей группы», готовившей покушение на ненавистного революционерам министра царского правительства. Мастер психологического портрета, Андреев рисует врезавшиеся в память образы семерых осужденных, двое из которых женщины. Этих очень разных персонажей объединяет одно — близость смерти. Отношение к ней у обреченных на казнь тоже различно. Кто-то морально «умер» еще до нее, а кому-то и виселица не страшна...

Суд. Тюрма. Эшафот. Вот и весь набор сюжетных событий рассказа. Но в нем непрерывно сменяют друг друга драматические душевные пережива-

ния, суть которых — взаимоотношения человека со смертью. Так возникает полифоническое звучание рассказа.

В 1902 году Леонид Николаевич женился на дальней родственнице замечательного украинского поэта Тараса Шевченко, Александре Велигорской. Накануне свадьбы в квартире писателя полиция учинила обыск — пыталась найти письма Горького, обвиненного в революционной пропаганде. С Леонида Николаевича взяли подписку о невыезде.

Вскоре у молодых супругов родился первенец. Уход за ребенком и до-

пытавший на себе ужас и бессмыслицу происходящего на фронте.

В те годы уже сложились основные направления творческих поисков Леонида Андреева. Ведущими мотивами его рассказов делаются крайний скептицизм, неверие в человеческий разум, увлечение спиритуализмом и религией («Иуда Искариот»). Вместе с тем рассказы «Губернатор», «Иван Иванович» и пьеса «К звездам» отражают явное сочувствие автора революционному движению и революционерам. Не случайно он укрывал у себя на квартире в 1905-м скрывавшихся членов РСДРП. Один из них

Произведения Андреева буквально завораживают и при этом поражают глубиной постижения автором самых темных, потайных закоулков человеческой души, необычностью взгляда на самые привычные явления и обстоятельства жизни. Он, пожалуй, самый мрачный писатель в русской литературе после Достоевского

машинные заботы отнимали у жены Андреева много времени, но она всячески помогала мужу в литературном творчестве: писатель надиктовывал ей тексты, которые Александра Михайловна перепечатывала на машинке и нередко выступала в роли первого редактора этих произведений. Так было и со знаменитым рассказом «Красный смех», написанном в 1904 году. Его навеяла автору трагическая Русско-японская война. Главный герой рассказа — смелый офицер, ис-

был арестован вместе с хозяином и обоих посадили в Бутырскую тюрьму, откуда выпустили под залог, внесенный крупным фабрикантом и меценатом Саввой Морозовым.

Рассказ «Губернатор» стал непосредственным откликом писателя на убийство эсером И. Каляевым московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Рассказ наделал много шума, и, опасаясь повторного ареста, Леонид Николаевич с беременной женой и ребенком

выехал сначала в Финляндию, а оттуда — в Германию. Там во время родов умерла супруга писателя. Новорожденного Даниила и старшего Вадима Андреев отдал на воспитание теще. Смерть жены переживал очень тяжело. «Есть связи, которые нельзя уничтожить без непоправимого ущерба для души», — писал он. Утешение искал в работе. Через год закончил пьесу «Савва», главным героем которой вывел богборца, подложившего бомбу под икону... В 1906 году пьесу запретили к постановке по цензурным соображениям.

Андреев метался, не зная, что предпринять. Хотел, было, вернуться в Россию, но друзья из «Среды» отговорили во избежание нового ареста. Горький пригласил его к себе на Капри, и Леонид Николаевич провел там полгода. Весной 1907-го он переехал в Финляндию и в одиночестве прожил все лето. Это была пора тяжких раздумий и выбора дальнейшего пути, который так окончательно и не определился. Свидетельством его душевного разброда явилась странная повесть «Иуда Искариот», где переосмыслен канонический образ предателя, и Иуда показан как самый близкий ученик Христа, чье предательство было продиктовано благородными побуждениями.

Весной того же 1907-го года Андреев, на свой страх и риск, вернулся в Петербург и передал в редакцию журнала символистов «Шиповник» рукопись знаковой пьесы «Жизнь человека». Горький отговаривал его от этого, писал ему: «Ты слишком оголил своего человека, отдалив его от дей-

ствительности, и этим лишил трагизма, плоти и крови». Тем не менее, изданная и поставленная затем на сцене пьеса имела большой успех. Воодушевленный писатель через несколько месяцев опубликовал пьесу «Царь-голод» и рассказ «Тьма», которые подверглись ожесточенной критике. В них автор уже полностью пересмотрел свое прежнее восторженное отношение к революции: она теперь представлялась ему не геройством, не подвигом самоотречения, а бессмысленным хаосом.

В 1908-м году Андреев окончательно переехал в Финляндию, периодически навещаясь в Северную столицу. Жил он в простой деревне, где у него был дом. Здесь, в Ваммельсуу, его частенько навещали друзья, включая молодого, набиравшего сил и известности литературного критика Корнея Чуковского. Однажды тот привез с собой приятную молодую женщину Матильду Денисевич. Андреев к ней немедленно посватался. Будучи «первым женихом России», зимой 1908-го года он рассылал предложения руки и сердца «веером», авось кто-нибудь да согласится. Им владела навязчивая идея непременно жениться.

В ту пору страдающий от одиночества и тоски писатель нередко бывал пьян. Пьяным шатался ночью по улицам Петербурга, совершая эксцентрические поступки. Как-то вломился без приглашения к юной театральной звезде Алисе Коонен, клялся ей в любви. И тут же отправлял любовные послания Матильде, получив до этого

отказ ее сестры... Орловские родственники Леонида Николаевича отнеслись к его выбору настороженно, находя, что первая жена была «преlestная барышня», а вторая — «красива, но мало ему подходяща».

26-летняя же Матильда, которая до Андреева состояла в коротком браке с неким присяжным поверенным и имела четырехлетнюю дочь, начала работать у него литературным секретарем. Обвенчались они в Ялте, причем Леонид Николаевич настоял, чтобы жена взяла данное ей при рождении второе имя — Анна, поскольку в Петербурге большинство уличных проституток любили называться Матильдами. Даже внешне Анна Ильинична Андреева являла собой полную противоположность первой жене писателя. Блок писал матери, что «благодарный теперь» Леонид Николаевич «преспокойно женился в Крыму на дебелой и приятной брюнетке». Дружившая с ней в 20-х годах Марина Цветаева звала ее «черноглазой и даже огнеокой», «одним из самых привлекательных и живописных женских существ» и своим «большим женским другом».

Леонид Андреев прожил со второй женой до самой смерти, у них родилось трое детей — два мальчика и девочка. С появлением Анны жизнь писателя вошла в спокойное русло. В Финляндии он писал в основном пьесы, которые шли на сценах столичных и провинциальных театров, принося автору внушительные гонорары. В 1909 году была закончена мистическая драма «Анатема». Ее главный герой Давид Лейзер раздал все

наследство нищим, и те решили, что перед ними чудотворец. Толпа в нетерпении ждала чуда, когда же его не произошло, забила Лейзера камнями. Один из двух основателей МХАТа Немирович-Данченко немедленно включил пьесу в готовящийся репертуар.

Первая мировая война, как и у многих представителей творческой интел-

Вторая жена Анна Денисевич

лигенции, вызвала у Андреева подъем патриотических чувств. Ярким свидетельством этого явилась его пьеса «Король, закон и свобода» (1914). Она отразила военные события в Бельгии и в том же году была экранизирована акционерной кинокомпанией А. Ханжонкова. Тогда же писатель отказался от своего финляндского уединения и стал заведующим литературным отделом редакции газеты «Русская во-

ля», носившей острополитическую направленность. В семнадцатом году большевики закрыли это издание. Леонид Николаевич Октябрьскую революцию не принял, большевиков возненавидел и вновь удалился к себе в Ваммельсуу. А в декабре Финляндия получила независимость, и стареющий мистик оказался в невольной эмиграции. Ему оставалось жить менее двух лет.

Пытаясь переосмыслить свершившуюся пролетарскую революцию, растерянный писатель вступил в эмигрантскую организацию и сел за роман

«Сегодня ровно десять дней, как Я вочеловечился и веду земную жизнь.

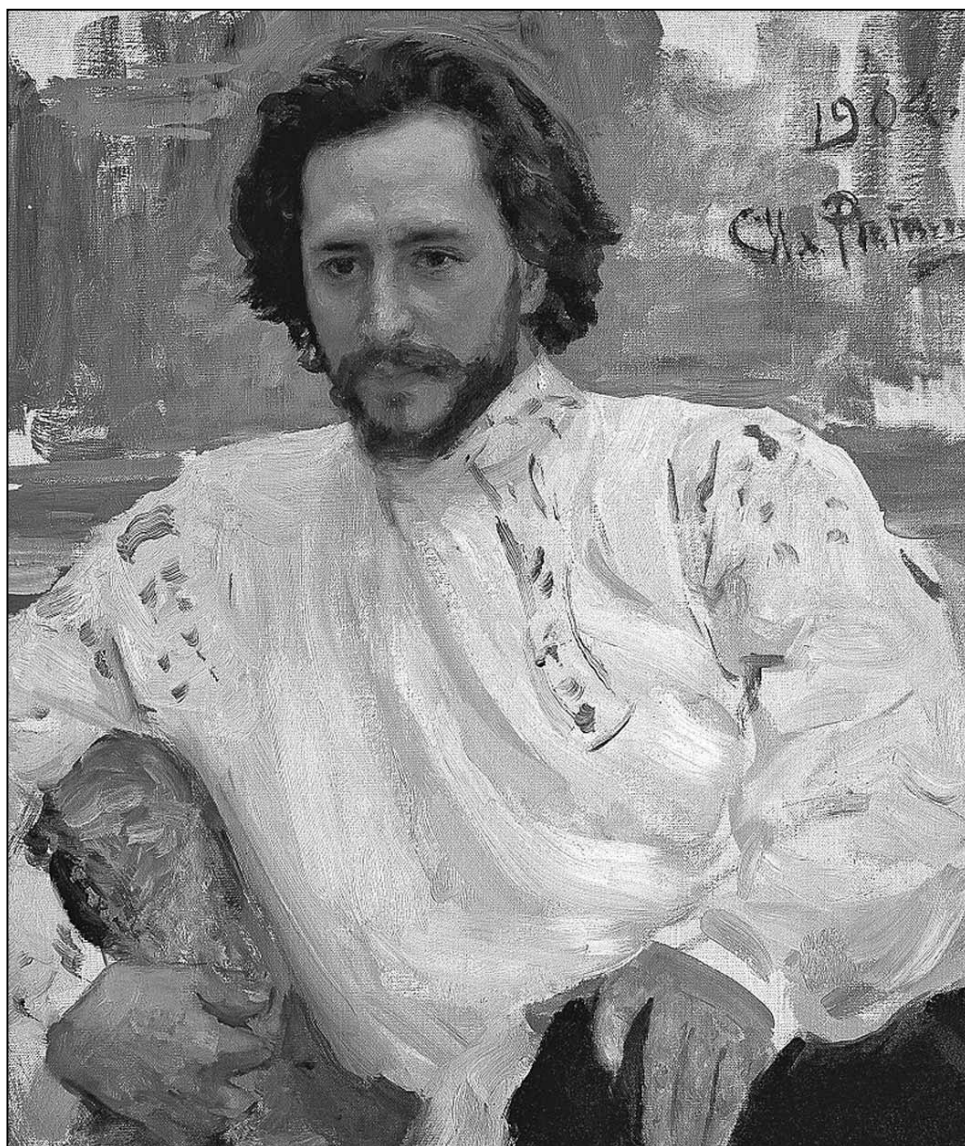
Мое одиночество очень велико. Я не нуждаюсь в друзьях... Мне не с кем говорить. Одних мыслей недостаточно, и они не вполне ясны, отчетливы и точны, пока Я не выражу их словом... А правду — как ее скажу, если даже мое Имя невыразимо на твоём языке? Сатану назвал меня ты, и Я принимаю эту кличку, как принял бы и всякую другую... Но мое истинное имя звучит совсем иначе! Оно звучит необыкновенно, и Я никак не могу втиснуть его в твоё узкое ухо, не разодрав его вместе с твоими мозгами: пусть Я — Сатана, и только.

Когда Финляндия, куда уехал с семьёй Андреев, получила независимость, стареющий мистик оказался в невольной эмиграции. У него были обширные творческие планы, реализовать которые он, увы, не успел. Болезнь сердца до срока свела его в могилу — а ведь ему было всего 48 лет...

«Дневник Сатаны». Роман остался незаконченным, однако и то, что вышло из-под пера Л. Андреева, позволяет говорить об этом произведении, как о несомненном шедевре. Глубокое философское повествование, сочетающее реализм и символизм, отличающееся эмоциональной насыщенностью и внутренним напряжением, приводит читателя к совершенно неожиданному повороту сюжета. Сатана думал и гордился тем, что он воплощение зла и жестокости, однако, побыв некоторое время среди людей, он в корне меняется...

...Я хочу играть... Моими подмостками будет земля, а ближайшей сценой Рим, куда Я еду... Трупы определенной я ещё не имею, но верю, что Судьба или Случай, которому Я отныне подчинен, как и все ваше земное, оценит мои бескорыстные намерения и пошлет навстречу достойных партнеров...»

Так начинается удивительное последнее произведение Леонида Андреева, одного его достаточно, чтобы признать автора едва ли не самым даже не «недооценённым», но попро-

*И. Репин.
Портрет
Л. Андреева*

сту «неоцененным» писателем начала прошлого века.

За годы Гражданской войны, с 1918-го по 1923-й, в вынужденной эмиграции, подобно Л. Андрееву, оказались свыше сорока именитых российских литераторов, таких, как А. Аверченко, И. Бунин, Б. Зайцев, И. Шмелев, Д. Мережковский, Е. Чириков, А. Амфитеатров... Большинству из них предстояло провести на чужбине всю оставшуюся жизнь. Подобная участь, очевидно, ждала и Андреева. У него

были обширные творческие планы, реализовать которые он, увы, не успел. Болезнь сердца до срока свела его в могилу. Он умер 12 сентября 1919 года от инфаркта. Ему было всего 48 лет.

В России, погружившейся в кровавый хаос Гражданской войны, на смерть писателя-эмигранта откликнулись глухо и невнятно. Вдова Андреева, Анна, подобно покойному супругу, убежденная по наивности в скорой и неминуемой победе белой армии, наотрез отказалась хоронить мужа

в финской земле, утверждая, что похороны должны состояться только в России, со всеми положенными ему по статусу прощальными церемониями. Вот почему гроб с телом был установлен в часовне по соседству. И простоял там целых пять лет, пока не был все-таки погребен на местном кладбище.

В ходе Финской военной кампании 1939–1940 годов Карельский перешеек был аннексирован СССР, и на присоединенных территориях, включая кладбище с могилой Л. Андреева, началась новая, социалистическая жизнь. Кладбище, где упокоились останки писателя, сровняли с землей.

В 1956 году гроб с останками Л. Андреева был перезахоронен на Литературных мостках Волковского кладби-

ща в тогдашнем Ленинграде, рядом с видными собратьями по перу. На могиле установили восьмигранную гранитную стелу, украшавшую ранее чью-то могилу на том же поруганном финском кладбище.

Ну а творчество Леонида Андреева оценено по достоинству нашими современниками и, несомненно, не будет забыто грядущими поколениями читателей, которые откроют для себя его дерзкие образные мысли о быстро текущей жизни и вселенском Разуме, о Человеке и окружающем мире, о Мечте, преодолевающей косность повседневности и ужас неизбежной смерти. Произведения этого писателя не легко воспринимаются при поверхностном чтении, но они стоят того, чтобы углубиться в них и задуматься о вечном.

Леонид Андреев

Праздник

I

С половины Великого поста Качерин почувствовал, что в мир надвигается что-то крупное, светлое и немного страшное в своей торжественности. И хотя оно называлось старым словом «праздник» и для всех других было просто и понятно, Качерину оно казалось новым и загадочным,— таким новым, как сознание своего существования. Последний год Качерину казалось, что он только что появился на свет, и все удивляло и интересовало его, а то, что было раньше и называлось детством, представлялось смешным, веселым и к нему не относящимся. И он помнил момент, когда началась его жизнь. Он сидел в своем классе на уроке и скучал, когда внезапно с удивительной ясностью ему представилось, что вот этот, который сидит на третьей парте, подпер голову рукой и скучает, есть он, Николай Николаевич Качерин, а вот эти — тот, что бормочет с кафедры, и другие, рассеявшиеся по партам,— со-

всем иные люди и иной мир. Представление это было ярко, сильно и мгновенно, и потом Качерин уже не мог вызвать его, хотя часто делал к тому попытки: садился в ту же позу и подпирал голову рукой. Но зато все стало новым и полным загадочности: товарищи, отец и мать, книги и он сам.

Качерин был учеником седьмого класса гимназии, и одни из знакомых, старые, называли его просто «Коля», а все новые звали Николаем Николаевичем. Он был невысокого роста, тоненький и хрупкий, с очень нежным цветом лица и вежливой тихой речью. Усики у него только что стали пробиваться и темной пушистой дорожкой проходили над свежими и красными губами. Родители Качерина были очень богатые люди и имели на одной из главных улиц города свой дом, при котором находился большой, в две десятины, сад, громадные сараи и конюшни и даже колодец, из которого вся почти улица брала для себя воду.

У Качерина было много приятелей и один друг, Меркулов, которого он любил горячо и нежно и каждую неделю отсылал ему по большому, мелко испи-санному письму. Меркулов был старше его двумя годами и с осени находился в юнкерском училище, откуда приезжал только на большие праздники. Имелись у Качерина и враги, по крайней мере, один враг — реалист, с которым он однажды подрался еще маленький, и с тех пор косился при встрече, а одно время даже носил в кармане кастет. Была у него и возлюбленная — молодая, красивая и веселая горничная, однажды овладевшая им. В гимназии, дома и у знакомых все считали его очень счастливым юношей, но сам он находил себя глубоко несчастным. И причиной несчастья было то, что он сознавал себя порочным и лживым, а жизнь свою никому и ни на что не нужной. И много неразрешимых вопросов приходило ему в голову и выталкивало оттуда латынь и математику: нужно ли ему жить и зачем? Как сделать, чтобы быть довольным собой и чтобы все любили его? За последнюю учебную четверть он получил две двойки, и это грозило ему оставлением в классе на другой год. И то, что он так плохо учился и скрывал это от родителей, которые со своей стороны добродушно хвалили его, делало его окончательно негодным в его глазах. А если бы еще все, хвалившие его, знали, где он бывает с товарищами и что делает там!

И надвигавшееся на мир что-то крупное, светлое и немного страшное, называвшееся старым именем «праздник», как будто несло с собой ответ. И Качерин думал, что не может быть печальным этот ответ, и что обязательно явится некто и скажет, как нужно жить и для чего нужно жить. Будет ли это Меркулов, который приедет к Святой, или кто-нибудь другой, а может быть, даже и не кто-нибудь, а что-нибудь — Качерин не знал, но он ждал.

И праздник наступил.

Праздничное и новое началось с первых дней Страстной недели, но Качерин не сразу почувствовал его. Он ходил в гимназическую церковь, видел там

товарищей и учителей, и все это было будничное и старое. Надзиратель, носивший странное название «Глиста», поймал его, когда он курил, и хотел жаловаться инспектору. Все было скучно и серо, и все лица казались тусклыми, и на них не было видно того, что замечалось раньше, — того же ожидания какой-то необычайной радости, как у него. Быть может, на всех влияла дурная погода: на Вербное воскресенье шел снег, а потом три дня стояли холод и слякоть, и нельзя было открыть ни одного окна. Но все же в воздухе носилось что-то раздражающее. На улицах экипажей и людей стало больше, чем всегда, и двигались они быстрее, и говорили громче, и все обязательно толковали не о текущем дне, а о том, что они будут делать тогда, на праздниках. Настоящее точно провалилось куда-то, и люди думали об одном будущем.

И когда в пятницу появилось солнце и сразу нагрело и подсушило землю, надвигающийся праздник овладел всем живущим, и Качерин почувствовал его во всем. Но это все было только ожиданием, и раздражало и мучило. Качерин пошел в конюшню, — там кучер и дворник мыли экипажи и чистили лошадей, и были злы и неразговорчивы. Он несколько раз заглядывал на кухню — там происходило что-то необыкновенное. И всегда в будни Качерины ели очень много и хорошо, но теперь все готовили и готовили, и ни до чего из приготавливаемого нельзя было касаться, так как оно предназначалось для праздника. Мать и отец уезжали на старенькой пролетке и привозили все новые кульки, и опять уезжали, и по всему дому разносили раздражающий, необычайный запах ванили, свежего теста и яиц. Всюду перед иконами горели лампадки, и нянька ругалась с маленькими детьми и не пускала их в залу и гостиную, где полы были начищены и уже все убрано. Завтрака совсем не было, а обед подали такой плохой, как будто есть теперь совсем было не нужно. Горничная Даша столкнулась с Качериным в буфетной, когда там никого не было, и хотя поцеловала его, но быстро и небрежно. Волосы у нее были не причесаны, и от голых рук шел тот же раздражающий запах ванили.

— Выйди в сад, — сказал Качерин.

— И ни-ни-ни! — замотала головой Даша. — Вот! — растопырила она руки, показывая, сколько у нее дела.

Качерин вышел в сад, и сад показался ему полным того же страстного ожидания. Около террасы дорожки были уже вычищены и посыпаны желтым песком, но дальше, в глубине сада, было сыро и запущено, как это бывает после зимы. На дорожках лежал, прилипая к земле, прошлогодний лист, темный и промоченный насквозь; в углах у заборов белел нездоровый снег, и из-под него сочились струйки воды, чистой и прозрачной, как слеза. Местами темно-зелеными пучками сидела молодая крапива, и недалеко от нее выглядывал на свет остренький стебелек травы, одинокий и пугливый. Нагретые солнцем скамейки жгли руку, а весь неподвижный воздух казался до густоты насыщенным

солнечным теплом, ароматом земли и невидимой молодой зелени. Радостно и тихо было в саду, и отчетливо доносилось с улицы скрипение ворота, поднимающего из колодца бадью. Но Качерин не мог наслаждаться этим покоем, и ему казалось, что сейчас и нельзя делать этого, а нужно ждать того, что называется «праздником». И он переходил от одной скамейки к другой, присаживался ненадолго и снова шел. Так он обошел весь сад, чего-то ожидая и ища, опять побыл в конюшнях и несколько раз выглянул на улицу, точно праздник должен был прийти именно оттуда. До поздней ночи он ходил по дому и по двору и всем мешал, и всех молча спрашивал: скоро ли, наконец, придет он, ваш праздник?

В субботу днем мать сказала ему:

— Приехал твой Меркулов, сейчас видели его на Московской. Обещал вечером прийти.

Качерин вспыхнул и улыбнулся.

— И я рада, — ответила на его улыбку мать. — Скучать и мешаться не будешь.

Все кругом стало теперь ясно и понятно для Качерина, и он терпеливо стал ожидать, зная, кого он теперь ждет: Меркулова. Он думал о том, что будет рассказывать своему другу, и ему чудилось, что одного простого рассказа достаточно для того, чтобы распутать и разрешить узел, в который завязалась его жизнь и который минуту назад представлялся неразрешимым. И он сделал приготовления для приема Меркулова: добыл через Дашу бутылку красного вина и две рюмки и все это поставил на окне в своей комнате. В эту минуту он забыл, что одним из пороков, внушавших ему отвращение к себе, была приобретенная в этом году привычка к вину.

Наступал вечер, и большой дом начал успокаиваться. Реже хлопала дверь из кухни, умолкли в детской ворчливые звуки нянькиных нотаций и звонкие голоса детей. Качерин прошелся по чистым и торжественно-молчаливым комнатам, сумеречно освещенным вздрагивающим огнем лампад. Белые кисейные занавеси у окон также, казалось, вздрагивали, и было все немного и страшно и весело, полно тихого и светлого ожидания — так, как и должно быть в такой большой и хороший праздник.

Сейчас придет Меркулов. Что-нибудь задержало его. Тихо было на дворе и в саду, куда прошелся Качерин. В конюшне громко стукнула копытом лошадь, он вздрогнул от этого звука и подумал: сейчас придет Меркулов. У раскрытых дверей сарая горел фонарь, и кучер Евмен мазал чем-то свои сапоги.

— Скоро и к утрени, а? — ласково спросил он, узнав барчука в смутно темневшей тоненькой фигурке, и добродушно подмигнул: — А Дашку с куличами уже услали!

Он знал о любви Качерина к Даше, как знали это и все в доме, кроме родителей, и покровительствовал ей.

Почему же не идет Меркулов?

Еще раз Качерин прошелся по всем местам, где он уже был в этот вечер, и, стыдясь самого себя, отправился к калитке. Он был уверен, что, когда откроет ее и выглянет на улицу, увидит подходящего Меркулова и услышит его милый голос: «Здравствуй, Коля!» Осторожно, медленно Качерин открыл скрипнувшую калитку, выглянул, потом вышел на улицу и сел на холодные ступени каменного крыльца. Безлюдно и тихо было на улице. Издалека слышался звук экипажа, и Качерин приподнялся. Ближе. Всеми своими железными частями забренчала разбитая пролетка, и уже по одному звуку он догадался, что это возвращается один, без седока, запоздавший извозчик. Слышно стало, как ухают колеса в промытых водой колдобинах дороги и расплескивается под копытами жидкая грязь — и вновь настала глубокая тишина апрельской темной ночи. Долго еще сидел Качерин и много раз обманывался, думая, что вот, наконец, идет Меркулов.

Не пришел Меркулов.

Словами не мог определить Качерин того чувства, которое охватило его, когда он, нахолодавший, вернулся в свою чистую и светлую комнату. Он задыхался от гнева, тоски и слез, комком собравшихся в горле. Он мысленно произносил упреки, которые сделал бы теперь, если бы пришел Меркулов, но они не складывались в фразы и переходили в дикий и неосмысленный крик:

— Подлец! Подлец!

Разве стоит после этого жить? Полгода не видались они; полгода днем и ночью думал он о той минуте, когда увидит своего друга и все расскажет ему: как тяжело и мучительно жить, когда нет смысла в жизни, когда нет души кругом, с которой можно было бы поделиться своим горем. Полгода не виделись — и он не мог прийти и остался с другими пошлыми людьми, которые интересны ему, дороги и милы! И Качерину казалось, что все страстное ожидание, которое так долго томило его, которое он видел начертанным на всех лицах и вещах, относилось к одному Меркулову. Один он, и только он, нес с собой ответ на все мучительные вопросы и обещал свет, радость и успокоение. О, если бы он пришел!

Подлец!

Качерин поставил на стол бутылку с красным вином и две рюмки и с искаженной усмешкой смотрел на них. Из той рюмки должен был пить он. Усмехаясь и качая головой, Качерин налил обе рюмки, взял свою, чокнулся и выпил.

— За... твоё здоровье! — сказал он вслух и даже не заметил этого. — Смотри же ты, оставшийся с пошлыми людьми, как гибнет твой друг, который так любит тебя. Смотри, как в одиночку, перед тенью бывшего, напивается он и падает все ниже и ниже. Стоит ли жить, когда так ничтожны и подлы люди? Стоит ли думать о себе, о своем достоинстве и жизни, когда ложь и обман царят над миром? Пусть гибнет все!

Уже целых две рюмки выпил Качерин и не почувствовал хмеля. Он ходил по комнате, садился и вновь ходил, хватался руками за грудь и голову. Ему

чудилось, что сейчас в них разорвется что-то, и кровь потечет из глаз вместо бесцветных слез. И то проклинал он, то молил, то о мести думал, то о смерти, и уверен был, что никто на свете не терпел таких мучений, как он, и ни к кому не была так безжалостна жизнь и люди. И когда он вспоминал о светлых минутах ожидания и о том, как долго и терпеливо он ждал, ему хотелось нанести себе самое тяжелое и позорное оскорбление.

В дверях комнаты послышался стук.

— Коля, а ты разве в церковь не пойдешь? — спросил голос матери.

Качерин поспешно схватил бутылку с вином и рюмки и на цыпочках отнес их к окну. Потом, усиленно стуча ногами, подошел к двери и открыл ее.

— А Меркулов-то твой не пришел, — сказала мать, оглядывая комнату. — Я думала, ты с ним сидишь.

— Вероятно, задержал кто-нибудь, — отвечал Качерин равнодушно и беззаботно.

— Должно быть. У него так много знакомых. А мы с отцом уезжаем.

Мать еще раз оглядела комнату, Качерину показалось, что она особенно долго смотрела на занавеси окна, за которыми стояла бутылка, и вышла.

Он чувствовал, что в жизни для него все уже кончилось, и теперь безразлично, останется ли он дома или пойдет в церковь. И ему захотелось пойти, чтобы увидеть, как веселы и счастливы все люди и как несчастлив только он один. Он нарочно будет смеяться и шутить, и никто не догадается, что этот юноша, такой молодой, такой хороший и веселый, думает о смерти и только одной ее жаждет. В зеркало взглянули на него большие глаза с темными кругами и бледное, страдальческое лицо. Качерин нахмурил брови, потом горько улыбнулся и подумал, что он сейчас рисуется.

— И пусть рисуюсь. Ведь я негодяй, — с усмешкой передернул он плечами.

Совсем близок был праздник, большой и загадочный, и Качерин снова ощутил замирающее чувство ожидания, когда вышел из дому. Отовсюду в церковь шли люди, топот бесчисленных ног отдавался в тихой улице, и казалось, что умерли все остальные звуки. Медленно и грузно шмурыгали ногами старухи, приостанавливались и вздыхали; частым, мелким топотом отдавалась походка детей, твердо и ровно стучали по камням ноги взрослых. И необыкновенная поспешность чувствовалась в стремительном движении толпы вперед, к чему-то неизвестному, но радостному. Даже разговоров слышно не было, точно люди боялись потерять хоть одну минуту и опоздать. Качерин невольно ускорил шаги, и чем больше обгонял других, тем сильнее торопился.

Но вот и гимназия. В большой зале, в которой гимназисты гуляли во время перемен и свободных уроков, рядами стояли кулички, и около каждого была зажженная свеча. Отсюда не было слышно церковной службы, но прислуга, стоявшая у куличей, крестилась. По коридорам двигалась густая и пестрая толпа

гимназистов в мундирах и барышень в белых и цветных платьях, и так странно было видеть этих чужих, веселых, болтливых людей в коридорах, где раньше было все так строго и чинно, и ходили учителя во фраках и с журналами. Все гулявшие смеялись и говорили, и на всех лицах сияла радость — по-видимому, праздник для них уже наступил. Как будто уже случилось что-то необыкновенно радостное, или оно происходит сейчас, и люди присматриваются. Высокая плотина, за которой люди копили для себя веселье, оставаясь в ожидании его в обмелевшем русле жизни, казалось, дала уже трещины и с минуты на минуту готовилась рухнуть. Качерин чувствовал, как все выше и выше поднимаются вокруг него волны светлой радости, и люди захлебываются в них. Он прислушивался к разговорам; вглядывался в лица и допрашивал смеющиеся глаза — и было во всех них что-то новое, незнакомое и чуждое. Старые знакомые пошлости звучали странным весельем и даже как будто бы умом. Люди встречались, улыбались, говорили: «здравствуйте», и оно звучало как поцелуй. При теплом сиянии свечей, лившемся и сверху, и снизу, и с боков, разглаживались морщины на лицах, и они становились неузнаваемыми, и в глазах блестел новый огонек: то ли отблеск свечей, то ли внутреннего света. Все выше и выше поднимались волны бурного и громкого веселья и смыкались над головой Качерина, но ни одна капля его не входила в его грудь и не освежала пересохшие от жажды уста. И как тогда, в классе, на миг блеснуло сознание одиночества и как молнией осветило черную пропасть, отделявшую его, этого уныло блуждающего по коридорам человека, от всего мира и от людей.

— Праздник... Как страшно это — праздник, — шептал Качерин, сторонясь от толкавших его веселых, довольных людей, которые так ласково глядели на него и так далеко были от него своими душами. И с ужасом, который так легко сообщался его уму, он с поразительной ясностью представился самому себе в виде какого-то отверженца, Каина, на котором лежит печать проклятия. Весь мир живых людей и неживых предметов говорил на одном веселом, звучном языке. Он один не понимал этого языка и мучился от дикого сознания одиночества.

И Качерин ушел из сверкающего огнями здания гимназии, ища покой в темных улицах. Но, куда ни шел он, везде встречали его сияющие церкви, и около них шумно толпился народ, а в стекла окон он видел молодые и старые лица без морщин, и головы, медленно склонявшиеся после крестного знамения.

Ни звука не доносилось из-за толстых стекол, и эта немая вереница светлых лиц, трепетавших под наплывом одного и того же глубокого блаженного чувства единения между собой и Богом, наводила страх на молодого отверженца. Так переходил он от одной церкви к другой, и всюду заглядывал в окна и видел одни и те же мерно склонявшиеся головы и беззвучно шепчущие губы. И все страшнее и страшнее становилось Качерину. Ему чудилось,

что это все одна и та же церковь с одними и теми же людьми вырастает у него перед глазами и загораживает дорогу, и гремит всеми своими горящими окнами, всеми своими колоколами, грозными, могучими:

— Проклятый! Проклятый!

И когда Качерин вспоминал свое недавнее горе от неприхода и измены Меркулова, он понимал, как оно ничтожно и слабо перед этим страхом одиночества и заброшенности, охватившим его душу. И еще более загадочным и страшным становился праздник, который он наконец видел всюду и которого не чувствовал и не понимал. Смолк грозно-веселый говор колоколов, с самых отдаленных концов темного города посылавших ему проклятие и насмешку, и Качерин совершенно машинально за толпой мещан полез на какую-то колокольню. Непроглядный мрак охватил его на переходах крутых и узеньких лестниц. Впереди скрипели ступени под тяжелыми шагами идущих, и он, одной рукой держась за скользкие перила, другую протягивал вперед и думал, как глухо здесь, таинственно и непохоже на то, что недалеко внизу молится тысячная толпа и поют священники и певчие.

Но вот голову его охватило нежным холодком весенней ночи, и возле себя он увидел медные, молчаливо отдышавшие чудовища, а внизу крыши домов, плоские, как будто лежащие на мостовой. На железных откосах горели площадки, и пламя от фитилей сгибалось от неслышного, только ими ощутимого ветерка. И куда ни хватал взор, всюду он видел такие же мирно молчащие колокольни и огоньки площадок, взобравшихся так высоко, как звезды. И здесь был праздник, но другой, чем внизу — кроткий, торжественный и нежный, как ласка весеннего воздуха. Он не мучил Качерина, не дразнил его своим ярким блеском и шумным весельем, а входил в его грудь, ласковый и тихий, и что-то теплое переливалось в сердце. И когда Качерин прикоснулся рукой к холодному краю колокола, голос которого таким страшным и жестоким казался снизу, он звенел тихо и немного грустно. Точно и его медную грудь утомили бурные звуки громкого ликования.

Задумчивый и смягченный, Качерин спустился с колокольни и вошел внутрь церкви, которая стала близкой ему и дорогой, так как одна она из всех церквей так дружески и хорошо встретила его. Вероятно, то был бедный приход, или все хорошо одетые, богатые люди стояли ближе к алтарю и к Богу, как думали они, только в тесной толпе молящихся не было раздражающей пестроты и яркости праздничных одежд, и лишь на лицах их светлый праздник, такой же кроткий и тихий, как и наверху. Пробираясь осторожно к стене, Качерин увидел девушку его лет, в коричневом форменном платье гимназистки, и остановился немного сзади нее. Она долго не замечала его пристального взгляда, но потом обернулась и кивнула головой, так как они были знакомы, и улыбнулась ласково и приветливо. Ни смущения, ни любопытства не прочел он во взоре ее ясных глаз, и улыбка ее была так проста, доверчива и мила, как мило

и просто было все ее молодое, красивое лицо. Доверчивость и простота читались в медленном поднятии густых ресниц, в прозрачной и чистой краске щек, а особенно говорили о них, казалось Качерину, простенькие и наивно-милые колечки темных волос, поднимавшихся от белой шеи. И как будто так и нужно было случиться, как оно случилось: чтобы он пришел сюда и стал здесь возле нее, и иначе не могло быть. Кто-то вздохнул сзади Качерина глубоко и продолжительно, чей-то молитвенный шепот проникал в его ухо, а он смотрел на золоченый иконостас, задернутый синими клубами дыма и тускло сверкавший, и на милые колечки волос, и на белую нежную руку, неподвижно державшую свечу, и не понимал, что такое жгучее поднимается в нем. Чья-то рука осторожно коснулась его плеча и протянулась вперед с беленькой свечкой, обвитой тоненькой полоской золота.

— Спасителю! — тихо шепнул незнакомый голос.

Качерин так же осторожно коснулся плеча девушки и шепнул, протягивая свечу:

— Спасителю!

Она не расслышала, так как голос его был глух и прерывался, вопросительно-ласково подняла густые ресницы и ближе наклонила ухо. И так много было трогательной доверчивости в этом простом движении, и с такой непостижимой, чудной силой оно разрушило стену, за которой, чуждая миру и людям, мучительно содрогалась одинокая душа.

Волны дивного веселья, прозрачные, светлые, подхватили ее и понесли, счастливую в своей беспомощности. Передав свечу дрожащей рукой, Качерин упал на колени — и мир утратил для него свою реальность. Он не понимал, где он находится, кто стоит возле него, и что поют где-то там, и откуда льется на него так много света. Он не знал, о чем плачет такими горькими и такими счастливыми слезами, и стыдливо скрывал их, по-детски закрывая лицо руками. Так хорошо и уютно было ему внизу, у людских ног, закрытому со всех сторон. В один могучий и стройный аккорд слилось все, что видели его глаза, ощущала душа: и она, эта девушка, такая милая и чистая, к которой страшно коснуться, как к святыне, и жгучая печаль о себе, порочном и гадком, и страстная, разрывающая сердце мольба о новой, чистой и светлой жизни. Не было радости в этой дивной песне пробудившейся души, но всю радость, какая существует в бесконечном мире, можно было отдать за один ее звук, чистый и печальный. Каждая дрожащая слеза гранила чистую печаль, и сверкала она в душе, как драгоценный алмаз. С боязливой нежностью Качерин прижался губами к коричневому платью, и тоненькая полоска его, сжатая между его губами и осторожной рукой, не была грубым и пыльным куском дешевой материи, а была она тем чистым, тем светлым, ради которого только и стоит жить на свете.

Наступил праздник и для Качерина. □

Традиции Гагарина

У России много значимых событий не только в собственном развитии, но и в мировой истории. Навечно нашим отечественным достиже-

ем останется дата, когда человек по фамилии Гагарин первым облетел земной шар и вернулся на землю, благодаря чему мир вступил в

эпоху освоения космического пространства.

Эта весть застала меня утром 12 апреля 1961 года в городке Бернбург, где я служил в Группе советских войск в Германии. Я был помощником начальника политотдела 1-й гвардейской инженерно-саперной бригады по комсомольской работе. В это утро я был на спортплощадке, помогал молодому офицеру в проведении занятий. Вдруг услышал из уличного динамика, что советский человек — майор Гагарин — в космосе. Все, находящиеся рядом, замерли и внимательно вслушивались в краткое сообщение ТАСС. Конечно, хотелось подробностей, но быстро получить более подробную информацию было неоткуда.

С каждым днем поток информации о полете Гагарина расширялся, больше давалось разъяснений и мнений специалистов, и я с жадностью читал все, что попадалось на глаза. Радости и гордости не было предела. Юрий Алексеевич стал национальным героем.

И вот спустя шесть лет после исторического полета как будто судьбой мне было предначертано познакомиться с ним лично. Это произошло на Пленуме ЦК ВЛКСМ в декабре 1967 года. Олег Зинченко, помощник начальника Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота по комсомольской работе, член Бюро ЦК ВЛКСМ, посоветовал мне побывать на утреннем заседании, послу-

шать выступления. А в обеденном перерыве отзывает меня в сторону и тихо говорит:

— После перерыва на заседание не ходи. Мы зайдем к тебе в номер с Юрой Гагариным сразу после окончания Пленума. Сходи в магазин и... ну, ты сам знаешь. Приготовь что-нибудь и жди нас в номере.

Я сразу сбегал в магазин неподалеку от гостиницы «Юность», взял там стандартный набор: палку любительской колбасы, сыр, консервы какие-то, селедку, хлеб, то есть все, что можно было купить в то время.

Пленум завершился, Олег с Юрием Гагариным незаметно пробрались ко мне в номер. Были еще Геннадий Жабицкий, первый секретарь ЦК комсомола Белоруссии, и мой друг Толя Цибизов. Мы закрылись на ключ и приступили к «трапезе». Помню, как Юрий Алексеевич, встав для тоста, обвел рукой стол и высказался, что ему это очень импонирует. Дескать, устал от официальных застолий, от хрусталя и протокола. Этим покорила меня. К тому же я получил благодарные слова Гагарина за селедку, которую я разделал на оберточной магазинной бумаге.

Но дело в том, что в этот день с комсомолом символически «прощался» в связи с переходом на партийную работу первый секретарь ЦК комсомола Грузии. Грузины тогда были по сравнению с представителями других республик самыми богатыми. Так вот, первый секретарь грузинского комсомола (не

помню фамилию), выступая с прощальной традиционной речью, в завершение пригласил весь состав Пленума (а это более 400 человек) в гостиничный ресторан. Гагарину он, видимо, уповая на свое положение, предварительно не сказал об этом или сказал после того, как Юрий Алексеевич уже дал согласие Олегу Зинченко.

И когда участники Пленума уселись за столы в ресторане, все увидели, что Юрия Алексеевича нет. Грузинский комсомольский шеф начал шуметь на своих клерков и сказал, что не начнет банкет, пока не найдут Гагарина. Его помощники забегали по всей гостинице.

А Юрий просто не хотел туда идти. Он сказал: «Я обещал Олегу. А если я обещал быть в одной компании, в другую не хожу». Кстати, этим правилом я с тех пор тоже руководствуюсь.

«Продала» нашу компанию дежурная по этажу, указав на мой номер. Церберы «грузинского князя» ломились в дверь. Удивляюсь, как они не выломали ее. Телефон трещал, не умолкая. И когда допекли, я им ответил, что не открою дверь, так как у меня в номере Гагарина нет. Попросили войти и только убедиться, что это так. Когда многочисленные отговорки по телефону уже не принимались, я выбросил «козырь»: «Не могу открыть, у меня в номере женщина».

Они или поняли, что на этом следует остановиться, или проявилась их мужская солидарность, но от меня

отстали. Что было в ресторане, я не знаю, но нас больше не тревожили.

Мы сидели, разговаривали, вспоминали. Выпили первый тост — за комсомол. Естественно, все внимание было на Юрии. Он только поднялся, чтобы произнести второй тост, как вдруг раздался условный стук в дверь. Я открыл. На пороге стоит «в дугу пьяный» один из секретарей ЦК комсомола Белоруссии. Настроение стало портиться уже от его вида. Тем не менее, Юрий Алексеевич продолжил свой тост о товарищах, о космонавтах. И тут этот пьяный секретарь выдал:

— Что ты все о космонавтах! Кто вы? Подопытные кролики. Вас посадили в корабль, запустили, вернули, дали Героя, и все... (Привожу эти слова почти дословно, они мне на всю жизнь врезались в память — авт.).

В комнате гнетущая тишина. Молчит и Юрий. Потом он взял себя в руки и медленно, но сдержанно произнес:

— А Володя Комаров, мой друг, сгорел в космосе. Это тебе подопытные... — и бросил стакан с маленькой долей коньяка на пол. Я увидел, как у него повлажнели глаза.

Он встал из-за стола и собрался уходить. Мы все окружили его и уговаривали остаться. Я в это время схватил за грудки незваного гостя и буквально вытолкнул в коридор. Юрия еле успокоили. Хотя настроение у всех было испорчено, он не ушел, и мы посидели еще довольно длительное время.

Тот самый стакан

А потом Юрий Алексеевич все же попросил отпустить его, надел шинель и начал прощаться. Я, даже не спрашивая разрешения, тоже оделся и пошел с ним к машине, чтобы сопроводить до Звездного городка.

Он направился к своей машине, я — к своей, но неожиданно Юрий Алексеевич сделал мне отмашку, и я понял: приглашает в свою машину. Мы устроились вдвоем на заднем сиденье и поехали в «Звездный».

До него ехать было в пределах часа. Всю дорогу мы говорили. Вспоминали общих знакомых. Он задал несколько вопросов, касающихся лично меня, и я понял, что мою подноготную он узнал от Зинченко. А меня, естественно, интересовали вопросы космоса, перспективы поле-

тов, впечатления от зарубежных поездок. Но вопросы я задавал очень осторожно. Он отвечал открыто, порой с комментариями.

Зная машину начальника Центра подготовки космонавтов, охранники ни на секунду не задержали ее у шлагбаума. Мы остановились у подъезда дома №2, и Юрий Алексеевич сказал мне, что здесь живут космонавты первого отряда, назвал несколько фамилий. Я запомнил только фамилию Волыновых, которые были соседями Гагарина. Поднялись в лифте до квартиры, и я «сдал его с рук на руки» Валентине Ивановне. Она любезно предложила выпить по чашке чая, но я вежливо отказался, понимал, что Юрий Алексеевич устал. Он снял шинель и прошел в комнату, а я умышленно задержался в прихожей, и мы еще немного поговорили с Валентиной Ивановной. Она произвела на меня хорошее впечатление. Умное, интеллигентное лицо, красивые глаза, правда, в них проглядывала грустинка, наверное, от переживаний за мужа, на которого обрушился водопад славы.

Несмотря на приглашение хозяйки, я не стал заходить в комнату, но через открытую дверь была видна часть гостиной, и мне все же было интересно взглянуть, как живут космонавты. Оказывается, ничего необычного. Что бросилось в глаза? Сувениры! Огромное количество сувениров! Через несколько минут из комнаты вышел Юрий Алексеевич. С неизменной, известной всему ми-

ру улыбкой он поблагодарил меня и протянул руку. Честно, я ждал этого момента. Уверен был, что Юрий Алексеевич выйдет попрощаться. Он крепко пожал мою руку. Я, кажется, даже задержал ее на долю секунды и, сказав напоследок что-то Валентине Ивановне, вышел из квартиры. Но рукопожатие Юрия Алексеевича мне запомнилось. Сильная рука, крепкие пальцы.

Возвратился из «Звездного» в гостиницу очень поздно, но все-таки прибрал на столе, навел порядок в комнате. На полу увидел стакан, который держал Юрий Алексеевич. Надколота была только небольшая верхняя часть. Почему-то не захотелось выбрасывать его. Даже подумал, что при встрече в шутку попрошу космонавта оплатить нанесенный гостинице ущерб (тогда стакан стоил 8 копеек).

Я долго находился под впечатлением той ночной встречи, до сих пор помню все детали. Увы, больше мне не пришлось встречаться с Юрием Алексеевичем. Спустя три месяца первый космонавт планеты погиб в авиакатастрофе. Узнав об этом, я плакал.

Юрий Алексеевич слишком мало пожил. Мелькнул как метеор и сгорел. Мы даже не разглядели его по настоящему. Теперь надо собирать по крохам все, что где-то рассыпалось. Каждый его шаг, каждый жест, каждый кивок головы должен быть зафиксирован в человеческой энциклопедии.

Прошли годы. Я совершил много переездов по службе, но этот стакан всегда остается моим самым дорогим предметом памяти о встрече с Юрой. Из него я никому, вопреки просьбам, не разрешал пить (а желающих было немало), разрешал только подержать в руках.

Буквально с первых полетов у космонавтов сложились очень хорошие отношения с комсомолом, равно как и отношения Юрия Гагарина с Сергеем Павловым — Первым секретарем ЦК ВЛКСМ. И эта дружба началась после того, как группа работников ЦК комсомола провела в Звездном городке целый день, где после экскурсий, встреч и бесед была проведена товарищеская игра в хоккей. Этой встречей Гагарин положил начало одной из новых традиций: встрече комсомольцев и космонавтов, и, что называется, «освятил» ее на первую встречу в 1965 году. Когда закончились все мероприятия, перед отъездом гостей он пригласил «комсомольцев» в свой небольшой кабинет. Начали обмениваться впечатлениями, благодарностями, пожеланиями на будущее... Вдруг Юрий Алексеевич ошарашил всех репликой:

— Ну, чего мнетесь? Чего шепчетесь? Принесли ...так выставляйте.

Мгновение, и сразу на его столе появились хорошая водка, бутерброды... А вот стаканов в кабинете не было. Что делать?

Он мгновенно нашел решение. На столе стоял черный пластмассовый

стаканчик для карандашей. Юрий Алексеевич сполоснул стакан водкой и первый поднял тост за мероприятие и его продолжение. После Гагарина тост сказал Олег Зинченко. А дальше по очереди. Так отметили первую встречу «комсомол — космос». Это вошло в историю как «Гагаринская традиция». Последующие встречи, после того как опозорились перед Юрием Алексеевичем на первой, были уже с нормальной сервировкой.

С участием Гагарина оговорили и примерный сценарий встреч. Вместо хоккея договорились встречаться волейбольными командами, включили также плавание, прыжки с вышки. Так проходили эти встречи в течение трех лет. Но в 1968 году Юрий Алексеевич погиб, и после него никто о встречах не напоминал.

В 1970 году я был назначен помощником начальника Главного политуправления СА и ВМФ по комсомольской работе, и на одном из совещаний начальник ГлавПУра генерал Армии Алексей Алексеевич Епишев посоветовал больше внимания уделять космонавтам. А самое главное — знать, как они живут, работают, есть ли какие проблемы. Он сказал мне: «Товарищ Махов, космонавты молодые, ваши ровесники, вот вам и следует заняться этим вопросом».

А когда я рассказал начальнику Центра подготовки космонавтов генерал-лейтенанту Береговому Георгию Тимофеевичу о том, что мы хо-

тим продолжить традицию, начатую Гагариным, он поддержал эту идею.

На первой же встрече был создан клуб «Комсомол — Космос». Береговой был избран президентом, а я вице-президентом клуба. Почетным президентом с воодушевлением избрали Юрия Гагарина. Тесные общения, откровенность позволяли обитателям «Звездного» высказывать наболевшее, и порой с помощью ГлавУпра решались не решаемые ранее проблемы.

Пятилетний период нахождения на этой должности был для меня самым насыщенным по контактам с обитателями Звездного городка, и общение с ними было частью моей служебной деятельности.

Мы не только ежегодно проводили ставшие уже традиционными встречи спортивных команд «Комсомол-Космос», но было много других мероприятий и общений, которые способствовали укреплению и личной дружбы. Я с большим удовольствием брал решение многих вопросов на себя, часто приезжал в «Звездный», и у меня установились личные дружеские контакты не только с руководством городка, но и с большинством космонавтов.

Ежегодно встречались 7 октября, в день Конституции СССР (поскольку это был не рабочий день), и каждый раз готовили стенд с фотографиями прошлой встречи и пожеланиями на будущее. Так вот на последней встрече в 1975 году (больше встреч не было — авт.) на боль-

ВETERАНАМ И МОЛОДЫМ ТРУЖЕНИКАМ
КОМСОМОЛЬСКОГО ОТДЕЛА ГЛАВНОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ АРМИИ
И ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

Дорогие, друзья боевые!

Комсомольцы Звездного городка приветствуют вас, участников У традиционной спортивной встречи, и сердечно поздравляют со всенародным праздником, Днем конституции СССР.

В этот праздничный день наши дружные команды четыре раза встречались на спортивных полях, имея переменный успех. Счет матчей 2:2. Готовы ли вы к новому спортивному сражению? Пусть в нем, как и прежде, победят дружба, ловкость, мастерство.

Желаем вам удачи в больших делах и счастья.

Храните традиции вашего вечно юного отдела и с присутствующими вам энергией и задором трудитесь над воспитанием армейской и флотской молодежи.

Успехов вам, друзья!

КОСМОНАВТЫ
ВETERАНЫ КОМСОМОЛА
И КОМСОМОЛЬЦЫ

Синицын
Леонов
Борисевич
Попов
Григорьев
Минин
Митов
Вознесен
Маслов
Сурганов
Звездный городок
5 декабря 1971 г.

шом стенде с фотографиями и пожеланиями посередине был прикреплен тот самый пластмассовый стаканчик, и под ним подпись: «С чего начинали!»

Хотелось бы подчеркнуть, что все космонавты, и летавшие и очередники, свято относились ко всему, что придумал и ввел в обиход Юрий Алексеевич. Многие из того, что делал или говорил Гагарин, стало предметом подражания. Начиная от

слова «Поехали» и до последних шагов перед заходом в корабль, незбылемо копируются все гагаринские действия.

Я хочу рассказать еще об одной традиции, которую тоже ввел Юрий Алексеевич. О встречах Нового года.

Новый год космонавты всегда встречали у себя в городке, в кафе на первом этаже дома № 2, в котором жили семьи космонавтов первого отряда.

Никому из летавших не разрешалось уезжать из городка — это одна из первых установок Юрия Алексеевича. Он делал все, чтобы из отряда сложился дружный, доверительный коллектив.

Меня несколько удивило то, что на встречу Нового года допускались лишь те, кто уже слетал в космос: «Только те, кто рискует». Эту традицию тоже ввел лично Юрий Гагарин. Даже руководителям Центра подготовки, если они не были космонавтами, путь сюда был заказан.

Для подготовки к встрече Нового года создавалась специальная комиссия, которая решала и вопрос о возможном приглашении гостей «со стороны». На праздник приглашались только две семейные пары, причем решалось это тайным голосованием членов комиссии. Каждый из них мог предложить одну семью, написать фамилию на бумаге, свернуть в трубочку и положить в вазу. И по наибольшему количеству голосов приглашались две семьи. Таким образом, мне и моей супруге повезло дважды (1973 и 1974 гг.) — иметь честь праздновать Новый год с космонавтами. Профессиональных артистов и ведущих не было, согласно девизу «Веселим себя сами!» Все расходы, включая подарки для детей, оплачивали участники праздника вскладчину. Автором этой традиции был тоже Юрий Алексеевич Гагарин.

Мы с женой приехали в городок где-то после десяти вечера. В уста-

новленное время все приглашенные проходили в зал. На входе их встречали Дед Мороз со Снегурочкой. Здесь же стоял Алексей Леонов с подносом и рюмками и не пропускал в зал никого, пока не выпьют стопочку. Гости рассаживались согласно распределению мест.

Всех деталей сейчас не вспомню, но одно скажу: такой веселой атмосферы я больше никогда не наблюдал на праздниках. Тон веселью задавали Алексей Леонов, Павел Попович, Герман Титов. Шутили, танцевали, пели. Все, что проходило в зале, снималось на киноплёнку, и потом это показывалось на очередной Новый год. Снимал Леонов и еще кто-то. Ловили в кадр «самые-самые» эпизоды. Хохот стоял на протяжении всего фильма. Кто-то, танцуя с чужой женой, излишне прижимался к ней, кто-то незаметно прикладывался к бутылке. Меня подловили на том, что я пытался из большой лопаточной кости выковырять мясо. Рот и щеки у меня были в жире, ибо я трудился очень усердно, и Леонов поймал этот момент.

Веселье продолжалось до шести утра. После чего женщины просили мужчин освободить зал, так как им предстояло еще убрать столы и приготовить все для детского утренника. Но мужчины в большинстве своем собирались в соседней комнате и продолжали праздновать.

На этом мужском сборе Герман Титов сообщил, что чехи прислали

космонавтам бочонок пива, и прикатил его. Но громкое «ура» прекратилось, когда все растерянно стояли перед бочонком и не знали, как его вскрыть. Нужен был мощный насос, чтобы нагнетать давление. Потом кто-то принес из квартиры велосипедный насос. Опять шутки и подковырки. Когда дело шло к успеху, оказалось, что нет посуды для пива. Сбегали в зал, где убрали столы, и принесли водочные рюмки. Опять шутки, колкости. Я не заметил, как ушел Алексей Архипович. Вернувшись, он подошел ко мне и незаметно для других дал мне большую глиняную кружку со словами:

— Держи. Никому не давай, а то уведут. Это я сам сделал в гончарной мастерской.

Кружка до сих пор у меня как сувенир. А попытки-просьбы дать ее «на секунду» были, причем очень настойчивые. Но я выдержал напор.

Здесь произошел еще один казус. Леонов, как организатор, напомнил, что через два часа у детей будет утренник. Дедом Морозом по графику выпадало на этот раз быть Павлу Поповичу. Но Попович сказал, что чувствует себя не очень хорошо и не сможет выполнить эту миссию. Очередником в графике оказался Герман Титов. Вот ему и поручили нарядиться Дедом Морозом и выйти к детям. Как это было воспринято Германом, можно только представить, но оспаривать решение председателя комиссии не разрешалось. Гагаринская традиция чествовать

детей одному из космонавтов нерушимо соблюдалась.

Я коротко вспомнил некоторые традиции из жизни космонавтов. Все их ввел Юрий Гагарин. И соблюдались они неизменно. Для меня описанные эпизоды очень дороги. Мне довелось общаться с этими легендарными людьми. Тогда космонавтов было еще не так много. Только близко увидеть их считалось за большое счастье, а получить автограф удавалось далеко не всем. Мне в этом плане очень повезло, лично знаком со всеми космонавтами первого, гагаринского, отряда и некоторых последующих полетов. Когда убывал из Москвы к новому месту службы, Георгий Тимофеевич Береговой попросил меня подъехать в городок и попрощаться с ребятами. Он собрал тех, кто мог отойти от тренажеров. Состоялась короткая, но очень теплая встреча. Особенно дорога мне надпись, сделанная на подаренном мне фотоальбоме: «Помощнику начальника Главного политического управления Советской армии и Военно-морского флота подполковнику Евгению Николаевичу Махову — большому другу советских космонавтов от командования и политического отдела Центра подготовки космонавтов им. Ю. А. Гагарина. Звездный городок, 1975 год».

В этом альбоме хронология всех полетов — от Гагарина до конца 1975 года. Я горжусь, что работал с космонавтами. Это память на всю жизнь. □

Светлана
Савицкая

ЖИВОТНЫЕ

В КОСМОСЕ

Чтобы человеку было более комфортно в условиях невесомости, до него и после научный мир не прекращает проводить опыты с биологическими организмами на орбите.

В эпоху пилотируемой космонавтики животных посылают в космос для изучения различного рода биологических процессов, эффектов микрогравитации и в других целях.

Самым первым животным, вернувшимся живым, была наша Лайка. Но через короткий промежуток она скончалась. Эксперимент повторили американцы с обезьянками в 1959 году, тоже наполовину успешный. Бёлка и Стрёлка — первые животные, совершившие орбитальный космический полет и вернувшиеся на Землю невредимыми. Старт состоялся 19 августа 1960 года. Полет на корабле «Спутник-5» продолжался более 25 часов, за это время корабль совершил 17 полных витков вокруг Земли.

После собак в космос летали обезьяны, кошки, черепахи и другие представители биологических видов Земли.

КАК АЛЬБИНА И МАРКИЗА СТАЛИ БЕЛКОЙ И СТРЕЛКОЙ

Все знают о полете первого человека в космос. Им был Юрий Гагарин. Но не все знают, что до него в 1957 году на Землю не вернулась Лайка. А при неудачном старте 28 июля 1960 года такого же корабля в ка-

чек. Отбирал лично Сергей Павлович Королев. Собаки, кроме того, должны были весить не более 6 килограммов, быть высотой до 35 сантиметров и по возрасту — от двух до шести лет. Отбирались только самки, потому что для них проще было разработать ассенизационное устройство (туалет). Отбор прошла пара двор-

тастрофе погибли собаки Чайка и Лисичка. На 19-й секунде полета у ракеты-носителя разрушился боковой блок первой ступени, в результате чего она упала и взорвалась.

Была развернута программа по подготовке к экспериментальному полету других собак. Их отбирали так же строго, как людей, учитывая индивидуальные особенности организма.

Основные факторы: перегрузка, длительная невесомость, переход от перегрузок к невесомости и обратно — выявили двенадцать соба-

няжек — Альбина и Маркиза. Главнокомандующий ракетными войсками стратегического назначения Митрофан Иванович Неделин потребовал сменить имена собак с иностранных на русские — Белка и Стрелка.

ДВЕ СОБАКИ, ДВЕ КРЫСЫ И 28 МЫШЕЙ

Все говорят о полете Белки и Стрелки, но не все знают, что компания на борту корабля «Спутник-5» была гораздо больше!

Опыты по подготовке собак-космонавтов несколько не походили на обыкновенную дрессуру. Скорее они напоминали тренировки дельфинов, когда выявлялись личные качества организмов. Белка показала хорошую реакцию, активность, лидерские наклонности. Стрелка оказалась хоть и менее активной, зато достаточно дружелюбной. Так сформировалась команда. Собаки хорошо реагировали лаем, если замечали какие-то сбои в программе. Научились жить в достаточно замкнутом пространстве в контейнерах, которые разрабатывались двухместными, они могли видеть и слышать друг друга, питаться из «тюбиков» и прочим космическим премудростям.

Белка и Стрелка успешно прошли испытания на вибростенде и центрифуге и были поставлены в условия предполетного режима. За собаками круглосуточно наблюдали врачи и лаборанты, которые во время дежурства отмечали в специальном журнале изменения, происходившие в течение суток.

Наконец 19 августа 1960 года с космодрома Байконур был запущен «Спутник-5» — пятый космический аппарат серии «Спутник». (Фактически он являлся тестовым прототипом корабля «Восток», использовавшегося для первого космического полета человека.)

Для решения научно-технических вопросов, возникавших при создании космического аппарата, были привлечены научные и инженерно-конструкторские учреждения страны.

Корабль состоял из двух частей — кабины и приборного отсека. В кабине были расположены: аппаратура обеспечения жизнедеятельности животных; оборудование для биологических экспериментов; часть аппаратуры для научных исследований (фотоэмульсионные блоки и радиометр); часть аппаратуры системы ориентации; аппаратура регистрации ряда технических параметров, автоматические системы, обеспечивающие приземление; аппаратура для регистрации данных о работе приборов, а также физиологических параметров собак на участке спуска и катапультируемый контейнер — один из вариантов системы возвращения космонавтов на Землю с помощью парашютов.

Но самое интересное: кроме собак в катапультируемом контейнере находились 12 мышей, насекомые, растения, грибковые культуры, семена кукурузы, пшеницы, гороха, лука, некоторые виды микробов и другие биообъекты. Кроме того, вне катапультируемого контейнера в кабине корабля были размещены 28 лабораторных мышей и 2 белые крысы.

**«SIC TRANSIT GLORIA MUNDI!»
(ЛАТ.) — «ТАК ПРИХОДИТ
СЛАВА НАРОДА!»**

Человечество получило новую сказку. Если бы с целью научного эксперимента в космос запустили кродила или опоссума, подходящего по параметрам, он стал бы не менее известен.

*Белка
и Стрелка*

И не было в 1960 году никого на Земле популярнее Белки и Стрелки. Никто, например, не вспоминает Людмилу Радкевич, которая явилась «продюсером», так сказать, этих милых дворняжек.

Две симпатичные дворняжки молниеносно превратились в легенду и стали всеобщими любимцами. Их фотографировали, помещали на обложках журналов и первых полосах газет, показывали по телевидению и даже транслировали на радио. О них снимали фильмы, изготавливались памятные почтовые марки с их мордочками. Имена этих собак стали ассоциироваться с космосом и великими достижениями человека. Не обошлось и без сарказма и иронии: в то время в народе ходил такой анекдот: «Запуском спутника с со-

баками было научно доказано, что любую суку можно поднять на недостижимую высоту».

Более активная Белка после полета потомства не принесла, как ее ни обхаживали кавалеры в вольере Института авиационной и космической медицины. А может, ей не понравилось пристальное внимание камер. Возможно, она до конца не осознавала, что является теперь не просто русской дворняжкой, а достоянием человечества!

Зато более спокойная Стрелка через несколько месяцев подарила миру шестерых очень славных и здоровеньких щенков. Одного из них — самку по имени Пушинка, Никита Сергеевич Хрущев подарил супруге Президента США Джона Кеннеди Жаклин и их дочери Кэролайн.

Белка и Стрелка дожили до глубокой старости и умерли своей смертью. В настоящее время чучела этих собак находятся в Мемориальном музее космонавтики в Москве, и до сих пор являются объектами пристального внимания посетителей, в особенности детей.

100 ДНЕЙ НЕФЕРТИТИ

Именем Нефертити американские астронавты назвали страшную на вид большую паучиху из семейства скакунов. Они не плетут сети, а охотятся с помощью прыжков.

Бедная паучиха, попав в безвоздушное пространство, чуть не осталась голодной. Ей бы прыгнуть. Ан нет, не получается. Что-то не так. И она начала делать «поправку» на свои передвижения.

В середине 2012 года Нефертити отправилась на Международную космическую станцию, где провела 100 дней. За ней проводила наблюдения

американская астронавтша Санита Уильямс. Были смонтированы специальные паучие домики, где жила паучиха. Она прыгала, но все время мимо. Неудача за неудачей преследовали бедное насекомое. Тогда она попыталась подползти к жертве, чтобы утолить голод. И настолько преуспела в своем благородном деле, что стала гордостью корабля!

А после смерти Нефертити получила часть своей космической славы. В засушенном виде она является экспонатом Национального музея естественной истории Вашингтона.

КАК КОТ ФЕЛИКС ОБМАНУЛ ФРАНЦУЗОВ

А французы решили запустить в космос кота. Его отправили 18 октября 1963 года.

Отбор, естественно, был жесткий. И вот после тысячи претендентов выбрали 12 красавцев, и одного из них — самого смышленного кота с за-

*Чучела
Стрелки (слева)
и Белки (справа)
в Мемориальном
музее
космонавтики*

мечательным именем Феликс, что означает Солнечный, — поставили в списке первым претендентом.

Итак, кот Феликс прошел все тесты. Прошел интенсивную подготовку, центрифугу, другие издевательства, научился кушать пасту из тюбика и «ходить» в индивидуальные удобства. Но только коту все это не особенно приглянулось. Может, лягушки в тюбике оказались недостаточно жирные. Может, фуа-гра с душиком. Да только пошел кот гулять сам по себе. Проще сказать, перед полетом попросту удрал. Только его и видели.

Кстати сказать, кошки запускались в космос только Францией.

Итак, 18 октября 1963 года Франция запустила в околоземное пространство ракету с кошкой на борту. Незаменимых, как знаете, нет, и вместо Феликса благополучно отправили Фелисетта.

Запуск ракеты с «астрокошкой» (как позже прозвали Фелисетта газеты) был произведен с полигона в пустыне Сахара. Она достигла высоты 200 километров, где капсула с животным отделилась и на парашюте спустилась на землю. Эксперимент прошел благополучно, кошку извлекли живой и невредимой. О ее жизни после знаменательного полета ничего не известно. Возможно, летающий космонавт Фелисетт скрылся в том же направлении, что и нелетающий космонавт Феликс.

Но некоторые пленники эксперимента оставались еще в лаборатории. И за ними была организована неусыпная охрана.

Вторая попытка запуска была произведена 24 октября того же года. Но она оказалась менее удачной, и в некоторой степени трагической. Возвращаемая капсула не отработала расчетную команду на спуск и вернулась на Землю спустя двое суток, когда не называемое по имени животное было уже мертво, чем очень расстроило ученых.

Больше кошки в космос не запускались.

ВАСЯ-КОСМОНАВТ

Каждый день космонавты докладывают на Землю о том, что совершили в полете. Однажды среди перечисления обычных запланированных действий обозначилась строчка:

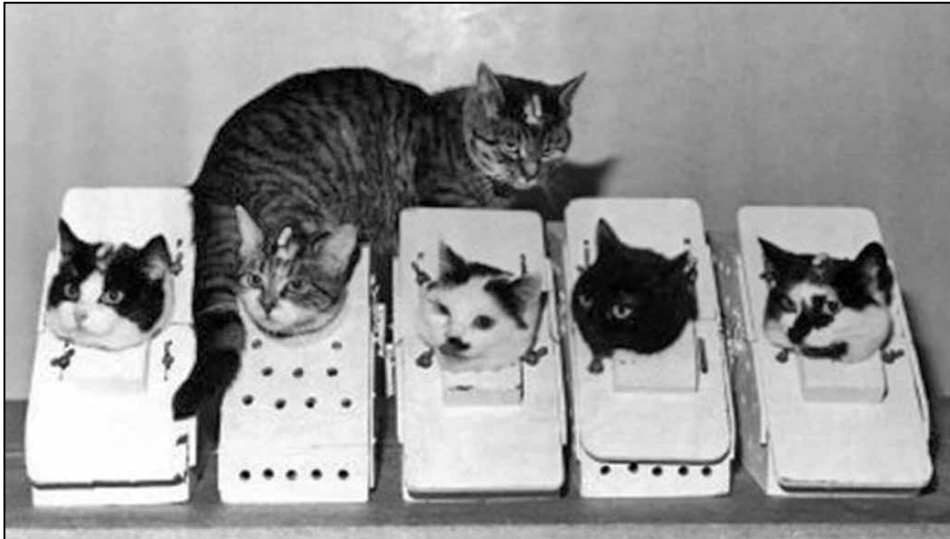
— Завершили пятый опыт. Приступили к шестому. Покормили Васю...

— Так, стоп! Стоп! — испугались психологи. — Какого Васю?

Среди экипажа не числился космонавт с именем Василий! И тут Земля выяснила, что при посылке на станцию очередного груза на борт был доставлен в целости и сохранности таракан. Как он туда пробрался? Одному Васе известно! Но факт остается фактом!

Васю очень полюбили на борту. Кормили. Поили. От себя, можно сказать, отрывали, а ему давали. Холили. Лелеяли.

Прошло какое-то время. И однажды психологи поняли — что-то не так! Космонавты были очень грустны. Чуть не плакали. Их что-то очень сильно огорчило. Оказыва-

*Из двух
отправленных
Францией
в космос кошек,
полет сложился
удачно лишь
для одной —
Фелисетт*

ется, смертью храбрых, скончался герой РФ таракан Вася.

Чтобы поднять упавший дух экипажа, команде был предоставлен незапланированный сеанс связи с родными.

ЛОХМАТЫЙ ТРИТОН

Школьники на Земле подготовили несколько опытов для космической станции. К примеру, они отправили гусениц на борт. И там, в космосе, вылупились космические бабочки. Провели однажды опыты аж с шестидесятью тараканами. А на «Мире» еще было разрешено провезти тритонов. Ну, во-первых, потому что икра у них довольно крупная, и видно, как в икринках рождается новая жизнь. А во-вторых, тритоны могут находиться как на воде, так и на суше. Они земноводные.

И вот уже были проведены все опыты, и космонавты должны были отправлять тритонов на Землю, как вдруг пропал один тритон.

Что делать?

Начали искать. Пропал. Причем совсем пропал! Ребята с ног сбились. Нет тритона! Уже и искать отчаялись. А через неделю, когда истекли все сроки, плывет космонавт по станции, а навстречу ему выплывает нечто лохматое. Страшное! Пушистое! Прямо Барабашка! Полтергейст! Делает в воздухе панические движения.

Космонавт испугался. Кто это такой завелся у них? Что за инопланетянин?

А это наш тритон. Его затянуло в вентиляционное отверстие, он там и накрутил на себя с перепуга весь пух, пыль, волосы, короче, все, что попадает с корабля. Уж и неизвестно, как он оттуда выбрался, только тритон был обрадован встрече не меньше космонавта!

Да это еще что! Американцы, те вообще паука на своей станции потеряли. До сих пор, говорят, ищут.

КОСМИЧЕСКИЕ ШЕЛКОПРЯДЫ

Послали российские школьники в космос с оказией тутовых шелко-

прядов. Космонавты поместили их в определенном квадратном отсеке и стали наблюдать.

Шелкопряды от невесомости сначала обалдели, не зная, что им делать, как вить свои коконы. Потом самые сообразительные уцепились за стенки и начали плести нечто напоминающее не круглый, как на Земле, домик, а квадратный.

Вот тот, кто сплел такой домик, остался жив. А тот, кто продолжал панически летать и шараться — так и погиб.

А что вы думаете? У нас не будет космического шелка? Еще как будет! Только не все сразу.

ОБЕЗЬЯНЫ В КОСМОСЕ

Однажды Земле потребовался эксперимент большой важности. Необходимо было провести его не на людях, а на животных. Выбор пал на обезьян.

И тут уже пошла серьезная работа. Обезьян отбирали по сообразительности и выносливости и, конечно, по здоровью, ну, все как у людей! Из 80 особей осталось двадцать, а потом и вовсе два экипажа. Один основной и другой запасной.

Командиром тоже обезьяну выбрали.

Одели в скафандры, окружили электроникой и отправили в космос.

Полетели наши обезьяны.

А что им? Они ведь, как люди, проходили на тренажерах обучение. Знают и что такое невесомость, и как банановую пасту из тюбика в обе-

денное время добывать, и как нажать на кнопку «Сон».

Слетали и вернулись с большим успехом.

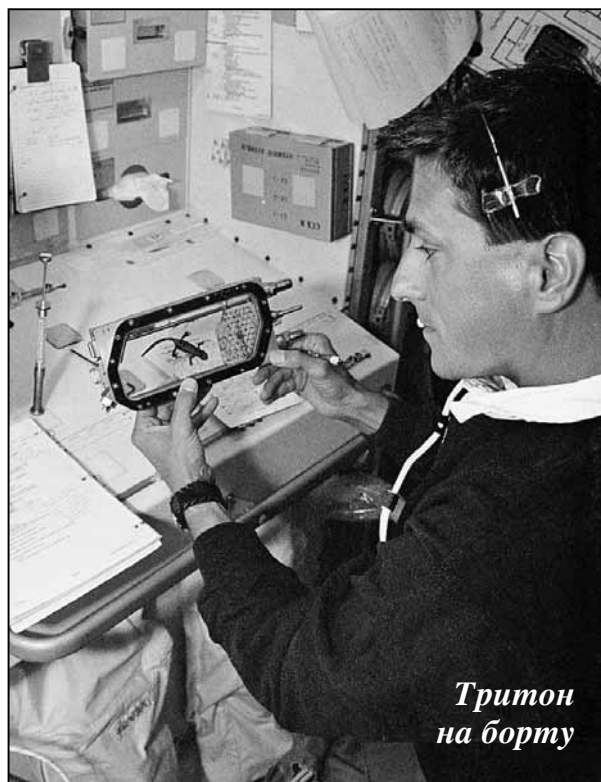
Поселили космонавтов-обезьян в Московском зоопарке.

Куда там! Самый главный самец-командир зазнался, всех обезьян в питомнике гонять стал, не подступись. Пришлось изолировать, и в «одиночку».

Не смог пройти, видать, «медные трубы» славы.

ЧЕРЕПАХИ ВОКРУГ ЛУНЫ

15 сентября 1968 года в рамках «Лунной программы СССР» был успешно произведен запуск корабля 7К-Л1 № 9. На борту космического корабля «Зонд-5» находились две среднеазиатские черепахи, дро-

*Тритон
на борту*

Макак-резус Сэм, побывавший в космосе на корабле Little Joe 2

зофилы, хрущаки, традесканция с бутонами, клетки Хела в культуре, семена высших растений — пшеницы, сосны, ячменя, водоросль хлорелла на различных питательных средах, разные виды лизогенных бактерий и так далее.

За животными, естественно, наблюдали не только их «няньки-ученые», но и вся страна. А у «семи нянек, как говорится, дитя без глаза».

Эта поговорка совершенно неожиданно и некстати получилась буквальной.

«Зонд-5» впервые в мире совершил облет Луны, и через 7 суток после старта вернулся к Земле и, войдя в атмосферу со второй космической скоростью, приводнился в акватории Индийского океана. Когда моряки с советского корабля готовили спускаемый аппарат к подъему

на палубу, они услышали, что внутри что-то шуршит, а потом последовал звук удара. Опять шуршание, и опять удар... Предположили, что на аппарате установлен самоликвидатор. Работы были приостановлены до тех пор, пока не связались с учеными, работавшими с «Зондом-5». От них моряки узнали, что шуршат черепахи, которые помещены как подопытные животные в испытательный отсек. Спускаемый аппарат был поднят на борт советского экспедиционного океанографического судна «Василий Головин» и 3 октября 1968 года доставлен в Бомбей, откуда самолетом отправлен в Москву. Черепах извлекли из спускаемого аппарата уже в Москве, в цеху ЦКБЭМ, и передали в распоряжение ученых. Полет был перенесен черепахами

Шимпанзе Хэм

нормально, но, по некоторым данным, у одной из них из-за перегрузки, достигавшей при приземлении 20 единиц, вылез из орбиты глаз.

А черепахи, запущенные в космос 17 ноября 1975 года на борту беспилотного космического корабля

«Союз-20», установили 90-суточный рекорд пребывания животных в безвоздушном пространстве!

Были совершены запуски с этими животными также на борту орбитальной станции «Салют-5» 22 июня 1976 года, а 3 февраля 2010 года две черепахи совершили успешный суборбитальный полет на ракете, запущенной Ираном. На борту, кроме черепах, с ними делили «высокое общество» мышь и несколько червей.

А завершить этот необычный экскурс хочется словами Марины Лаврентьевны Попович, летчика-испытателя 1 класса, за плечами которой 101 мировой рекорд, а еще она — обладательница более 150 орденов и медалей от разных рос-

сийских и международных организаций:

«Есть ли душа у братьев наших меньших? Мыслят ли они, как мы? Болеют ли? Переживают? Мучаются? Все так. Они подвержены жестким испытаниям в космосе на наших космических станциях. Опыты с животными проводились задолго до первого полета человека в космос и продолжают проводиться до сих пор. Наши подопытные — это наши помощники. И бабочка — космонавт! И обезьянка! И черепашки! И собаки!

Так получилось, что я — летчик. Но иногда приходилось чувствовать себя и подопытным кроликом. А если серьезно, если вложить душу в растение, в животное, в дело, которому ты служишь, все обязательно получится!» □

Осмотр черепах — первых животных, облетевших Луну на корабле «Зонд-5»

СТРАЖ

русских рубежей

На северо-западной окраине Руси вот уже в течение многих веков высятся стены и башни древней Изборской крепости. Как и встарь, отсюда рукою подать до иного, порубежного мира: совсем рядом граница с Эстонией, а значит, с миром Запада. Места здесь удивительно красивые и интересные.

НА ЖЕРАВЬЕЙ ГОРЕ

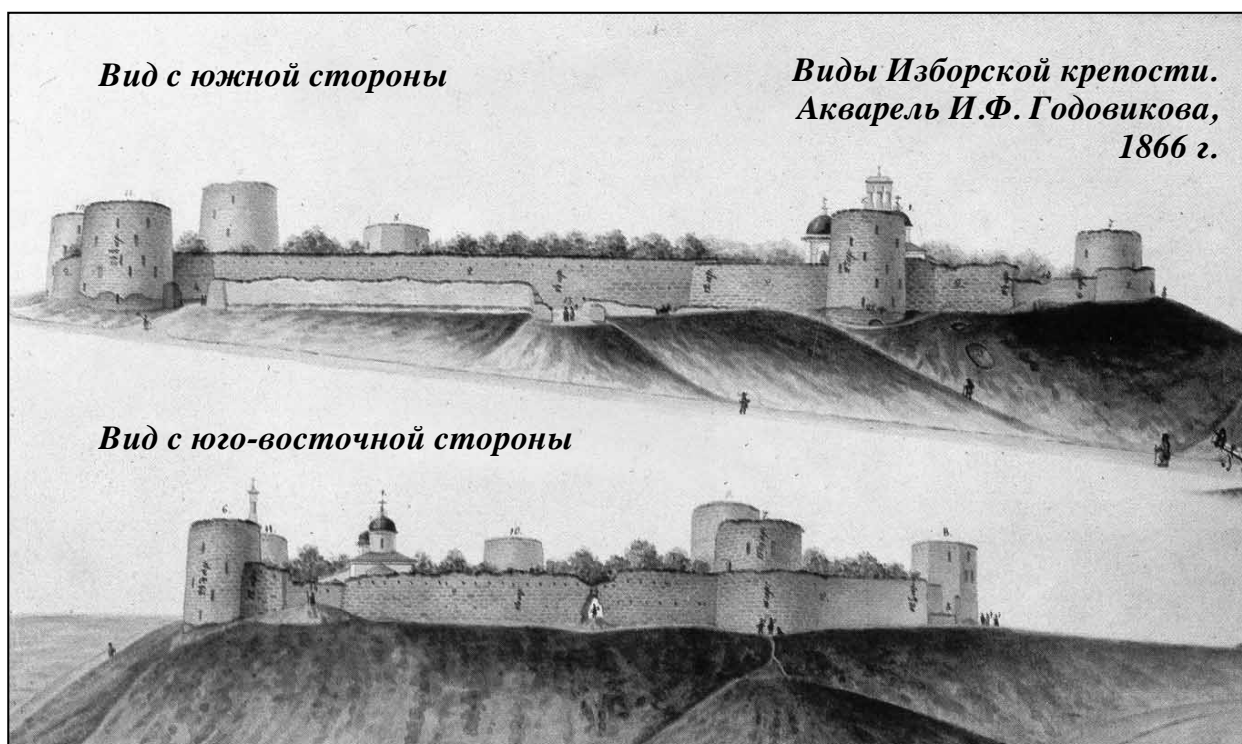
Поэтическое название высокого некогда холма — Жеравья гора, на котором в 1330 году псковским посад-

ником Селогой (Шелогой) была выстроена из белого известняка и плитняка русская крепость, переводится попросту как журавлиная. Со времен античности у самых раз-

ных народов горные места, где селились эти грациозные птицы, слыли священными.

В русской истории самым providением Изборску была уготовлена особая роль. Так, согласно Повести временных лет, брат основателя Руси Трувор сел княжить именно в Изборске. Правда, тот древний, IX-го века, Изборск находился от современного немного в стороне и ныне

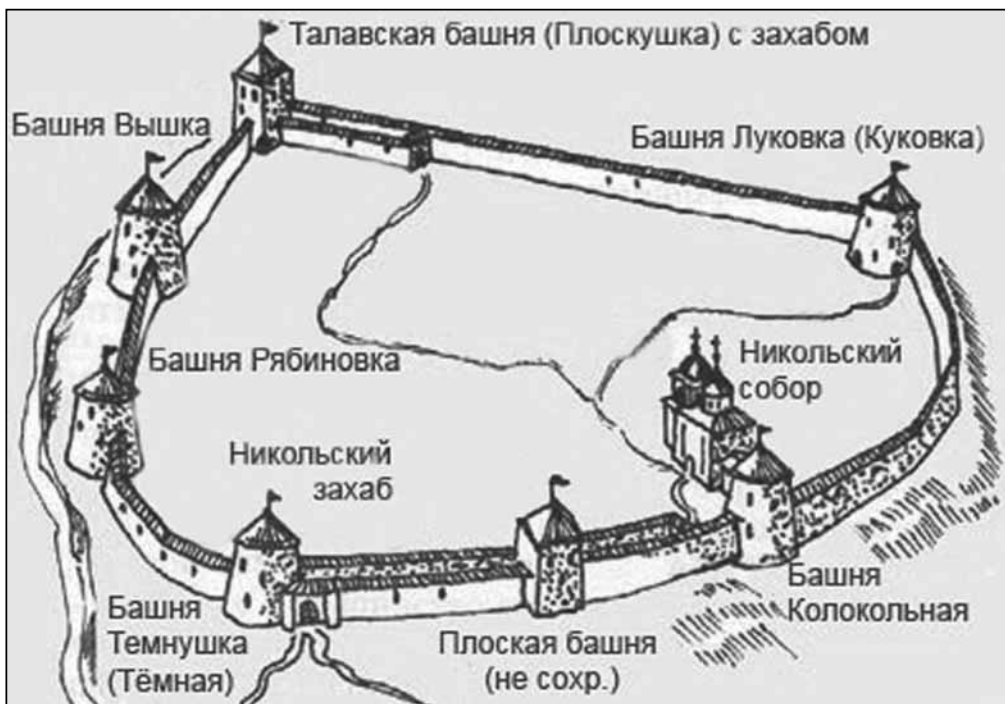
не мог. Хотя... императрица Екатерина Великая, слывшая для своего времени весьма просвещенной правительницей и ведшая активную переписку с лучшими умами тогдашней Европы, в эту легенду свято верила. Даже велела изготовить медаль в честь Трувора, на лицевой стороне которой был выбит вымышленный портрет его брата Рюрика, а на оборотной — насыпной Труворов курган

известен как Труворово городище. Кстати, назывался он тогда Словенском, в честь своего легендарного основателя князя Словена. Туристам обязательно показывают массивный крест, под которым был якобы похоронен сподвижник Рюрика, но это не более чем поздняя средневековая легенда. Трувор, как и его братья Рюрик и Синеус, был язычником и ни под каким крестом похоронен быть

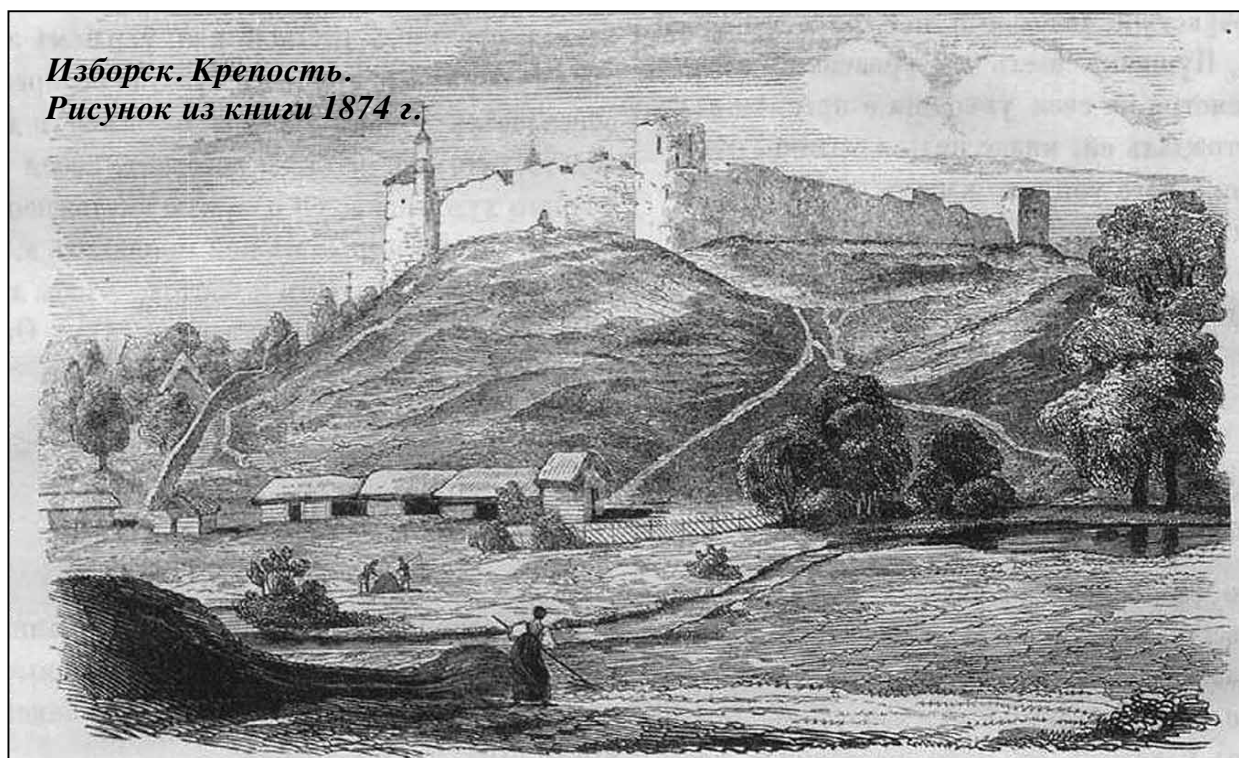
с надписью: «До днесь памятен», и внизу: «Трувор скончался в Изборске в 864 году».

Отсюда, с городища, расположенного на высоком остроконечном мысу, открываются потрясающие виды, от которых просто захватывает дух! Внизу вдалеке видна голубая гладь Городищенского озера, на котором живут грациозные белые птицы. Дорога с Труворова го-

родища до крепости проходит через Словенское поле и далее спускается к живописным Словенским (Славянским) ключам, с их необычайно вкусной и целебной водой, с шумом падающих с обрывистого склона из-

вестняковых отложений каскадом струй прямо к подножию холма и впадающих затем ручейком в озеро. Так, в местной топонимике до сих пор сохраняются следы седой древности, изначальной русской истории.

ТАЙНЫЙ ХОД

При посаднике Шелогге в юго-восточной стороне крепости был прорыт тайник — узкий и длинный коридор протяженностью в 40 метров. Стены этого значительного по меркам того времени инженерного сооружения были выложены из плитняка. Ход, глубина которого достигала 16 метров, вел за пределы крепостных стен, от подножия высокого мыса, на котором и стоит сама крепость, к роднику. Сверху ход для маскировки был засыпан землей и обложен дерном, сливаясь, таким образом, с окружающим ландшафтом.

Ценнейший для обороны изборян питьевой ресурс был обнесен срубом и превращен в колодец. Естественно, что самой сложной задачей для защитников была надежная маскировка тайника, особенно в его

сточенное и упорное сопротивление изборян, ливонцы предпочли свернуть осаду и обратиться восвояси!

На протяжении последующих десятилетий и даже столетий многочисленные враги неоднократно пытались взять Изборск то штурмом, то измором, использовали даже осадные орудия и артиллерию, но каждый раз терпели фиаско. Немцы «биша стены многими пушками и град не разбиша» — так повествует летописец о событиях тех лет.

В начале XVI столетия Изборская твердыня уже полностью заняла всю территорию мыса Жеравьей горы, представляя собой мощное фортификационное сооружение общей площадью в 15.000 квадратных метров с семью башнями, сильно вынесенными (кроме башни Луковка) в сторону поля, что обеспечивало эффективный обстрел территории вокруг крепости.

нижней части, где находился колодец. В 134 году осадившие Изборск ливонцы тайник обнаружили, лишив тем самым защитников крепости живительной влаги. Вскоре положение осажденных стало критическим, однако, встретив невероятно оже-

ПРИШЛА БЕДА — ОТВОРИЙ ВОРОТА

В январе 1569 года, во время злостной Ливонской войны, в крепости приключилась «изборская измена». Как писал в своем фунда-

ментальном труде «История России с древнейших времен» Сергей Михайлович Соловьев, литовские воеводы «овладели нечаянно Изборском». Нашлись два предателя, Тимоха Тетерин и Марк Сарыхозин — переодевшись в форму государевых опричников, они велели страже ночью открыть ворота и... впустили неприятеля в крепость. Захваченный Изборск Ивану Грозному пришлось отвоевывать — после этого русский царь жестоко расправился с изменниками, а заодно и с их пособниками.

На исходе Ливонской войны, в 1581 году, крепость была взята вновь, на сей раз войсками Стефана Батория, но уже в следующем году поляки возвратили ее русским обратно. А вот в годы лихолетья, в Сму-

ту, Изборск устоял перед отрядами литовского отряда поляка Александра Лисовского.

После Северной войны Изборская крепость утратила свое военное значение и постепенно начала приходить в упадок. К середине XIX столетия некогда грозная крепость представляла собой жалкое зрелище: везде царили запустение и разруха.. Крепость утратила даже городской статус, превратившись в село Старый Изборск.

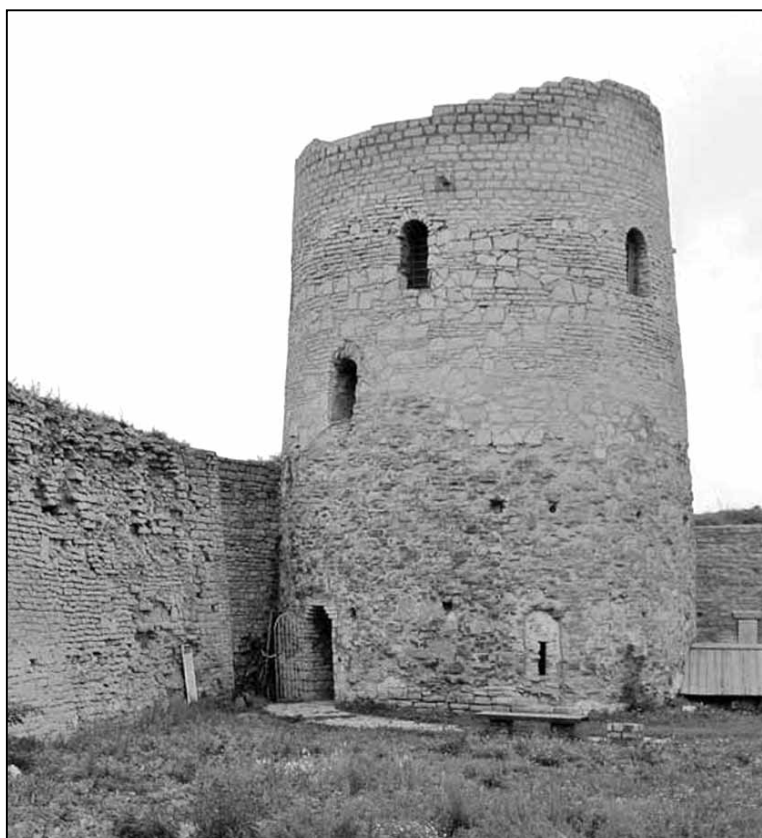
ВОСТАВШИЙ ИЗ ПЕПЛА

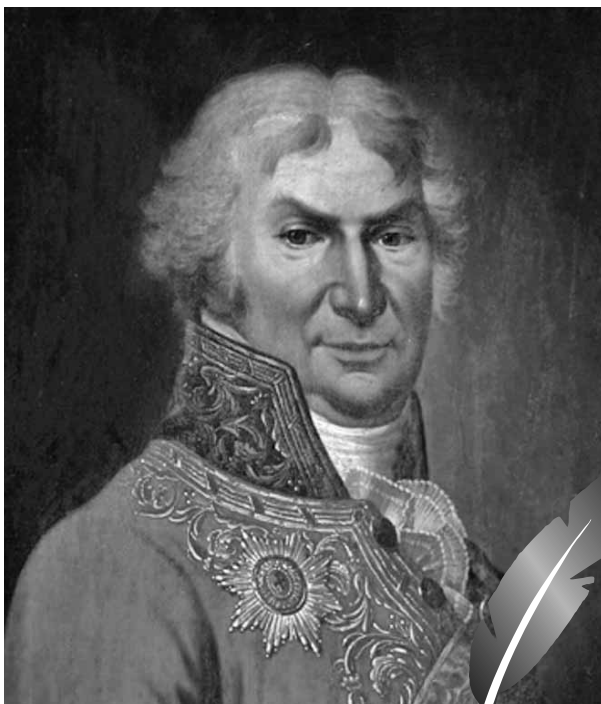
Справедливости ради стоит отметить, что первые ремонтно-восстановительные работы для поддержания Изборской крепости в относительно сносном состоянии начались

еще в правление Николая I, в 1842 году. Впрочем, полномасштабные действия в этом направлении были осуществлены только в веке XXI и были приурочены к 1150-летию Изборска, отмечавшемуся в 2012 году. Сегодня на преобразившуюся Изборскую крепость любо-дорого посмотреть: обновленные стены, башни и крепостной ход, расчищенный и доступный для туристов ход-тайник, подсветка, информационные таблички-баннеры. Приезжай и любуйся на здоровье! □

КОРОЛЬ ГРАФОМАНОВ

*«Вам с Байроном шипела злоба,
Гремела и правдива лесть.
Он лорд — граф ты! Поэты оба!
Се, мнится, явно сходство есть».*

А.С. Пушкин
«Ода его сият. гр. Хвостову»

Графоманию обычно определяют как «страсть к бесплодному сочинительству». Позволю себе с этим не согласиться. Скорее, это непреодолимое желание записывать каждую свою мысль, какой бы сомнительной или незначительной она ни была. И — главное! — обязательно донести написанное до читательской аудитории. Любыми средствами и любыми способами.

И ведь срabатывает! Как говорится, капля камень точит. И если на заре рождения профессиональной русской литературы графоманов были единицы, то с каждым годом число пишущих и жаждущих быть опубликованными возрастало. Сначала медленно, потом — едва ли не в геометрической прогрессии.

Как и у любого массового явления, у графоманов есть свои «звезды». Но для того, чтобы стать «звездой», недостаточно просто плохо писать стихи. Нужно, чтобы сам автор был свято убежден в своей гениальности и избранности.

И главное — «звезда»-графоман в идеале должен быть неординарной личностью, одновременно и заметной, и забавной.

Всем этим требованиям отвечал Дмитрий Иванович Хвостов — герой бесчисленного множества эпиграмм и анекдотов, признанный еще при жизни настоящим «королем графоманов» и, собственно, первый «профессиональный графоман» в русской литературе.

К сожалению, не последний.

В жизни Дмитрия Ивановича Хвостова всегда было что-то необычное, хотя начало ее, как говорится, «ничего не предвещало». Он родился в 1757 году в богатой стариннейшей дворянской семье, родовые корни которой уходят в легендарный XIII век. С детских лет его окружала литературная атмосфера: в гостях у родителей часто бывали известные поэты и писатели того времени.

Но самое большое впечатление на маленького Митю производила бурная натура знаменитого поэта и драматурга А.П. Сумарокова. Под влиянием таланта «ведущего представителя русского классицизма» он начал писать свои первые стихи, ничуть не смущаясь тем, что был на чисто лишен к этому способностей.

Хвостов получил образование в Московском университете, некоторое время провел в Страсбургском университете. Затем служил в Преображенском полку, откуда вышел в 1779 году подпоручиком.

И в том же году дебютировал при императорском дворе пьесой «Легковерный», довольно быстро забытой. Зато был замечен императрицей Екатериной (очень любившей писать вообще и пьесы в частности) и поступил на государственную службу. В 1783–1788 годах служил в Сенате. В 1785 году был избран членом Российской академии, а позже действительным членом Императорской академии наук.

Быстрая и блистательная карьера, многочисленные связи в высшем свете, большое состояние. Многие

были бы на седьмом небе от счастья и полностью удовлетворены своей жизнью. Только не Хвостов.

Из-под его неутомимого пера нескончаемым потоком следовали басни и сатиры, оды и послания, мадригалы и эпиграммы, элегии и эпитафии. Рифмовать любую пришедшую в голову мысль стало для него навязчивой идеей.

Имя графа Хвостова нашему современнику мало что говорит. А ведь без него трудно себе представить жизнь литературного Петербурга конца XVIII — первой трети XIX веков, более того, без колоритной фигуры графа эта жизнь была бы во сто крат скучнее и однообразнее...

Значительную часть своей жизни Хвостов собирал материалы для составления словаря русских писателей, но не довел его до завершения. Зато хвостовский перевод «Андромахи» Расина пользовался успехом у читателей и неоднократно ставился на сцене. Кроме того, Дмитрий Иванович активно участвовал в издании журнала «Друг просвещения». Но все это очень быстро забылось даже его современниками.

Консервативность политических взглядов, архаизм стиля и языка, огромные усилия по распространению своих собственных сочинений привели к тому, что в 1820-е годы граф Хвостов стал популярной мишенью для насмешек и адресатом многочисленных эпиграмм. Однако он никогда не вступал со своими недоброжелателями в конфликт и активно помогал молодым литераторам,

не делая разницы между литературными направлениями. (Кстати, мало кому известно о том, что именно Хвостову мы обязаны новшеством, внесенным им в русскую поэзию: воспевание березок как символа России, а также героизация образа Ивана Сусанина.)

В 35-летнем возрасте он наконец-то женился... И вот тут-то Фортуна широко ему улыбнулась. Его женой стала Аграфена Ивановна Горчакова — племянница самого Суворова. Как следствие, молодожена тут же произвели в подполковники. Суворов же так прикипел

Уже в старости Хвостов любил часто рассказывать эту историю, причем, наивный, обводя повлаженными от восторга глазами ухмыляющихся в кулак слушателей, обязательно добавлял:

— Так великая умела ценить великого!

Но с воцарением Павла Суворов периодически попадал в опалу, что косвенно сказывалось и на Хвостове. Вот тут-то и пригодилось поэтическое хобби: Хвостов написал оду на принятие императором звания магистра Мальтийского ордена, чем вернул себе расположение высочайшей особы.

граф Хвостов был популярной мишенью для насмешек и адресатом многочисленных эпиграмм. Однако он никогда не вступал в конфликт со своими недоброжелателями и активно помогал молодым литераторам

сердцем к зятю-стихотворцу, что приложил немало усилий для карьеры своего нового родственника.

В 1795 году Екатерина II пожаловала Хвостову звание камер-юнкера 5-го класса, что давало повышение в чине. Правда, обычно такое звание присваивалось молодым людям, а нашему герою в то время было, ни много ни мало, 38 лет. По легенде, когда Екатерину стали упрекать в подобном чудачестве, императрица сказала, что она ни в чем не может отказать Суворову, и если бы он ее попросил, она бы сделала Хвостова и камер-фрейлиною.

А в 1802 году нашему герою (наконец-то!) разрешили принять графский титул, пожалованный ему в 1799-м сардинским королем (выпрошенный, естественно, Суворовым во время Итальянской кампании).

В 1807 году граф был пожалован званием сенатора и находился на действительной службе до 1831 года. Кроме того, он был произведен в действительные тайные советники и назначен присутствовать во временном общем собрании Сената, в котором и числился до самой кончины.

Безусловно, столь стремительное возвышение породило в свете огром-

ное множество завистников. Хвостова не любили, писали, что он «внешностью подл», неуклюж и даже «вельми вонюч». Но самой превосходной мишенью для язвительных шуток стало безудержное увлечение «новообращенного» графа пиитством.

Д.И. Хвостов «Ивану Ивановичу Дмитриеву»:

*«То изломаю ямб, то рифму
зацеплю,
То ровно пополам стиха
не разделю,
То, за отборными гоняся
словами,
Покрою мысль мою густыми
облаками;
Однако муз люблю на лире
величать;
Люблю писать стихи и отдавать
в печать!»*

По крайней мере, честно сказано. Не каждый бы осмелился на такую обезоруживающую прямоту.

При жизни граф Хвостов выпустил четыре полных собрания своих поэтических произведений (четырёхтомное, пятитомное и семитомное). Но в дальнейшем они не переиздавались.

Замечу, что Хвостов сам обеспечивал «спрос» на свои публикации. Во-первых, он неумоимо рассылал свои книги — всем, кому мог, и раздавал — где только мог. Тома хвостовской поэзии получали архиереи и митрополиты, такие государственные деятели, как Аракчеев и Паскевич, и даже сам прусский король.

Однако наиболее лакомым кусочком для графомана были учрежде-

ния — здесь он мог поистине развернуться. Так, Академия наук получила от него «в дар» 900 экземпляров трагедии «Андромаха».

Мало того, убежденный в своем «призвании», граф рассылал не только стихи, но и свои... бюсты! О том, что он был, к тому же, навязчивым чтецом своих творений, и говорить не стоит.

В литературных кругах бытовал один характерный анекдот. Однажды в Петербурге граф Хвостов долго мучил у себя на дому племянника своего Ф.Ф. Кокошкина (известного писателя) чтением ему вслух бесчисленного множества своих виршей. Наконец Кокошкин не вытерпел и сказал ему:

— Извините, дядюшка, я дал слово обедать, мне пора! Боюсь, что опоздаю, а я пешком!

— Что же ты мне давно не сказал, любезный! — ответил граф Хвостов. — У меня всегда готова карета, я тебя подвезу!

Но только они сели в карету, граф выглянул в окно и закричал кучеру: «Ступай шагом!» — а сам поднял стекло кареты, вынул из кармана тетрадь и принялся снова душить чтением несчастного запертого Кокошкина.

На похоронах известного литератора Гнедича Хвостов во время отпевания и панихиды раздавал свои стихи, написанные в память покойного, и разговаривал во весь голос. В конце службы Иван Андреевич Крылов заметил ему:

— Вас было слышнее, чем Евангелие!

«Граф Хвостов был замечательное лицо в литературной войне. Среди друзей Карамзина, особенно молодых, были люди, которые как бы состояли при Хвостове, только им и жили, и с утра до вечера ездили по гостиним рассказывать новости о Хвостове...

В стихах своих граф был не только бездарен, но и смел беспредельно. Он был убежден, что он единственный русский стихотворец с талантом, а все прочие заблуждаются...

У него была одна страсть — честолюбие, и он бескорыстно, разоряясь, ей служил. Говорили, что на почтовых станциях он, в ожидании лошадей, читал станционным смотрителям свои стихи, и они тотчас давали ему лошадей. Многие, уходя из гостей, где бывал граф Хвостов, находили в карманах сочинения графа, сунутые им или его лакеем.

Он щедро оплачивал хвалебные о себе статьи. Он забрасывал все журналы и альманахи своими стихами, и у литераторов выработался особый язык с ним, не эзоповский, а прямо хвостовский — вежливый до издевательства.

Карамзин, которому Хвостов каждый месяц присылал стихи для журнала, не помещал их, но вежливо ему отвечал: "Ваше сиятельство, милостивый государь! Ваше письмо с приложением получил" и т.д. "Приложением" называл он стихи графа.

В морском собрании в Петербурге стоял бюст графа. Бюст был несколько приукрашен: у графа было длинное лицо с мясистым носом, у

бюста же были черты прямо античные. Слава его докатилась до провинции. Лубочная карикатура, изображающая стихотворца, читающего стихи черту, причем черт пытается бежать, а стихотворец удерживает его за хвост, висела во многих почтовых станциях».

Из книги Ю. Тынянова «Пушкин»

Настоящим девизом истинных графоманов мог бы стать эпиграф Хвостова на титульном листе его «Лирических стихотворений», вышедших в 1828 году: «За труд не требую и не чуждаюсь славы».

Слава, правда, была сомнительной, хотя и громкой. Но насмешки Хвостов встречал с истинной невозмутимостью гения. Правда, льстецов у него тоже хватало. Безусловно, большинство из них интересовало не столько творчество графа, сколько его меценатские возможности. Хвостов постоянно организовывал какие-то журналы, что, вкуче с безвозмездным изданием книг и рассылкой бюстов, вконец расстроило его состояние.

Имя Хвостова попало в знаменитую Пушкинскую поэму «Медный всадник»:

«...Граф Хвостов,
Поэт, любимый небесами,
Уж пел бессмертными стихами
Несчастье невских берегов».

А «бессмертные стихи» эти были такие:

«...Свирепствовал Борей,
И сколько в этот день погибло
лошадей!...

*Под ветлами валялось много
крав,
Лежали они ноги кверху
вздрав...»*

Кравы — это коровы по-церковно-славянски, если кто не понял.

Следует отметить, что Суворов очень хорошо относился к Хвостову, как к мягкому, добродушному и порядочному человеку. Тому свидетельством около 90 дошедших до нас его писем мужу любимой племянницы. В доме Хвостова на Крюковом канале в Петербурге прожива-

ла сестра полководца и его дочь — знаменитая Суворочка.

Но Хвостова-стихотропателя, с упорством маньяка стремившегося покорить недоступный его скромным способностям Парнас, Александр Васильевич переносить не мог и безуспешно пытался отговорить его заниматься этим безнадежным и губительным для его репутации делом. Тщетно! Страсть Хвостова к рифмоплетству была сильнее самых убедительных доводов великого полководца.

Благодаря протекции Суворова, Хвостов, играючи, достиг наивысших

*А.Н. Бенуа.
«И граф
Хвостов,
поэт,
любимый
небесами...»*

государственных постов — обер-прокурора Сената и Синода, а после его смерти, только благодаря великому уважению к памяти Суворова, был назначен сенатором и членом Госсвета, в отставку ушел в чине действительного тайного советника.

Справедливости ради надо заметить, на этих постах он не подвел своего покровителя и слыл неподкупным сановником.

При Павле I Суворов попал в опалу. Как родственника, она задела и Хвостова. Непокорный полководец был отправлен под надзор полиции в свое имение Кончанское, а бедный пиит в своем доме на Крюковом ка-

нале стал напряженно размышлять, как сменить гнев царя на милость.

Случай не заставил себя долго ждать. Вскоре Павел возложил на себя звание великого магистра Мальтийского ордена. Сметливый Хвостов быстренько накропал на это знаменательное событие оду и отправился во дворец. Но его не пустили. Пришлось бросить оду в ящик для подания челобитных.

Вернувшись домой, граф в страхе довольно долгое время ждал результата своей авантюры. Вдруг что-нибудь в оде срифмовал не так?! Но, слава богу, Павел остался доволен. Не одой. Вирши, как и всегда, были

дрянь. Они понравились императору за исключительную елейность тона, а главное — за порицание упрямства опального дяди.

Расчувствовавшийся Павел, награждая Хвостова орденом, проникновенно вымолвил:

— Я виноват — тебя вымарал, но это в последний раз!

В одном из стихотворений Хвостов написал: «Суворов мне родня и я стихи плету».

свое виршеслагательство, пиши, если уже не можешь превозмочь этой глупой страстишки, стишенки для себя и своих близких, а только отнюдь не печатайся. Помилуй Бог! Это к добру не поведет: ты сделаешься посмешищем всех порядочных людей.

Еще Александр Васильевич попросил племянника не писать оды на его смерть. Граф Хвостов горько и искренне плакал. Когда он вернулся в комнату, где находились присутству-

Х

востова-«стихокропателя», с упорством маньяка стремившегося покорить недоступный его скромным способностям Парнас, Александр Васильевич Суворов переносить не мог и безуспешно пытался отговорить его заниматься этим безнадежным и губительным для его репутации делом. Тщетно! Страсть к рифмоплетству была сильнее любых доводов великого полководца.

— Полная биография в нескольких словах, — заметил президент Академии наук и недурной поэт Д.Н. Блудов. — Тут в одном стихе все, чем он гордиться может и стыдиться должен.

После Итальянского похода Суворов вновь попал в опалу и слег. Умирал он в доме Хвостова. Лежа на смертном одре, Александр Васильевич давал предсмертные наставления и советы близким, которые входили к нему в спальню поодиночке на цыпочках. Когда вошел к нему Хвостов и стал на колени, целуя руку умирающего, Суворов сказал ему:

— Любезный Митя... Заклинаю тебя всем, что для тебя дорого, брось

ющие на этом печальном событии, те подошли к нему с расспросами.

— Увы, — отвечал Хвостов, вытирая платком обильные слезы. — Хотя еще и говорит, но уже без сознания, бредит!

Данное умиравшему Суворову слово не писать оды на его смерть Хвостов долго держал. Но через двадцать лет все-таки разрешился одним из самых своих бездарнейших опусов. Может быть, поэтому, когда вечно пьяненький поэт-сатирик М.В. Милонов проходил по рынку, находившемуся на Апраксином дворе, и увидел на одной из купеческих лавок портрет Хвосто-

ва, он тут же написал на нем экспромт:

*«Прохожий! Не дивись, на эту
рожу глядя.*

*Но плачь, и горько плачь:
ему Суворов — дядя!»*

Замечу, граф-графоман сочинял далеко не «хуже всех». Он стал мифологическим персонажем в силу трех причин: жил и писал очень долго, был современником культурного переворота, радикально изменившего представления о литературном деле и личности писателя, и — самое важное — любил литературу во всем ее объеме.

Любил не только собственные, но и чужие сочинения, всякого рода сообщества, радеющие о языке и словесности, библиографические разыскания, коим отдал немало сил. Любил едва ли не всю пишущую братию — давно усопших исполинов, патриархов, которых пережил (Хвостов знал Сумарокова, Василия Майкова, Княжнина, Державина), сверстников из разных литературных станов, молодых даровитых наглецов, что над ним всю потешались. Любил литературные споры и пересуды, критику и антикритику, обмен новоизданными книгами, комплиментарными посланиями и язвительными шутками.

Словно бы не замечая насмешек или улыбочиво их прощая, а потом ловко подыгрывая забавникам, он предпочел маску простодушного метромана личине поэта-страсто-терпца, чуждого презренной толпе

и затравленного низкими завистниками.

На старости лет певец Кубры (речки в хвостовском имени, часто поминавшейся в его стихах и столь же часто — в шутовской «хвостовиане») писал о себе:

«Хотя граф Хвостов не скоро принимался за поэзию, но зато был постоянен в ней, ибо всю жизнь свою среди рассеянностей, должностей и многих частных дел он не оставлял беседовать с музами».

Стареющий Карамзин признавался Дмитриеву:

«Я смотрю с умилением на графа Хвостова <...> за его постоянную любовь к стихотворству <...> Увижу, услышу, что граф еще пишет стихи, и говорю себе с приятным чувством: "Вот любовь, достойная таланта! Он заслуживает иметь его, если и не имеет"».

Все так.

Но Хвостов оказался удобной мишенью для младших карамзинистов.

Справедливости ради стоит заметить, что над Хвостовым потешались только его современники. На протяжении всего XX века его наследие изучалось литературоведами, избранные стихотворения публиковались в 1931 и 1971 годах. А в 1997 и 1999 годах выходили однотомные собрания поэтических произведений, что было бы невозможно для абсолютно бездарного графомана.

Хвостов нечаянно оказался прав: история рассудила по-своему, потому что его оценили по справедливости. □

Вячеслав Ложко

«Литературный
квартал» —
КОКТЕБЕЛЬ

Думаю, такое название статьи не удивит многочисленных почитателей легендарного поселка Коктебель. Говорить о создании «Литературного квартала» надо через историю создания самого поселка и вообще этой древней земли.

История и родословная «Литературного квартала» началась 150 миллионов лет назад. В те невероятно далекие времена в этом районе, разрывая землю по живому, извергался вулкан колоссальной силы. Прошли сотни тысяч лет, и вулкан

Кара-Даг

Справа:
*Золотые
врата
Кара-Дага*

затих. Но земля дышала, продолжала приходить в движение, ее трясло изнутри, и пришло время, когда огромная часть вулкана — три четверти — отломилась от основного массива и канула в море (в те времена оно было еще глубже). Земля успокоилась. Все пришло в соответствие с заданием самой природы по велению Всевышнего. Образовалось четыре береговых хребта, которые сохранили свое очертание и до нынешних времен.

Пришло время, когда в этом районе появились первые поселенцы. Люди осваивали незнакомые им места. 2549 лет назад на Крымском полуострове появились воинственные греки. Они основали город Феодосию — «Богом данную». Почему такая точная дата? В 1971 году город широко отмечал 2500-летие со дня основания Феодосии.

Прибывшие на полуостров поселенцы осваивали места и возле потухшего вулкана. Но вскоре они заметили, что как-то уж очень сильно перевозбуждаются здесь и не могут долго находиться у подножия вулкана. Тогда был найден способ, что с этим делать. Греки в основном находились в Феодосии, а к Кара-Дагу приезжали вахтовым методом и искренне считали, что это место — место силы, потому что многие болячки у них исчезали, и они возвращались в Феодосию более энергичными, решительными и чувствовали в себе силу справиться с любой, даже самой трудной задачей.

Шли годы. Люди потихоньку начали обживать эти места. На плато под названием Тепсень, у подножия горы Святой, в XIII веке возникло поселение Каллиера. Оно было названо так

в честь богини Кали, которая защищала жителей поселения от всякой демонической темной силы. А на вершине горы Святой проводились всяческие ритуалы. В народе существует одно предание: больной человек, поднявшись на вершину Святой и совершив жертвоприношение, засыпал на священном участке. Во сне к нему являлся владыка гор — величественный седовласый старец в белом и сообщал причины болезни, а также способы исцеления.

Подобные места отмечались огромным камнем — дольменом, представляющим из себя большую каменную плиту без надписей и знаков. К дольмену вела тропа по кордонной балке. Татары, привозившие больных, немощных, бесноватых и эпилептиков, устраивали привал, а с наступлением прохлады втаскивали больных по тропе на вершину.

Достигнув дольмена, совершали намаз при заходе солнца, после чего отрезали прядь волос больного, полоски одежды и привязывали их к веткам окружающих деревьев. С наступлением темноты укладывали больных на плиту, покрытую овчинами, и оставляли на ночь. Этот обычай поразительно напоминал обряд исцеления в храмах античного Асклепия (Эскулапа). Античные писатели сообщали о Святой горе, месте в Скифии, в котором почитается Асклепий.

В Таврике на Святой горе почитали Асклепия за шесть веков до прихода татар в Крым. Татары приняли традицию языческого культа у останков автохтонного населения Тавриды.

Практика чудесного исцеления продолжалась до Второй мировой войны.

Выбор Кара-Дага в качестве культа Асклепия не случаен. Гора Святая

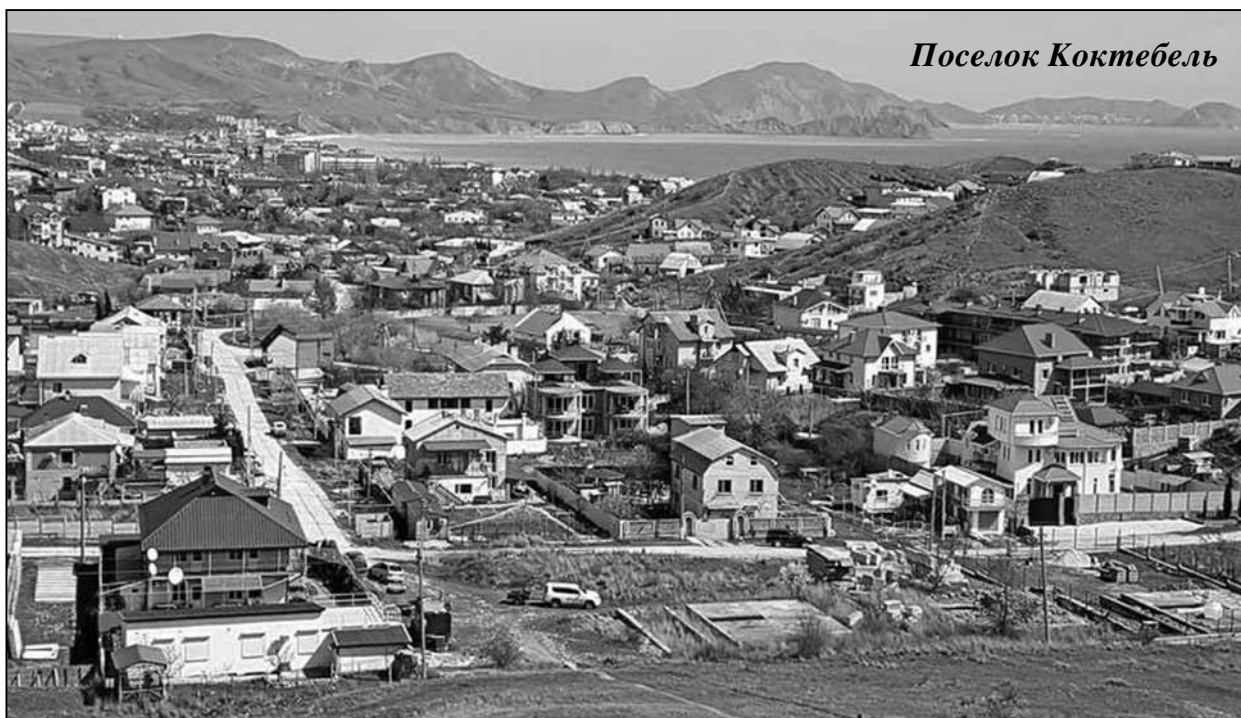
обладает мощной геомагнитной энергетикой, источником искажения хода электромагнитных изобар (магнитная аномалия), и очень сильно влияет на окрестный климат, растительный и животный мир.

От хребта Магнитного идет длинный разлом, заканчивающийся в долине у подножия горы Сюрю-Кая. Разлом засыпан вулканическим пеплом. В обиходе его называют кафекилит, а также глинистыми почвами. Шли времена, столетия, менялись поколения, но все проживающие в этом районе использовали волшебную силу этой земли и относились с благоговением к этому краю.

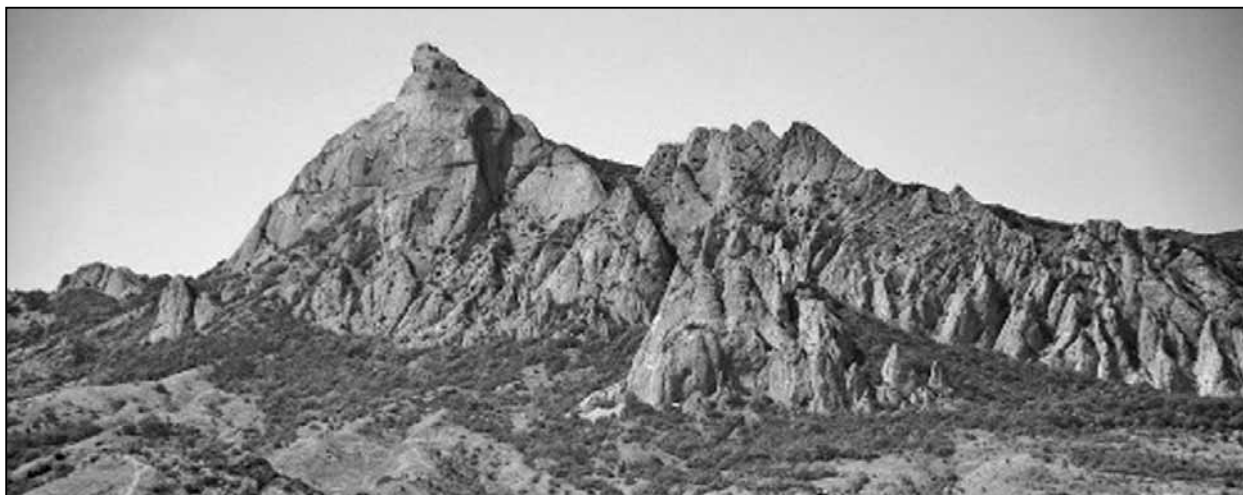
Заканчивался XIX век. В поселке появился профессор медицины Эдурд Андреевич Юнге. Ему принадлежит начало освоения коктебельской

долины. За ним потянулась в эти места столичная интеллигенция: писатели, художники, музыканты. Именно Э.А. Юнге начал превращать Коктебель в поселок русской интеллигенции. Семейство фон Тешей было одним из старейших дачевладельцев в Коктебеле.

Павел Павлович фон Теш посвятил себя практической медицине, в течение 30 лет неся различные обязанности. Он стал гражданским мужем Елены Оттобальдовны Волошиной, а также был инициатором переезда Волошиных в Коктебель. Весной 1893 года фон Теш купил домик в Коктебеле, а летом из Москвы привез Елену Оттобальдовну Кириенко-Волошину с сыном Максом. В 1897 году она вернулась в Москву. Макс поступил в Московский университет и редко вспоминал Коктебель.

Поселок Коктебель

Гора Сюрю-Кая

В 1900 году фон Теш и мать Волошина купили участок земли на берегу, и началось строительство дома.

Макс писал матери письма: «... Почему Вам не купить землю в Бату-ми. Право, мама, покупайте там, а Коктебель бросьте».

Елена Оттобальдовна была гостеприимным и деятельным человеком. У них в гостях начали появляться творческие люди. Особенно, когда Макс Волошин прекратил свои путешествия по Европе и осел окончательно в Коктебеле, в доме, построенном его матерью.

Коктебель — пейзажный центр Восточного Крыма, сердце суровой и прекрасной земли, красота и сила которой раскрывается не каждому. Для понимания этого требуется незаурядный вкус и особый настрой души.

Пейзажи Коктебеля таят в себе вдохновляющее, творческое начало. Например, они стали источником

творческого вдохновения самого А.С. Пушкина. В августе 1820 года на фрегате он прошел вдоль скал Кара-Дага. Впечатление было так велико, что даже через три года он это помнил: в черновой тетради «Евгения Онегина» есть рисунки Золотых ворот Кара-Дага.

Это внимание великого гения стоит у истоков литературной истории Коктебеля, в котором создавалась своеобразная атмосфера и где духовная жизнь и творческие искания сочетались с неумемным весельем.

Гости Волошинского дома каждый день ходили на прогулки. Шли они в основном к подножью Кара-Дага, на вздыбленные холмы. Было замечено, что после прогулок никто не чувствовал себя уставшим.

Именно здесь, на вершине холма, закрывающего разлом от Магнитного хребта, в 1909 году гулял Николай Степанович Гумилев. По его воспоминаниям, ему здесь легко думалось, и все время приходили стихи.

*М. Волошин
возле своего
дома
в Коктебеле*

На этих холмах Н. Гумилев сочинил свою знаменитую поэму «Капитаны». Впоследствии, когда появился кадастр, холм, на котором поэт любил бывать, получил обозначение 108,9. А среди литературной братии он назывался «холм Гумилева».

*Поэта миру подарил апрель
С душою тонкой, сердцем чутким.
Привел Господь Поэта в Коктебель,
И на века привел — не на минутку.*

*Бродил по вздыбленным холмам
И мысли с гор снимал неспешно.
Он Божий строил в сердце храм,
Жил красотой поэзии безгрешной.*

*Она дарила миру страсть
И будоражила людские души.
Над миром обретала власть —
Ее лишь сердцем можно слушать.*

*Жива она и до сих пор,
И никакие ветры не затушат.
В ней сила моря, древних гор —
Она ложится песней в душу.*

В соединении с природной энергетикой «холм Гумилева» обладает качествами, восстанавливающими физические и духовные силы. И потянулись к холму люди, привлеченные магическими свойствами этого места.

Верхний слой разлома и образовавшихся холмов — глинистый. Но холмы сохранили свое главное свойство — магнетизм. Это удивительное явление. Учеными уже давно доказано, что наличие природного магнетизма крайне важно для поддержания жизни человека, особенно его сердца.

Известно, что наше тело имеет небольшой электрический заряд. А из-

менение потенциала этого заряда порождает эффект магнетизма. Человек, находясь в районе хребта Магнитного, на холмах магнитного разлома чувствует себя необычно. Исследователями установлено, что у того, кто сюда приходит, расширяются сосуды, улучшается текучесть крови, давление приходит в норму. У сердечников проходит шум в ушах, исчезают в глазах «мушки», нормализуется питание сердечной мышцы, а в ночное время — сон, а также снижается риск инсульта. Походив на холмы магнитного разлома 10–15 дней, человек чувствует себя помолодевшим на несколько лет. Вот и потянулись в эти места люди любознательные, творческие: писатели, поэты, музыканты, художники, врачи. А еще, узнав об удивительной силе этих холмов, — экстрасенсы, здесь они приводили в порядок свою энергетику.

У подножия «холма Гумилева» располагалась небольшая, уютная долина. Никого не останавливало, что она находится на окраине поселка, в полутора километрах от моря, и постепенно долина была застроена частными домами. Появились улицы, которые прямо требовали своих названий и пришла мысль, что новообразованные улицы должны носить имена поэтов и писателей Серебряного века. Так появились улицы Николая Гумилева, Александра Грина, Александра Блока, Анны Ахматовой, Макса Волошина, улица Кирилла и Мефодия. Шло время, квартал обживался. На пересечении улиц Николая Гумилева и Анны Ахматовой на средства «Организации возрождения культуры поселка городского типа Коктебель» был установлен первый в мире, и пока единственный, Поэтический знак, посвященный всемирно-

му Дню поэзии, принятому по Постановлению ЮНЕСКО в 1999 году, который проводится ежегодно 21 марта.

Не зарастает тропа к этим местам и сегодня. В сентябре прошлого года в рамках фестиваля «КрымБукФест-2020» был проведен 15-й юбилейный Международный Гумилевский поэтический фестиваль «Коктебельская весна». И, несмотря на то, что по серьезным обстоятельствам фестиваль был перенесен на осень, участники смогли вырваться и приехать в Крым с соблюдением всех правил карантина.

Однажды в доме №5 на улице Анны Ахматовой появилась энергичная, красивая женщина — врач по профессии, но с огромной душой поэта. Она не осталась равнодушной к району, в который привела ее судьба, и, вдохновленная красотами, окружающими долину, написала замечательные стихи. У нее сразу нашлись почитатели, и вот в этом доме возник новый своеобразный литературный клуб. Деятельная, неравнодушная к происходящему вокруг Елена Герович, а это о ней было сказано выше, как-то назвала район «литературным», так и оформилось новое название района — «Литературный квартал». От идеи она сразу перешла к делу — заявила, что об этом должны знать все, кто любит Коктебель, и разыскала мастеров, которые изготовили ог-

ромный художественно оформленный щит с наглядной агитацией.

Ее старания оказались не напрасными. Когда квартал получил давно заслуженное название и был у всех, как говорится, на слуху, здесь стали проводиться пусть пока небольшие экскурсии. Люди хотели увидеть своими глазами и узнать все о «Литературном квартале». Они знакомились, фотографировались, затем шли к Поэтическому знаку, а после рассказывали обо всем другим.

Новые люди, новые встречи, и все во славу русской литературы. Кто за заботами и суетой забывал об этом огромном пласте русской культуры, здесь, на этом поистине святом и знаковом месте, вспоминал. А кто не знал, открывал для себя новый удивительный мир поэзии и литературы.

Вот и получилось, что судьба легендарного Коктебеля оказалась тесно переплетена с судьбами многих писателей и поэтов, порой трагических, но в то же время и славных, известных на весь мир. Поэтому в завершение хочется сказать всем, кто любит русскую литературу и поэзию: «Литературный квартал» в Коктебеле ждет вас. Приобщайтесь к прекрасному!»

*«Литературный квартал»,
Есть такой в Коктебеле.
Он — открытый портал
В другие миры, в самом деле. □*

Дарья Мингазетдинова — талантливая актриса Малого театра. Помимо этого она много снимается в кино и сериалах. Молодая актриса стала известной после выхода фильма «Околофутбола», сценарий которого основан на реальных событиях. Эта роль в первой российской картине о фанатских группировках была интересной и значимой. А еще зрители знают Дарью по сериалам «Клим», «Дело следователя Никитина», «След», «Все включено 2», «Практика», «Не женское дело», «Шифр». В ее арсенале — 20 работ в кинопроектах.

М Дарья Мингазетдинова

«Свою профессию я не считаю работой — это моя жизнь»

— Дарья, как начинался ваш творческий путь?

— Со школьного возраста, когда я участвовала в разных театральных

кружках, и мне это нравилось, во время выступлений любила окружать себя зрителями. Помню, как во втором классе у нас был утренник,

и я играла характерную роль Старухи в сказке А.С. Пушкина «О рыбаке и рыбке». Одноклассники и учителя выразили мне свой восторг, и это, можно сказать, «зарядило» меня энергией. Моя мама работала учительницей в школе, и к ней после выступления подошла мама одного ученика и посоветовала отдать меня в театральный кружок.

Так я стала заниматься в театральной студии, вплоть до самого поступления в вуз, и эти занятия мне очень помогли в профессии.

Вообще мое детство было счастливым и радостным, с удовольствием вспоминаю то время. В нашей семье все любило музыку, и у нас был аккордеон. Я окончила музыкальную школу по классу аккордеона, мой брат тоже учился на нем играть, и мама увлекалась им в детстве. Надо сказать, что игрой на аккордеоне я занималась с неохотой. Но все мои умения пригодились в дальнейшем: при поступлении в вуз именно аккордеон был моим неотъемлемым атрибутом.

После школы я поступила в Щепкинское театральное училище, потому что другой профессии для себя и не представляла. До сих пор испытываю ностальгию по нашему Щепкинскому дворику, где дружно собирались абитуриенты и студенты. Там царила особая атмосфера, потому что ни в одном вузе не было такого духовного объединения, такого доброжелательного отношения. Мы общались, с удовольствием играли в волейбол... Сейчас на

месте нашей волейбольной площадки стоянка для машин, и это очень грустно.

— Кто были ваши педагоги в Щепкинском?

— Ольга Николаевна и Юрий Мефодиевич Соломины, Александр Сергеевич Потапов. Прекрасные артисты, удивительные люди, редкие мастера.

Ольгу Николаевну Соломину сначала я очень боялась, но именно она оказала огромное влияние на мое становление как актрисы.

Вообще, в течение четырех лет обучения у будущего артиста постоянно присутствуют так называемые «качели» — сомнения в выборе профессии и наоборот. Александр Сергеевич Потапов дал мне понять, что

во мне есть настоящая актерская жилка. Он умел своей энергией направлять студента вперед, поверить в себя, это очень важно.

— Дарья, а есть ли любимые роли в Малом театре? Впервые вы вышли на прославленную сцену, будучи студенткой, сыграли Маленькую разбойницу в «Снежной королеве»...

— Я очень люблю новые спектакли. Всегда любимый именно тот, который только «родился».

— Зрители запомнили вас в роли Таи в картине «Околофутбола» и Алисы в сериале «Клим». Что нового происходит у вас в кино?

— Режиссер Вера Сторожева для Первого канала снимает второй и

третий сезоны сериала «Шифр», полюбившийся телезрителям. Это история женщин, которых связывает военное прошлое — работа в спецотделе ГРУ. Они объединяются, чтобы бороться с преступностью и вести расследования особо запутанных дел.

Жду с нетерпением выхода работы «Не женское дело», режиссера Александра Калугина, это интересный сериал о сложных судьбах сотрудниц МВД.

Вообще, я обожаю сниматься в кино, и не разделяю профессию: актер театра и актер кино. Разные способы существования, разные энергетические, физические затраты, но про-

фессия одна. Свою профессию я никогда не считала работой — это моя жизнь. Я могу устать физически, но морально и душой не устаю никогда. Моя актерская профессия дает мне много сил и энергии, потому что она любимая.

— Я слышала, что, начиная свою карьеру, вы хотели взять псевдоним...

— От этого шага меня отговорил мастер курса — Юрий Мефодиевич Соломин. Он сказал, что фамилию талантливой актрисы зрители быстро запомнят, а если игра зрителя не будет впечатлять, тогда и псевдоним будет абсолютно бесполезен.

— Вы любите путешествовать, и куда хотелось бы вернуться?

— Путешествия — жизнь для меня, источник вдохновения, энергии. Путешествия — это перезагрузка. Даже поездка на дачу за сбором огурцов для меня — это мини-путешествие.

Я люблю возвращаться в те места, где уже побывала.

С возрастом ты по-другому все воспринимаешь и видишь, впитываешь то, чего тебе не достает. Моя мечта побывать на Бали, но пока, увы, не получается.

— Есть ли увлечения в вашей жизни?

— Я люблю мастерить руками, пробую многие виды прикладного искусства.

Вязала, вышивала, лепила из глины, плету из бисера броши, одно время даже занималась войлоком. Моя семья знает, что всегда могу им помочь своим рукоделием, что-то смастерю, например, на первый зво-

нок маме в школу подготовила красивый колокольчик. Нашла старый, привела его в порядок, покрасила, повязала бант...

Увлекаюсь спортом, мне нравится физическая нагрузка, особенно в период карантина она помогает выходу энергии. Люблю физическую усталость, в свободное время хожу на йогу, на балетный станок.

Артист всегда должен быть в хорошей форме.

— Что пожелаете читателям «Смены»?

— Всегда идти вперед и верить в себя, в свою мечту, несмотря ни на что. □

Беседовала **Елена Воробьева**

Ганс Гольбейн-младший.
Автопортрет

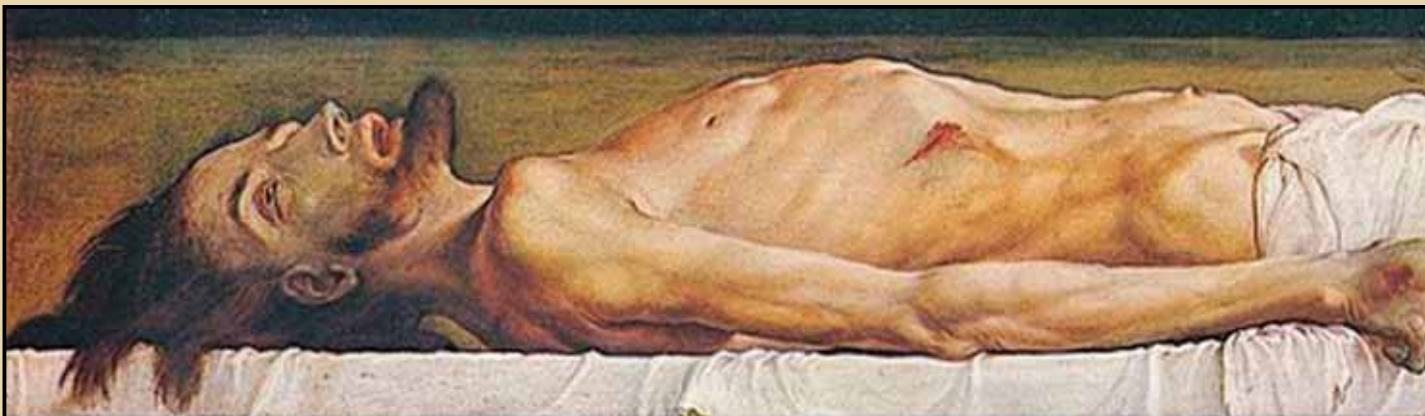
Ганс Гольбейн- младший

«Христос в гробу»

Эта картина — одна из самых знаменитых и значительных в собрании Базельского художественного музея. «Христос в гробу» — полотно страшное, какое-то безысходное, в котором только смерть, и никакой надежды на воскрешение, никакой веры в будущее. Все закончено — окончательно и бесповоротно. Христос мертв. Как мог написать такую картину человек, живший в начале 16 века, когда Церковь играла огромную и основополагающую роль в жизни людей, когда без веры жить было просто невозможно, а какие-либо сомнения в постулатах христианства карались как ересь? Историки искусства до сих пор спорят о смыслах, заложенных великим художником в эту картину, разгадывая ее загадки...

Впервые увиденная Карамзиным во время его путешествия по Швейцарии, она, уже спустя годы, потрясла другого русского путешественника — Ф.М. Достоевского, став одним из основных образов в его романе «Идиот».

«Христос в гробу»

15 февраля 1867 года в Измайловском Троицком соборе Санкт-Петербурга священник обвенчал уже известного в России писателя Федора Достоевского и юную милую девушку Анну Снаткину. Они были до свадьбы знакомы всего лишь пять месяцев, но ясно понимали, что судьба у них теперь общая. Анна быстро осознала, что ее жизнь с Достоевским счастливой и спокойной не будет — страшные приступы мучавшей его эпилепсии, денежные трудности, многочисленные долги... К тому же родственники мужа не испытывали к ней особой любви. Но она любила его и была готова переносить вместе с ним все его трудности.

Чтобы как-то убежать от всех этих проблем, молодые супруги решили отправиться в Европу.

Настроение у Достоевского было далеко не радужное — по его словам, он уезжал «со смертью в душе». «В заграницу я не верил, то есть я верил, что нравственное влияние заграницы будет очень дурное. Один... с юным созданием, которое с наивною радостью стремилось разде-

лить со мною странническую жизнь; но ведь я видел, что в этой наивной радости много неопытного и первой горячки, и это меня смущало и мучило очень... Характер мой больной, и я предвидел, что она со мной измучается», — говорил он поэту Аполлону Майкову.

Достоевский, приезжая в тот или иной европейский город, обязательно вел свою молодую жену в местные галереи. Так, они посетили Дрезденскую галерею и пришли в восхищение перед «Сикстинской мадонной» Рафаэля, а когда приехали в швейцарский Базель, отправились в местный музей. Там, как рассказывал в своих «Письмах русского путешественника» другой русский писатель, Николай Карамзин, хранится поразительная картина местного художника Гольбейна «Христос в гробу». В «базельских письмах» Карамзин восхищался всеми увиденными работами этого художника, «славного» Ганса Гольбейна-младшего — «базельского уроженца и друга Эразмова» (Карамзин имел ввиду Эразма Роттердамского): *«Знатоки говорят о сем живописце, что фигуры его вообще*

весьма хороши, что тело писал он живо, но одежду очень дурно... Какое прекрасное лицо у Спасителя на вечери! Иуду, как он здесь представлен, узнал бы я всегда и везде... Страсти Христовы изображены на восьми картинах... В Христе, снятом со креста, не видно ничего божественного, но как умерший человек изображен он весьма естественно...»

И вот теперь увидел эту картину и Достоевский. Его жена, Анна Григорьевна, вспоминала: «По дороге в Женеву мы остановились на сутки в Базеле, с целью в тамошнем музее посмотреть картину, о которой муж от кого-то слышал. Эта картина, принадлежавшая кисти Ганса Гольбейна, изображает Иисуса Христа, вынесшего нечеловеческие истязания, уже снятого со Креста и предавав-

шегося тлению. Вспухшее лицо его покрыто кровавыми ранами, и вид его ужасен. Картина произвела на Ф.М. подавляющее впечатление, и он остановился перед нею как бы пораженный. Я же не в силах была смотреть на картину: слишком уж тяжелое впечатление, особенно при моем болезненном состоянии, и я ушла в другие залы. Когда минут через 15–20 я вернулась, то нашла, что Ф.М. продолжает стоять перед картиной, как прикованный. В его взволнованном лице было то, как бы испуганное, выражение, которое мне не раз случалось замечать в первые минуты приступа эпилепсии. Я потихоньку взяла мужа под руку, увела в другую залу и усадила на скамью, с минуты на минуту ожидая наступления припадка. К счастью, этого не

Слева:

**Портрет
семьи
Томаса Мора**

**Портрет
юриста
Бонифация
Амербаха**

случилось: Ф.М. понемногу успокоился и, уходя из музея, настоял на том, чтобы еще раз зайти посмотреть столь поразившую его картину».

Кто же этот художник, создавший полотно, столь поразившее русских путешественников Карамзина и Достоевского?

Ганс Гольбейн-младший родился зимой 1497-98 года в Аугсбурге. Его отец Ганс Гольбейн-старший был известным художником, блестящим портретистом и, естественно, первым и главным учителем сына. Уроки живописи брал у старшего Гольбейна и другой его сын, Амброзиус.

В 1515 году братья Гольбейны приехали в Базель. Почему они оставили Аугсбург, это точно не известно, но, скорее всего, потому, что в то время Базель был настоящей столицей мысли и художественного творчества. Здесь был один из лучших университетов в Германии, да и во всей Европе, здесь жили и работали лучшие ученые того времени, здесь издавались книги и создавались великие картины. В Базеле Ганс Гольбейн попал в круг местных интеллектуалов. Издатели, писатели, философы становились его друзьями, и он писал их портреты: издателя Фробена, юриста Амербаха. После

поездки в Италию (в 1518 году), узнав и увидев творения великих итальянских мастеров, Гольбейн проникся ощущением важности своего дела. Недаром на портрете Бонифация Амербаха он оставил латинскую надпись: «Хоть я и написан красками, но не уступаю жизни и являюсь правдивым и благородным изображением моего господина. Я его представляю в произведении искусства таким, каким его создала природа к трижды восьмилетию его жизни». И далее — имя героя картины, полная подпись и дата. Большим другом Гольбейна стал и Эразм Роттердамский, чья книга «Похвала глупости» в те годы была настоящим бестселлером. Гольбейн взялся иллюстрировать книгу, причем так удачно, что удостоился высокой оценки самого автора, а потом написал и его портрет, с которого на нас смотрит мудрый, едкий, остроумный и смелый человек. Они проводили много времени вместе — философ Эразм и художник Гольбейн, и именно Эразм рекомендовал своего юного друга знакомому англичанину, королевскому советнику Томасу Мору, автору знаменитой «Утопии», в качестве живописца, способного создавать хорошие портреты. И осенью 1526 года Гольбейн отправился в Лондон — писать портрет семейства Томаса Мора.

Но еще перед поездкой в английскую столицу, в 1521 году, когда ему исполнилось всего двадцать три года, он написал очень странное, необычное ни для самого художника, ни для всей существовавшей тогда

традиции полотно — «Христос в гробу». Размер картины — 03x2 м. *«Итак они взяли тело Иисуса и обвинили его пеленами с благовониями, как обыкновенно погребают Иудеи. На том месте, где Он распят, был сад, и в саду гроб новый, в котором еще никто не был положен. Там положили Иисуса ради пятницы Иудейской, потому что гроб был близко»*, — так рассказывается в Евангелии от Иоанна (40.19) о положении Иисуса в гроб. Этот сюжет — довольно частый в европейской живописи. Но Гольбейн-младший, этот двадцатитрехлетний юноша, написал совершенно своего Христа — Христа, навсегда закончившего свое земное бытие.

На картине — труп, со всеми признаками разложения. Вытянутая форма картины еще более усиливает впечатление. Ужасны закатившиеся зрачки, страшен оскал рта. Чернеющие ноги и руки, вокруг ран — синеющие круги. В этом теле нет ничего божественного, в нем нет Бога, а лишь умерший от мук человек. Умерший и — покинутый всеми. Он один перед небытием. И нет никакой надежды на спасение, на воскрешение. Что происходило в душе Ганса, что подвигло написать этого богачеловека? Безвременная смерть любимого брата? А может, он чувствовал приближение религиозных войн, вскоре охвативших Европу? Иконоборчество, уничтожающее великолепные алтари, скульптуры и росписи в церквях и соборах? И Бог, равнодушно взирающий на все безумства человека... В картине Голь-

*Портрет
Эразма
Роттер-
дамского*

бейна нет веры в Христа, недаром Достоевский говорил жене, что, глядя на эту картину, можно потерять веру.

Впереди у Гольбейна было еще двадцать три года жизни и двадцать три года активной работы. Итак, осенью 1526 года он приехал в Лондон, где создал большой портрет семейства Томаса Мора, ряд других портретов, а летом 1528 года вер-

нулся в Базель. Но жить в его ставшем родным городе было почти невозможно — в Базеле окончательно победили протестанты, и толпы фанатиков громили церкви, крушили все внутреннее убранство католических храмов. Для художников настали плохие времена — Церковь перестала давать им заказы; университетские профессора, и Эразм Роттердамский тоже, бежали в другие

*Портрет
короля
Генриха VIII*

Справа:
*Портрет
третьей
жены
короля
Генриха VIII
Джейн Сеймур*

страны, надеясь найти там возможность тихо работать. В городе почти перестали издавать книги.

В это время и у Гольбейна почти не было работы. Он брался за все, чтобы прокормить семью. Он еще надеялся, что что-то изменится, но... В 1532 году он окончательно покинул Базель, оставив там семью, и снова отправился в Лондон, где его уже неплохо знали. И здесь на-

чалась карьера, равную которой по стремительности трудно найти.

Поначалу ему заказывали портреты немецкие купцы и представители зарубежных компаний, которых в Лондоне было немало. Потом его клиентами стали послы, а с 1536 года Гольбейн — уже придворный художник короля Генриха VIII! Ему создали прекрасные условия для работы — у него была персональная ма-

стерская в надвратной башне королевского замка Уайтхолла!

Теперь его основное занятие — парадные портреты. Он писал короля, сильного, властолюбивого и похотливого, писал его жен, которые появлялись при дворе, а потом исчезали — по разным причинам и разными путями, а некоторые, как Анна Болейн, даже заканчивали свои дни на плахе, писал придворных, пока они не попадали в опалу. А еще рисовал эскизы ювелирных изделий, в которых двор нуждался ничуть не меньше, чем в портретах. Работы у Гольбейна было так много, что часто в создании его творений участвовали подмастерья. Увы, теперь в его картинах чувствовалось больше блестящего ремесла, чем подлинного вдохновения...

Когда-то, еще в 1523-1525 годах, Гольбейн написал серию гравюр «Пляска смерти». Смерть, по мысли художника, — мудра и справедлива, это «правлящий дух», наводящий порядок в мире. Она активно вмешивается в жизнь человека, судит людей и выносит свой приговор. И все — и стар, и млад, и аристократ, и бедняк — равны перед ней. В 1543 году смерть вмешалась и в жизнь британской столицы. В город пришла чума. Надо сказать, что с 1536 года она захаживала в Лондон не раз, но в 1543 году усердствовала особенно сильно. Это был настоящий мор. Гольбейн, создавший столько портретов других людей, никогда не писал себя. А тут вдруг за год до чумной эпидемии, словно чувствуя скорый

уход, написал совсем небольшой по размерам (32x26 см), но очень выразительный автопортрет. И остался таким в памяти потомков навсегда — широкое лицо, короткая борода, умные глаза, в которых — искренний интерес к людям и миру, в котором они живут.

К сожалению, чума и здесь сделала свое дело — 29 ноября замечательный немецкий живописец скончался. Он умер очень рано. Ему было всего 46 лет!

Но его произведения оставались жить, и у каждого значительного полотна — своя судьба.

«Христос в гробу» был спасен от реформаторов всех мастей другом Гольбейна Бонифацием Амербахом. Картина осталась в Базеле, а потом

спустя годы, попала в городской художественный музей. Там и увидели эту картину Карамзин и Достоевский.

Уехав из Базеля, Достоевский не забыл гольбейнова Христа. Эта картина вошла как самостоятельный герой в его роман «Идиот». Она висит в квартире Рогожина («странная по своей форме, около двух с половиной аршин в длину и никак не более шести вершков в высоту»). Именно о ней говорят князь Мышкин и Рогожин: «*Это копия с Ганса Гольбейна, — сказал князь, успев разглядеть картину, — и хоть я знаток небольшой, но, кажется, отличная копия. Я эту картину за границей видел и забыть не могу. — А на эту картину я люблю смотреть!* — пробормотал, помолчав, Рогожин. — *На эту картину!* — вскричал вдруг князь, под впечатлением внезапной мысли, — *на эту картину! Да от этой картины у иного вера может пропасть!* — *Пропадает и то, — неожиданно подтвердил вдруг Рогожин».*

Говорит об этой картине и другой герой романа — юный Ипполит:

«...когда смотришь на этот труп измученного человека, то рождается один особенный и любопытный вопрос: если такой точно труп (а он непременно должен был быть точно такой) видели все ученики его, его главные будущие апостолы, видели женщины, ходившие за ним и стоявшие у креста, все веровавшие в него и обожавшие его, то каким образом могли они поверить, смотря на такой труп, что если так ужасна смерть и так сильны законы природы, то как же одолеть их?..

Природа мерещится при взгляде на эту картину в виде какого-то огромного, неумолимого и немощного зверя, или, вернее, гораздо вернее сказать, хоть и странно, — в виде какой-нибудь громадной машины новейшего устройства, которая бессмысленно захватила, раздробила и поглотила в себе глухо и бесчувственно великое и бесценное существо...

Картину эту как будто выражается это понятие о темной, наглой и бессмысленно-вечной силе, которой все подчинено... Эти люди, окружавшие умершего, которых тут нет ни одного на картине, должны были ощутить страшную тоску и смятение в тот вечер, раздробивший разом все их надежды и почти что верования. Они должны были разойтись в ужаснейшем страхе, хотя и уносили каждый в себе громадную мысль, которая уже никогда не могла быть из них исторгнута. И если б этот самый учитель мог увидеть свой образ накануне казни, то так ли бы сам он взмолился на крест и так ли бы умер, как теперь?»

Вот такие мысли рождала картина жившего в 16 веке немца Ганса Гольбейна в душе русского писателя 19 века Федора Достоевского. И сегодня, в веке 21-м, они оба, и художник, и писатель, удивительно актуальны со своими размышлениями о вере и роли человека в мире. О жизни, которая такая хрупка и недолга, и о смерти, которая порой бывает столь беспощадна и слепа, что забирает с собой даже самых лучших, и воскресение их невозможно... □

ШАЛФЕЙ

трава ведьм и мудрецов

Это многолетнее травянистое растение из семейства яснотковых широко распространено во всех частях Старого и Нового Света. Каждый из нас в своей жизни наверняка использовал его в лекарственных целях. Но вот о том, что шалфей — мощное энергетическое оружие в руках ведьм и колдунов, знают немногие.

Шалфей не только чрезвычайно распространен, но и поражает своим разнообразием: одних его видов

насчитывается около тысячи. Наиболее известны и пользуются популярностью у травников и магов два

вида: собственно шалфей или сальвия (*Salvia*) и шалфей лекарственный (*Sālvia ofēcinālis*). Любопытно, что последний в диком виде в нашей стране не встречается и произрастает в основном как культурный артефакт в ботанических садах или приусадебных участках сведущих людей.

Сфера применения шалфея, источника не только в период цветения, но и долгое время после сбора фантастический аромат, невероятно широка как в медицине, так и в кулинарии. И заслуживает отдельной большой статьи. Мы же сосредоточимся в рамках нашего мини-расследования именно на магических, волшебных свойствах этого удивительного растения.

Чародеи применяют его для изготовления амулетов, благовония и мешочков-оберегов. Владелец по-

добного оберега начинает притягивать к себе везение и благополучие, его заветные желания начинают исполняться, а сам он получает от высших сил защиту и мудрость.

Еще древние эскулапы именовали шалфей священной травой, отгоняющей смерть. И ведь было отчего. Магическая сила шалфея помогает в достижении столь необходимых и желанных для всех без исключения успеха, денег, процветания, а еще восстанавливает биополе ауры, особенно если кому-то пришлось столкнуться с обманом. Если же человеку необходимо принять какое-либо важное решение, необходимо воспользоваться изготовленным из шалфея эфирным маслом шалфея, пряный аромат растения поможет определиться с правильным выбором.

Кстати, о масле из шалфея. Оно относится к сильнодействующим афродизиакам и помогает наладить взаимопонимание между супругами, если у тех возник серьезный разлад в отношениях. Окуривание дымом из листьев шалфея гармонизирует пространство, одновременно очищая энергетику дома.

Эффективен шалфей и против нечисти. В стародавние времена, чтобы преградить духам из иного мира вход в дом, под порогом зарывали старый носок, заполненный высушенными стеблями растения.

Говорят, шалфей помогает исполнять желание. Не верите — так проверьте. Все очень просто: на листе растения пишем желаемое и кладем его на ночь под подушку. Желание исполнится, если оно приснится в одну из трех ближайших ночей. Ну а если нет — не стоит расстраиваться, значит, для исполнения задуманного вами еще просто не настало время. Приснившийся же шалфей сулит удачу в делах и любви.

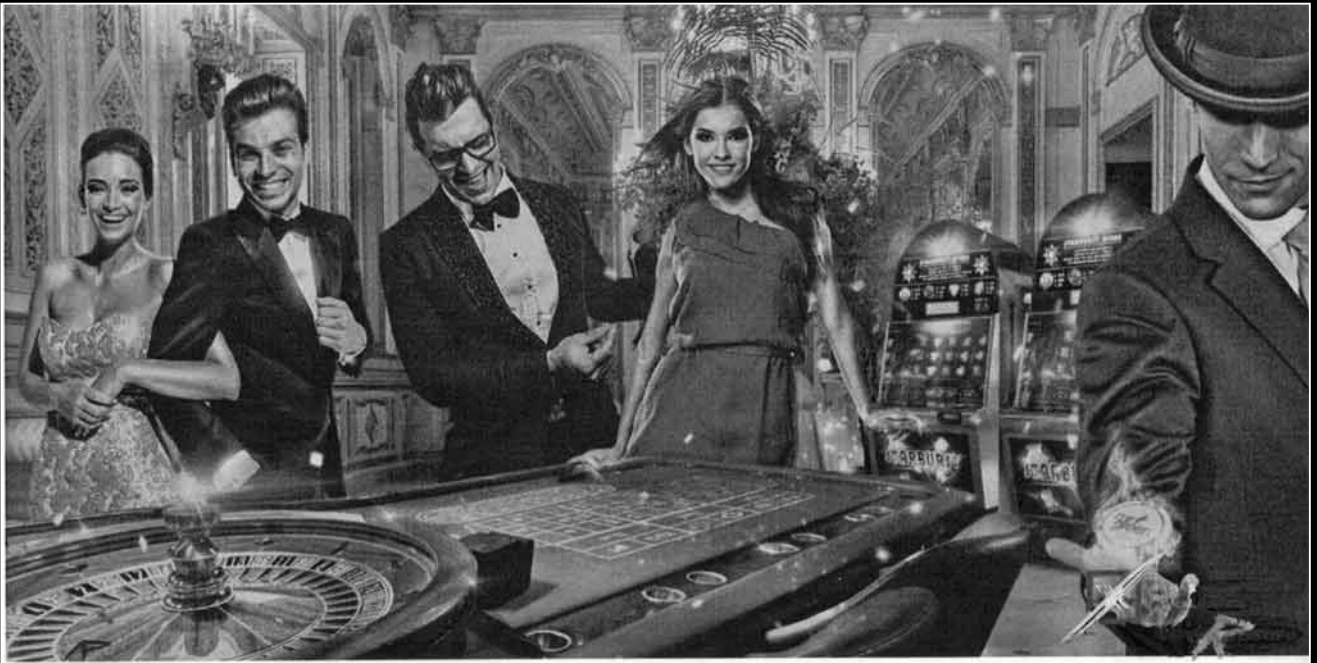
А напоследок поделимся с нашими читателями парочкой рецептов с использованием шалфея. Итак, первый рецепт — чай из шалфея. Обладающий терпким ароматом, он невероятно полезен. Укрепляет иммунную систему организма, избавляет от респираторных недугов, благотворно влияет на общее самочувствие и душевное состояние. Для приготовления чая берем пару

щепоток измельченных листьев шалфея, кладем их в заварочный чайник, заливаем кипятком и настаиваем 10–15 минут. Важно помнить, что шалфеем не рекомендуется смешивать с другими травами. Исключения составляют разве что мята и Melissa.

При депрессиях, синдроме хронической усталости, постоянной апатии, неврозах и стрессе (которые стали спутниками едва ли не большинства жителей крупных городов) рекомендуется принимать настойку из шалфея. Готовят ее на спирту или водке и принимают 2 раза в день (утром и вечером) по столовой ложке через полчаса после еды. Курс лечения составляет месяц. Рекомендуется проводить до трех подобных курсов в год, при этом перерыв между курсами лечения шалфеем не должен быть менее 30 календарных дней.

А готовим настойку из шалфея следующим образом: берем 3 столовых ложки сухого шалфея и поллитра водки или спирта. Заливаем траву жидкостью и ставим емкость в прохладное темное место (но не в холодильник!), настаивая в течение месяца. В течение первой недели взбалтываем настойку — раз в 2–3 дня. По истечении 30 дней готовую настойку процеживаем через несколько слоев марли и храним в защищенном от света месте. Срок годности такой настойки составляет 3 года.

Здоровья и удачи вам! □

«БОЖЬЯ

Россия. Памятные 90-е годы. Конец перестройки: начало рыночной эры, круто изменившей все нравственные ценности отечественной экономики. И люди вынуждены играть в дикий капитализм, чтобы как-то выжить. Как и я, у меня даже поменялась моя мужская биология. То пламя прошлого необъяснимо и сейчас, как мистические эволюции неба и земли.

...Огонь, огонь. Я горю, но почему-то не сгораю. И не чувствую боли. Мои мысли прокручиваются обратным ходом...

Дорога. Вечер. Мчится машина. Легковая, старого образца. За рулем я в облике мужчины 25 лет. «Скорее смыться, скрыться... А если догонят?! Такие выигрыши нигде в мире не прощают», — твердило подсознание. Удар. Слепление. Огонь, огонь. Молния? А может, выстрел? Отчетливый голос, возникший у меня в голове, произнес: «Ты — другая». Где-то я слышал этот тихий, спокойный голос. Где?

— Почему другая? — возобновил я прерванный диалог. — Почему машина горит, и все в салоне горит, а я — нет?

«Другое измерение — иное ощущение», — неопределенно ответил в голове тот же голос.

— Какое измерение, какое ощущение! — заорал я. — Все вокруг то же. И все горит. Я что — другой?

«Ты — другая», — повторил голос.

— Как — другая?!

«Не перебивай меня! Ты давно стал игроманом?»

— Игроманом? — машинально переспросил я вслух. — Да нет. А разве я игроман?

«Не по сути, — прервали меня. — Тебя часто обижали?»

— Да-а-а, — ответил я нараспев, чтобы как-то врубиться в ситуацию.

«Теперь ты будешь обижать!»

— Как, кого?

«Ты станешь мстить. За себя и за всех обиженных».

— Кому мстить?

«Им. Обидчикам. Посланцам падшего ангела».

— И где мне мстить?

«Везде на развалинах твоей империи. Банковская карточка на предъявителя у тебя?»

— Да. — Я нащупал в кармане пластиковую карточку и автоматически включился в телеэкран памяти. Всплыло перекошенное лицо Алексея, его протянутая рука и кивок телохранителям.

«Стоп! — потушил мой экран знакомый голос. — Правое полушарие. Конкретики».

— Какой конкретики?! — уже вслух заорал я. — Я хочу выбраться из горящей машины! Здесь же огонь!..

«А разве тебе жарко?» — вкрадчиво прозвучали слова.

«Нет, — мысленно ответил я и, почти теряя сознание, безразлично добавил: — Кому это надо?»

«Им. Они скоро будут здесь. Ты с Алексеем играл на жизнь, помнишь?»

— Да.

«Сколько миллионов на банковской карточке?»

— Ты же знаешь!!!

«Знаю. Но я хочу слышать ответ. Твои ответы — это твой выбор... Но не пытайся лгать и лукавить. Так сколько там долларов?»

Я заглянул в карточку, находясь в эпицентре огня, опять удивляясь тому, что жар не причиняет мне боли, и вслух прочитал:

— Два миллиона на предъявителя.

«Правильно. Расскажи, как это было».

— Ну, я хотел убить себя, когда узнал о последнем отказе на работу. Очень хотел. В отместку всем хотел: и врагам, и друзьям, и родным, и близким. Ну, полупьяный, все искал способ убийства. И не находил. А потом я остановился около рекламных огней. В моем горле стало как-то горько от похмелья, а голова разрывалась от боли. Очень захотелось выпить, а в карманах звенела лишь какая-то мелочь. И тогда твой голос сказал мне: «Смелее отправляйся в казино».

В игорный дом меня не пустили. Я рвался, подбадриваемый тобой. Тогда меня чуть поколотили. А потом кто-то, ну, Алексей, как потом я узнал, отстранив обидчиков, любезно спросил:

— Играть решил? На что будешь играть?

Пожав плечами, я машинально вытащил из кармана отцовский портсигар, на котором красовались три богатыря, протянул его Алексею и, почувствовав вдруг незнакомую тяжесть в ладони, с изумлением отметил, что из никелированного он превратился в желтый.

— Это что — золото? — вежливо спросил мой спасатель, тот, кого называли Алексеем.

— Никель, — ответил я.

— И сколько ты хочешь за это? — Вальяжный Алексей тут же передал мой портсигар кому-то из охраны и полушутя переспросил: — Сколько?

— Твою машину в обмен на мою! — зло отрезал я.

Алексей и его свита взглянули на мой облезлый «москвичонок» и громко захохотали. Кто-то сзади схватил меня за шиворот куртки и с хрустом вывернул руки. Я закричал от боли.

— Отставить! — заглушил мой крик Алексей, и меня тут же отпустили. — Извини, грубиян, — миролюбиво проговорил он, похлопывая меня по плечу. — Афганский синдром этикета. Руки-то целы?

— Вроде, да, — ответил я, шевеля пальцами.

— Отлично! Сейчас мы сделаем ставки. С твоей стороны — портсигар. Согласен?

— А с твоей? — нагло спросил я.

— Мой «мерс». Ну что, играть будем?

— При таком раскладе — нет, — ответил я.

— А при каком вы желаете? «Я хочу играть не на вещь, а на жизнь»? Знаешь, а это становится интересно. И вот мой ответ: мне моя жизнь не совсем надоела.

— А мне — надоела! — заорал я.

Алексей резко сунул руку в карман своего изящного пиджака и протянул мне банковскую пластиковую карточку:

— Разве это дороже жизни?

— Нет, — качнул я головой.

— Но ты же, Гаврош, выставяешь золотой символ трех русских богатырей, а я — машину. Давай так. Вначале вещь — за вещь, а затем жизнь — за жизнь. Согласен?

— Согласен, — тихо сказал я...

«Хватит! — прервал меня голос в голове. — Твои воспоминания принимаются. Твоя работа мозга на уровне эмоции. Нейрогормоны памяти в норме.

Из недалекого прошлого возвратился в настоящее. Сейчас ты пересядешь в «вольво». Это машина из свиты Алексея. Не бойся, Алексей влюбится в тебя».

— Как? Я же не голубой!

«Ты — женщина. Иди. Перезагружайся».

Я не шел, а прыжками бежал к машине. Какая-то неземная сила сделала сильными и упругими мышцы ног. Тело почти летело, как во сне. Первое, что я сделал, влетев в салон «вольво», стал искать глазами зеркало. О, боже! На меня смотрели незнакомые пронзительные огромные глаза. Насмешка отражалась в полуоткрытых чувственных губах. Мои размышления прервал голос Алексея:

— Нравится?

— Конечно. Но...

— Мне тоже.

В голове моей ощутимо сработали какие-то мозговые извилины. Женский облик поразил меня, как молния, от которой догорал мой «москвичок». Но все это длилось мгновенье. Тот же голос в голове опять отчетливо приказал: «Спокойно. Ты способна своими биотоками мысли на чудо и мистику».

— Девушка, вы давно здесь? — иронично спросил Алексей.

— Как увидела этот пожар от молнии, — ответила я.

— Значит, от молнии?

— Думаю, да. Меня, знаете, оглушило. А потом, когда я очнулась, машина уже догорала. Я пыталась открыть дверь, смотрела и видела один огонь. А вот меня, лицо мое огонь не тронул...

— Огонь, огонь... — задумчиво пробубнил Алексей.

— Да, и больше ничего. И никого. А вы, собственно, кто? Из полиции, из ГИБДД?

— Мы родственники, — как-то кисло ответил Алексей. — Хозяин «москвича» для меня очень дорогой человек. С ним сгорело... многое.

Я насмешливо посмотрела своими распахнутыми глазами и кокетливо произнесла:

— Говорят, огонь очищает. В нем не всегда все сгорает.

— Например? — спросил Алексей.

— Ну, надежды живых. И мысли сгоревших.

— О, это становится интересным.

— Вы так думаете? Тогда я предлагаю продолжить наш разговор в казино. Вы же игрок? Я вас видела там недавно. Вы же игроман?

— А вы?

— Я могу быть советником для таких...

— Кончай базар! — прервав мое кокетство, процедил один из телохранителей Алексея. — Заберем у нее нашу тачку... А ее...

— Тачка ваша. Но она случайно оказалась на штрафной площадке рядом с моим «огарком». Так что, мальчики...

— Да ты еще и базаришь? — крикнул громила.

Я в упор посмотрела на него, и он, отлетев метра на два, почему-то присел и, открыв рот, попытался что-то сказать. Все оцепенело молчали, находясь в паралистическом гипнозе.

— Так что, мальчики, отобедаем в казино без шухера. Своим взглядом я могу не только защищаться, но и направлять игру. Уверяю, мои советы бесценны. Для вас. Только молчок! Мистика — мстительна... Пусть этим «огарком», — кивнула я в сторону «москвича», — занимаются менты. А мы — игроки. Так что — вперед! К удачной ставке!

— Кто вы? — тихо спросил Алексей.

— Экстрасенс, — ответила я, вернее, озвучила мысли того голоса, моего странного спасителя.

В новом облике мне думалось по-старому. Но какая-то лукавинка невысказанных мыслей подразнивала сознание... Вспомнились поиски сегодняшней работы, всплыли нагловатые циничные отказы в музыкальных училищах, школах, даже в детских садах. А ведь у меня была целая программа, заряжающая и расслабляющая детей. Да что детей! Я почти разработал лечение музыкой, то есть индивидуальных звуковых модуляций человека. Но везде были отказы, многочисленные отказы, отказы. А один сердобольный директор в тот день посоветовал: «Иди играть в каком-нибудь кабаке». «Там все занято», — ответил я. «Тогда пристраивайся в переходах. Играют же там консерваторщики твоего профиля». «Профиля?» — переспросил я. «Да», — ответил он и улыбнулся. В ответ на его иезуитскую улыбку я тогда дико захохотал и хлопнул дверью. По дороге домой успел подвезти пару пассажиров для наживы — хотелось жить и быть. Увы, не получилось. В пивном баре я пил водку пополам с пивом, чтобы приобрести отстраненность. Когда уже плавал в этой отстраненности, мимо моего столика прошел какой-то старичок, и кто-то грубо толкнул его. Он упал, ударившись о край стола, но быстро поднялся и, растирая кровь на лице, сказал обидчику: «Простите». Тот угрожающе прошипел: «Вали, старый, отсюда!» Тогда я, не выдержав, ударил его, и в моем отчаянном ударе было столько скопившейся ярости, что обидчик отлетел на несколько метров и растянулся на полу. «Бежим», — прошептал мне на ухо старичок, а когда мы выскочили на улицу, вдруг незаметно исчез. Только в моем подсознании послышался напевный голос, дразнящий своей протяжностью: «До встречи, музыкант!»...

— Вот мы и подъехали, — прервал мои воспоминания Алексей.

— Да, — ответила уже в ином облике я. Взглянув на попутчика, почти угадала его мысли и весело проговорила: — Вам очень хочется произнести что-то умненькое, для разрядки.

— Я не настолько глуп, чтобы казаться умным перед экстрасенсом.

— Принимается. Самокритичность — удел мудрецов.

— Тоже принимается. А удел бедных быть глупенькими в бесконечных играх богатеньких. Кофемания, наркомания... Вся эта мания — это игры со страстью. А иногда они все же на кон ставят жизнь...

— Интересно, и много раз ставили на кон жизнь ваши партнеры, ну, игроманы?

— По-разному. Иногда первая ставка бывает последней.

— А у вас та ставка на жизнь была первая или последняя? — показала я банковскую карточку.

— Я догадывался, что она у вас, — чуть дернувшись, прошептал Алексей.

— Почему?

— Ну, во-первых, потому что вы были рядом с машиной. А во-вторых, игрок моего профиля — с нюхом собаки на деньги. Причем хорошей охотничьей собаки. Для такого человека игра и жизнь спрессованы воедино. Это кураж, кайф, гонки... Как бы вам сказать... это отчасти похоже на страсть меломана. И такой меломан, — стукнул он себя ладонью в грудь, — находит в сложнейшем хаосе звуков свою мелодию игры. Ведь деньги тоже имеют свою напевность звуков, свою страсть азарта. И еще деньги навевают желаемое и приближают отдаленное. Деньги — это материализация мечты и смертельный риск азарта. Ширяльшиков-наркоманов иногда излечивают. Денежных наркоманов — никогда! Разболтался, простите. А вообще-то я гнался за машиной Гавроша не для того, чтобы забрать эту банковскую карточку, что находится у вас, а чтобы отблагодарить за жизнь. Или предложить продолжить игру. Так мне казалось. Я лгал себе. Я гнался за деньгами. Только за ними. А моя игра — это прелюдия собственной фальши...

Я взглянула в окошко и, увидев, что мы уже рядом с игорным домом, сказала:

— Прикажите вашим овчарам, чтобы отстали, а то мой фокус не получится. Да вы не смущайтесь. Для убедительности — вот, — протянула я банковскую карточку. — Возьмите. И скажите вашим...

— Понял! — кивнул Алексей и, включив мобильник, скомандовал: — Всем оставаться в машинах!

— Спасибо. А теперь давайте воспроизведем трехчасовую картиночку прошлого. У вас как с памятью?

— Нормально. Как у каждого игрока.

— А с перевоплощениями в иные лица?

— Отлично. Игрок — это всегда артист. А артист — это всегда игрок. Только у вас осечка произошла. Перевоплощаться-то станете вы, мадам, в Гавроша. Я-то буду играть себя.

— Осечки иногда случаются, — улыбнулась я, открывая дверцу машины.

Алексей мигом выскочил из салона и подал мне руку. На нас с интересом уставилась охрана, и взгляды «овчаров» Алексея я чувствовала спиной. Но дуэли перекрестных взглядов подбадривали меня. Что ж, это естественно, потому что мы с Алексеем выглядели если не эффектно, то впечатляюще. Неожиданно в голове прозвучало: «Не занимайся самолюбованием. Будь внимательна. Сейчас Алексей попытается скрыться. Опереди его. Я уже читаю его мысли...» Действительно, как только мы вышли, Алексей сказал с насмешливой лукавинкой:

— Вы не возражаете, если я отлучусь в мужскую комнату?

— Возражаю! Вначале верните то, что я дала вам в машине. Знаю, что в третьей кабинке у вас есть на подоконнике схрон.

— Какой схрон? — слегка побледнев, но с той же улыбочкой спросил Алексей.

— Не надо передергивать. Схроны и тайнички имеются почти во всех игорных туалетах. И в них такие ассы, как вы, иногда прячете деньги, золото и подобные карточки. Ну! — вытянула я вперед руку.

— Bravo! — улыбнулся Алексей и, захлопав в ладоши, передал мне банковскую карточку.

— Благодарю, — ответила я и громко засмеялась: — А теперь заберите ее обратно, и начнем игру. Игру на жизнь. Помните?

— Я готов. Мне-то перевоплощаться не надо.

— Да, вам легче. Но вы помните, что я — Гаврош, и у меня начинается алкогольный синдром?

— Помню-помню, а как же!

— Итак, игра началась!

Алексей мгновенно включился и с ироничной легкостью произнес:

— Ну что, Гаврош, штормит?

— Да, — ответила я.

— А может, мы начнем с бара? Поправим твое здоровье, Гаврош, и там же сыграем в рулетку на жизнь. Не огнестрельную прошловековую, а рюмочно-русскую рулетку начала 21 века:

— Остановитесь, — тихо проговорила я. — Разве вам не хочется жить?

— Мне хочется играть в жизнь, — ответил Алексей. — И потом, мы же себя повторяем. А повторение — мать учения. Спокойно, мой милый Гаврош, может, мне и повезет. Я уже проигрываю свою роль, Гаврош. Игра — это экстремальное чувство и полета, и взлета, и падения! — Он галантно сделал жест рукой: — Прошу. Сейчас мы войдем в бар и, как было несколько часов назад, разыграем игру с рюмками. Так, экстрасенс-провидец? Перевоплощайтесь, перевоплощайтесь, Гаврош. Идем!

И вот мы в баре. Садимся за отдельный столик. Алексей потирает ладони и, сверкая глазами, говорит:

— Игра в игре. Кайф в кайфе. Аналогов нет. Я — игроман. И я в игре — поэт! Эй, официант! Принесите нам 600 граммов водки в шести рюмках и бутерброды с икрой. Ну, и лимончики.

Официант уходит и быстро возвращается, ставя на столик рюмочки с водкой, бутерброды с икрой и тонко нарезанные лимоны.

— Внимание! — Алексей вытаскивает из внутреннего кармана таблетку: — Вот в этой таблетке смерть, Гаврош, — кидает он таблетку в одну из рюмок. — А вот здесь, — бросает на стол банковскую карточку, — жизнь. Здесь много денег. Смотри, Гаврош, таблетка растаяла. Выигрывает тот, кто остается живым. Если ты — забираешь эту карточку. Если выиграю я, — беру твой золотой портсигар. Но проигравший быстро и без мук умирает, потому что рюмка с таблеткой — смерть. Ты же хотел свести счета с жизнью, Гаврош? Так?

— Так.

— Тогда вперед! Давай сделаем вот что. Официант! — снова подзывает Алексей парня и, когда тот подходит к столику, протягивает ему деньги: — Бери, бери! Это гонорар за маленькую услугу. Сейчас мы с моим обязательным Гаврошем подойдем к стойке, выпьем там минералочки. Причастимся. Понял?

— Так я принесу, — предложил официант.

— Не надо! Там вкуснее. Ты, любезный, сделай вот что: переставь эти рюмочки для куража.

— Для чего? — подозрительно переспрашивает официант.

— Для куража. Для него....

Алексей берет карточку, и мы подходим к стойке. Быстро возвращаемся. Алексей вновь бросает карточку на столик, окидывает взглядом рюмки и назидательно произносит:

— Принцип рюмочной русской рулетки: номер один — пуля в висок через пистолет в руке. Второй — рюмка. В твоей же руке. Как в первом, так и во втором случае судьба выбирает человека, а не он ее. Только в

рюмочном поединке осечек не бывает. Итак, ставка на жизнь, Гаврош. Согласен?

— Давно согласен, — громко произношу я и, выпив рюмку, добавляю: — А зачем вам рисковать? У вас же все есть!

— Все, — хохочет Алексей. — Богатство, Гаврош, познается в сравнении. А любое сравнение — туман. — Он поднимает уже третью рюмку и выдыхает: — За удачу!

Я выбиваю рюмку из его руки, и он цепенеет:

— Что вы делаете!

— Спасая вашу жизнь.

— Страшно... Мистика...

— Любая мистика напоминает мне джазовые вариации изменчивой реалистики.

— Почти точно угадано. Вы — музыкант?

— В какой-то степени.

— Странно, почему мне второй раз выпадает смерть? Почему вы, Гаврош, знаете, в какой она рюмке?

— А может, я и Гаврош — не одно и то же лицо?

— Чепуха!

— Тогда — мистика, — говорю я с улыбкой. — Представьте, что я и Гаврош — одно и то же лицо в мистике перевоплощений.

— Как?! — удивленно восклицает Алексей. — Какого воплощения?

— Юмор. Шутка, — улыбаюсь я, чтобы разрядить обстановку. — Юмореска факта нашей встречи.

— Ага, понял, — кивает он и, беря банковскую карточку, протягивает ее мне: — Так, кажется, было в тот раз?

— Так, — подтверждаю я, забирая карточку, и тут же спрашиваю: — Жалко?

— Конечно. Не жалеет ничего тот, кто ничего не имеет. И не желает иметь.

— Логично. А зачем вы вторично согласились на эту русскую рюмочную рулетку?

— О, это трудно объяснить, милый Гаврош. Это может понять только игроман.

— Я уже почти...

— Тогда вы уже почти меня понимаете. И что прикажете делать дальше?

— А дальше пойдем в зал к зеленому игровому полю. На этом поле вы выиграете столько, сколько на этой карточке.

— Интересно, Гаврош, интересно. А дальше?

— Погоня.

— Кино! И кто же победит в этом боевичке? — Он берет последнюю рюмку и, махом опрокинув ее, продолжает: — В судьбе или в игре со смертью третий раз осечки не бывает.

— Не будет.

— А что будет? Что, Гаврош?

— Вы станете другим человеком.

— Каким другим? Разве я перестану быть игроманом? Неужели я избавлюсь от этого заряжающего мою жизнь порока? Не надо, не избавляйте! В любом пороке скрыт наполеоновский комплекс величия и полета человека. Когда такого типа, как я, излечивают, то тщеславные наполеоны-игроки гибнут. Так неужели я перестану быть игроманом и превращусь в хворостинку огромной метлы, именуемой жизнью.

— Вульгарно и цинично.

— Зато правдиво. Во все века народные массы гибли миллионами, а игроманы-политики — штуками. Они, вожди, штучный товар для истории. Но они неделимы, а массы всегда делимы, но до поры покорны, до поры. Правда, в политике все карты краплены не на момент игры, а на десятилетия. В эти игры я не играю. Неужели я стану иным?

— И да, и нет. Из игромана вы превратитесь в игрока. Игрока другого плана.

— Никакого плана! К черту плановые надежды и мечты! Они всегда несбыточны и обтекаемо-обманчивы. Я хочу играть. Только в азартных играх мелькают просветы истины. Только здесь, в казино, а не там, в борделе жизни, где постоянно властвуют и играют не фишками, а массами вечные «наполеоны». Здесь больше правды, чем там. И здесь каждый может стать на миг Наполеоном. А там, за окном жизни, человека быстро превращают в прутик для метлы, для массы.

...После этого монолога мы отправились в бильярдную. Я не стану объяснять процесс игры. Скажу только, что с моей помощью Алексей вскоре имел столько же, сколько было на его банковской карточке, что лежала в моем кармане. Мистика?! Да, она, царица! В мистической науке тайны открываются избранным, а иногда тем, кто постигает эти запредельные космические лабиринты удач и поражений.

Мистика не мистика, а упрямая статистика факта красноречиво показала всем, кто был свидетелем игры, что выиграл Алексей. Многие косились в мою сторону, но я подсказывала мыслью в мысль. Мои подсказки были невероятно парадоксальны, они вообще нарушали все приемы бильярдной игры. Но благодаря им шары, вопреки всем законам геометрии, упрямо залетали в лузы и приносили выигрыши и выигрыши.

Рассовывая деньги по карманам, Алексей озадаченно прошептал мне мои же собственные слова, сказанные несколько часов назад: «С такими деньгами живьем не уйдешь. Не отпустят». Я засмеялась. Он раскланялся с партнерами, и мы направились к выходу.

— Скажите же, наконец, как вас зовут, милый Гаврош, — неожиданно попросил Алексей. — Угрошают же, а я так и не узнаю вашего имени; философствовали-то мы до одури, но, как всякие сдвинутые, так и не познакомились.

— Меня зовут именем вашей первой девушки.

Приостановившись, он тихо и как-то растерянно, словно оправдываясь, сказал:

— А сколько их было, первых? Последние иногда кажутся первыми, а первые — последними. И все же скажите, как вас зовут?

— Назовите меня тем именем, что всегда дает шанс на выигрыш.

— Надежда, — быстро произнес Алексей.

Когда мы сели в машину, он крепко сжал мои плечи. Я легко отстранила его руки и твердо проговорила:

— Командуйте своим «овчарам», чтобы ехали за нами...

— А мы куда? Куда...

— В поле. На то место, где сгорела моя машина.

Алексей скомандовал в мобильник:

— Ехать за мной. Впритирку. Я выиграл. Будьте предельно внимательны. — Потом бросил взгляд в зеркало заднего вида и с азартом проговорил: — Они на хвосте. Наступает кульминационный момент.

Я подставила свою сумочку и предложила:

— Высыпайте все сюда, и деньги, и банковские карточки. Быстро!

— Зачем?! — резко спросил он и так же резко затормозил.

— Быстрее, а то будет поздно! Мой косметический комплект на время обогатился. Но ваше останется вашим, а мое, — показала я на банковскую карточку, — моим. Ну, я жду.

Алексей выпотрошил карманы, но нам уже успели перекрыть дорогу:

— Ого! Круто! — почему-то весело воскликнул он.

— Командуйте своим, чтобы не выходили из машин. Быстрее!

— Всем быть в машинах!

Чья-то лысая голова склонилась к окошку нашей машины и почти вежливо обратилась к Алексею:

— Выходи, победитель, поговорить надо.

Алексей дернулся. Но я силой и незаметно принудила его сидеть, а сама, глядя на лысого, спросила:

— Может, начнем с меня?

Улыбаясь во весь рот, сладострастно, по-кошачьи облизываясь, ответил:

— Не бойтесь, мадам. Вас без внимания не оставим, — улыбаясь во весь рот и сладострастно облизываясь, ответил он.

Я вышла из машины. Открыла свою сумочку, аккуратно у его ног сложила пачки денег на асфальте и указала на них:

— Так вас, собственно, кто или что интересует? Они или мы?

Лысый осклабился. Кивнув на деньги, пояснил:

— Они, красавица, — кивнул на деньги лысый. — Только они. Какая вы вумная...

— Ясно, — оборвала я его. — Но они же были проиграны вашим Бароном.

— Так это же сделано специально, чтобы приблизиться к вам и побазарить о том о сем... А может, повторим турнир, мадам?

— С кем?

— Ну, хотя бы с вами. Барон очень интересуется вашей личностью.

— В таком случае вы проиграете сходу. Моя личность беспроегрышная. И тогда что будет?

— Я не знаю, — ответил лысый.

— А я знаю! Тогда вы начнете стрелять в нас.

— Ну что вы, красавица! Мы же не гангстеры. Мы — уважаемые в этом городе люди. А наш Барон — депутат. Скажу вам по секрету — очень большой человек.

Глянув на часы, я резко поднялась:

— Короче. Ваши условия.

— Во дает! — выкрикнул кто-то из толпы.

И тут из машины вышел Алексей.

— Какие люди! Какие тени! И говорят по-русски, а не по фене. А ваши проигранные денежки не чистые. Бодаются они.

— Так что, будем играть или...? — посмотрела я на лысого.

— Что «или»? — настороженно перебил он.

— Да то же самое, «мочиловки»! — грозно вставил Алексей.

К нам вдруг подошел сам Барон, мужчина лет 60 с манерами интеллигента, и, кивнув на Алексея, вкрадчиво произнес:

— Я слышал, вы хотите отыгаться за него.

— Почему отыгаться? Это вы, уважаемый генацвале, хотите. Я же выиграл! — возмутился Алексей.

— Да, да! Простите, любезный, я про свой проигрыш совсем забыл. Вах-вах-вах! Я действительно проиграл. И вот хотел бы отыгаться. Только не с вами, а с этой красавицей.

— Хорошо, Барон, — кивнула я. — Во что, где и когда будем играть?
Он долгим пронзительным взглядом посмотрел на меня и тихо проговорил:

— В карты, девушка. Не возражаете? И здесь.

— Карты, большой уважаемый человек, игры мужчин. Правильно?

— Да, да. Правильно. Но вы, изюм-красавица, как мне кажется, в любой игре почти мужчина. Я угадал?

— Почти, — засмеялась я. — В прошлой жизни я была мужчиной. Даже играла в карты. Баловалась немного. Любила игру.

— Тем более, тем более, — одобрил он и представился: — Вис-са-рион. Такое музыкальное грузинское имя. Не возражаете?

— А у вас нет, случайно, сына Иосифа? — съехидничала я.

— Что вы, что вы! У меня сына Вахтангом зовут. Иосиф — почти святое имя для грузин. А вас как звать, букет мой?

— Надежда я. Только не для вас.

— Зачем обижаешь, Надежда. Я же еще не покойник. Выиграю, и тогда...

— Увы, вы проиграете. Для вас это почти что...

— Не надо «почти что». Говори условие.

— Спасибо. Будем играть только один раз. Согласны?

— Нет сил отказать вам, Надежда. По-моему, никто из мужчин и никогда вам не отказывал. Точно? Вижу — точно! Мой глаз — алмаз.

— Так где будем играть, алмаз? — небрежно бросила я.

— Здесь, — ответил Барон. — Прямо на вашей машине. Она тоже красавица.

— Только не на нашей, — вмешался Алексей.

— А почему?

— Да потому, что вы опять забудете, что проиграли, дорогой мой. Казино помните? Там тоже была...

— Казино-мазино... — нахмурившись, перебил Барон. — Пускай будет по-вашему. Будем играть вот на этой, — указал он на машину, которая перекрыла нам дорогу.

— Согласна, — кивнула я. — Но при одном условии, что вы отгоните ее в хвост, поближе к вашим заморским коням. Понимаете?

— Ага. Понимаю, понимаю, — согласился Барон, тут же дал знак лысому и водителю, и машина быстро отъехала.

Я положила деньги обратно в сумку.

— Прошу вас, — галантно произнес Виссарион-Барон и, взяв меня под руку, проводил к месту. По дороге доверительно спросил: — Скажите, Надюша, вы честно в прошлой жизни были мужчиной? Или так...

— Так, — ответила я и в свою очередь задала вопрос: — А вы всегда хорошо играете в жизни или в политике?

— Везде плохо, Надежда, везде.

— Тогда я вам посоветовала бы не играть нигде. Особенно со мной.

— Поздно. Авторитет, дорогая, дороже любой игры и даже жизни... — начал, было, он, но тут же осекся, так как мы приблизились к машине. Подозвал лысого, что-то тихо сказал ему, и тот быстро принес три колоды карт.

— Выбирайте, уважаемая, — сделал широкий жест рукой Барон.

— А что выбирать, они все крапленые.

— Обижаете, Надежда! А что прикажете делать? Других нет.

— Хорошо, — согласилась я. — Вы все равно проиграете.

— Ваша самоуверенность забавляет, красавица.

— Это вначале. А потом озадачивает. Но суть не в этом. Ваши ставки?

— Ставки? Да вот они: пять машин перед вами, и вдобавок еще кое-что имеется.

— Например?

— Пять золотых часов и еще кое-что.

Я вытащила из сумки пачки денег и банковские кредитки. Все аккуратно разложила на капоте машины и вопросительно посмотрела на него:

— Мои ставки здесь. А где ваши?

— Как, где наши? Да вот же они. Машины. Ровно пять. Красавицы! Всем по полгода. Все заграничные.

— И все будут нашими?

— Разумеется. Если выиграете, красавица.

— Не сомневайтесь, Барон, выиграю.

— Хорошо, хорошо, желаю удачи.

— Не сомневайтесь, удача будет. Но где ваши деньги? Мои ставки вы положите в карман, а ваши машины, хоть и заграничные, в карман не влезают. Не вижу ставок на сумму полтора миллиарда.

— Вах-вах! Какие полтора миллиарда?

— А такие. Моя ставка — это же ваши кредитки и деньги. Можете проверить. Свои машины можете оставить лохам.

— Какой пронцательный женщина, — покачал он головой и что-то быстро сказал по-грузински лысому. На капоте машины рядом с моими деньгами появились часы, банковские кредитки и зеленые пачки долларов. Барон с восхищением смотрел на меня, приговаривая: — Вах, вах, какой умный женщина! совсем раздел бедного грузина.

Окружающая толпа бароновских «шестерок» снисходительно улыбалась, понимая, что это театр. Понимала это и я. Но мне был известен фи-

нал — его сказал мне «голос», поэтому, продолжая игру, я в тон Барону спросила:

— Вас когда-нибудь грабила женщина?

— Зачем женщина? Я грабил, — с гордостью проговорил Барон и властным кивком показал на карты: — Выбирайте. Любую колоду.

— Ваше право старшего, — вежливо ответила я.

— Ну-ну, похвально. Тогда я беру вот эту. — Он быстро разорвал упаковку колоды и мастерски потусовал: — Во что будем играть? Ваше право, Надежда.

— Похвально. Тогда, с вашего разрешения, в буру, аксакал.

— Не говорите так. Я молодой аксакал по крови, — поморщившись, сквозь зубы процедил Барон.

— Хорошо, молодой аксакал по крови, я готова.

— Тогда сдвиньте карту!

— Пусть он, — показала я на лысого.

— Ладно, — проговорил Барон и кивнул лысому.

Тот сдвинул карту, высветив козырь, еще раз потусовал колоду, раздал нам по три карты и положил колоду на козырь. Не заглядывая в свои три карты, я проговорила:

— У меня бура, Виссарион. Да, да, молодой аксакал по крови, бура.

— Не может быть, — прошептал Барон, мгновенно перевернул мои карты и, увидев три козыря, с диким остервенением уставился на лысого. Потом зло улыбнулся и снова заговорил: — Ты — колдунья. Их сжигали или убивали. Но я дарю тебе жизнь. — Он протянул руку, чтобы взять деньги, и вдруг, резко отдернув ее, начал остервенело чесать лоб. — Что у меня на лбу? — обратился он к лысому.

— Слово написано, хозяин, — ответил тот.

— Какое слово?! — заорал Барон.

— В-о-р, — по буквам прочел лысый и вдруг с ожесточением тоже стал растирать свой лоб.

— Вот хулиган! Сам ты — вор, у тебя же это слово на лбу написано!

— «Божья метка» на лбах всей вашей компании, — проговорила я. — Смотрите на себя, господа-хозяева, любуйтесь.

«Шестерки» Барона, забыв про все на свете, начали растирать свои лбы и, указывая друг на друга, кричать:

— Вор, вор — у тебя же на лбу написано!

— И у тебя, и у него!

Я сгребла в сумку все, что было на капоте машины. Алексей подогнал нашу машину, открыв дверцу, жестом пригласил меня в салон, и мы быстро отъехали.

— Что это у них на лбу? — спросил он по дороге.

— «Божья метка».

— А как же машины?..

— Машины сгорят, как и все их награбленное добро, — ответила я.

— Вот дела! Ну, Гаврош, ты... вы... круто начинаете!

— Пора начинать.

Мы остановились. Алексей вышел из машины и стал смотреть, как из преследовавших нас машин повыскакивали все «овчары».

— Действительно, их машины горят, — удивленно воскликнул он. — Кино! Цирк!

— Нет, это жизнь, — улыбаясь, проговорила я.

— Ведь машины жалко, Гаврош!

— Машины — да, а этих двуногих нет. К тому же они не сгорят.

— А как им без машин? До города далеко, — заметил Алексей.

— Пешком дойдут. Такси вызовут.

— Ясно, — кивнул он, и мы снова поехали.

Почти всю дорогу Алексей молчал. Как-то странно улыбался и курил одну сигару за другой. Уже в городе неожиданно задал вопрос:

— Почему вы не спросите, куда я вас везу?

— Не знаю, — безразлично ответила я.

— Неправда! Вы все знаете. Вы же экстрасенс.

— Все знает один только Бог, и то не про всех. Потому что каждому дано право выбора...

— Интересное открытие, но неубедительное. Вы же можете проникать в подсознание и прочитывать мысли. Так ведь, Гаврош?

Я не стала ни соглашаться, ни возражать, тем более что Алексей уже остановил машину и сказал:

— Вот и приехали.

Я бегло взглянула в окно, увидела какое-то строение и спросила:

— Что это?

— Моя незавершенка. — объяснил он, — будущее казино. Здание наполовину построено, но мой ресторанчик работает, и бильярдная тоже работает.

— Так вы что, опять приглашаете играть?

— Нет. Поужинать сначала.

— Играть отказываюсь, а поужинать — с удовольствием. — Я достала из сумочки деньги и протянула их Алексею. Он небрежно засунул часть выигрыша в карман сиденья и, заметив на моем лице удивление, иронично пояснил:

— Личный капитал иногда мешает личности.

— Вы себя считаете личностью? — парировала я.

— В какой-то степени, да. Безличными бывают только предложения в грамматике, да народ наш славянский в веках. Хотя каждый истари мнит себя не второстепенными, а только главными членами в исторической грамматике событий. Но перед небом мы все равны, и главные, и второстепенные... — Алексей замолчал на пару минут, потом задумчиво продолжил: — Слова-то наши не имеют смысла, если в них нет оттенка мысли. Такие оттенки, только не мысли, а жгучего азарта, я подозреваю, имеются в любой игре: бридже, преферансе, висте, в дурачке, девятке и в буре вашей.

— Почему в моей?

— Да потому, что вы, мистичный Гаврош, выиграли у самого депутата и уважаемого демократа. Да как выиграли! Как выиграл князь Разумовский у сказочно богатого Льва Кирилловича Голицина: почти все состояние. И гордый Голицин был вынужден на кон поставить свою красавицу жену. И проиграл... Все повторяется. Почти все. Только в худшем варианте. И спасибо вам за выигрыш. Да нет! Не за деньги... Хотя и за них тоже. Спасибо за жизнь, Надежда. На том кону тоже была жизнь. И выигранную красавицу Марию тогда не пускали в великосветские салоны. Знали князья-богачи, что она выигранная. Спас ее сам царь Александр I: пройдя через всю залу, пригласил на танец. И двери всех салонов мистически, как вы говорите, открылись перед Марией. А кто нас будет спасать, Гаврош?

— Судьба.

— Вы серьезно верите в судьбу?

— Частично. Как в мистику. И не спрашивайте, почему

— Не буду. Знаю, что вы, мадам, скажете примерно так: мистика — это часть скрытой реалистики. Все игры, даже политические, — тоже часть мистики. Думаю, вам-то известно, что Пушкин был почти весь мистичен и не всегда солнечно симпатичен. Вам, вероятно известны эти строки:

*Самовластительный злодей,
Тебя, твой трон я ненавижу!
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу...*

Конечно, после таких слов далеко не светлого откровения Александр Сергеевич сам себя и приговорил! А дантесы появились чуть позже... А вообще, как стихи гения? Знакомы вам? Их-то замалчивают... и потому не все знают. Вот вы, например, простили бы такие строки, будучи царем?

— Никогда!

— Я тоже. А вот русский царь простил, потому что был грешен перед русским Пушкиным. Грешен, потому и великодушен. Грех-то иногда и очищает величие тщеты. А он-то, «наше все», такой же, как и мы. Пушкин ведь почти ничего не имел, даже своей кареты, и на дуэль отправился в заказной.

Он-то жизнь променял на бессмертную честь. Ведь без чести наши духи нас, грехоманов, не пускают в обманчивые врата бессмертия. Убедил?

— Еще как! — воскликнула я и тихо добавила: — Почему бы вам серьезно не заняться филологией? Уверена, у вас были бы свои большие открытия.

Алексей печально улыбнулся и махнул рукой:

— Увы, до меня все это успели сделать многие. Тот же великий в своей мистической «Пиковой даме» все сказал. Согласны?

— Убедительно, — быстро проговорила я и добавила: — Пойдемте уж, личность, я очень голодна...

Мы сели в маленьком зале в укромном уголке, и я с жадностью набросилась на еду. Это и ветчина, и икра, и какой-то заграничный деликатес. Алексей сделал знак рукой, и к нам тут же подбежал официант.

— Ты вот что, Коля, скажи нашим солистам, пусть сделают нашу фирменную песню. Мою. — попросил его Алексей.

— Понял, — быстро ответил Коля и удалился.

Алексей наполнил бокалы вином, поднял свой, я тоже поднесла бокал к губам, и в этот момент по залу полилась песня...

*Градус риска. В бокале вино.
Неудача — не повторится.
Жизнь на карту ва-банк, казино.
Я хочу с неудачей сразиться.
Мне удачу постичь чуть дано.
Неудачников здесь не бывает.
Казино, казино, казино,
Миг удачи что-то прощает
И всегда что-то всем обещает.
Только здесь мне поймать миг дано.
А в игре неудача не плачет.
Казино, казино, казино,
Только здесь жизнь, как миг, что-то значит,
Только здесь Достоевский играл,
Только здесь он лелеял удачу.
А Некрасов себя покорял,
Заставляя надежду маячить.
Казино, казино, казино.
Ты игру в жизнь страстей превращаешь.
Но о чем, казино, ты мечтаешь:
Обмануть, одурманить, сгубить
Или взлет в миге вечном открыть?..*

Еще не отзвучали последние звуки музыки, как у нашего уютного столика вопросительным знаком возник официант Коля и что-то прошептал на ухо Алексею.

— Говори громче, — приказал Алексей.

Коля, закашлявшись и указывая рукой на окно, несвязно забубнил:

— Там... там у входа машины...

— Что машины?!

— Их кто-то измазал.

— Чьи машины?

— Клиентов наших.

Алексей метнул взгляд в мою сторону и продолжил:

— На них, Коля, написано слово «вор»? Так?

— Да, да, «вор» на них написано.

— На скольких машинах?

— На трех.

— Остальные чистые?

— Остальные три чистые.

— А моя?

— Ваша тоже.

— Что тоже?

— Также чистая.

— Слава Богу, — выдохнул Алексей и посмотрел на меня:— Спасибо. Значит, вашу чистку я прошел.

— Не мою, а неба.

— Тем более. Небо неподкупно, — тихо произнес он и повернулся в сторону официанта: — Значит, три чистые, а три с меткой. Выходит 50 на 50.

— Так, — подтвердил Коля.

— Ну, ты иди, иди, мы разберемся. — Официант ушел, а Алексей задумчиво повторил: 50 на 50... Символический счет российской честности в высших эшелонах власти: одни оборотни ищут других. И так почти десяток лет. Какой десяток, всю жизнь занимаются игрой в догонялки! Но эта игра опасней любого казино. — Он вдруг посмотрел на меня в упор: — Таким способом вы будете наводить метки по всей России?

— Не я.

— А кто же?

— И я, и вы, и тот же Коля, и Он, — указала я глазами вверх и, улыбаясь, налила в рюмки себе, Алексею, а третий бокал протянула Коле.

— Я на работе, — отстраненно произнес официант.

— Пей, — приказал Алексей. — Таким дамам не отказывают. Понял?

— Пейте, мальчики, — поддержала я, — причем медленно, чтобы с последней каплей исчезла последняя отстраненность в жизни!

Мы молча пили терпкое, как жизнь, прохладное вино. Потом Алексей властно кивнул головой в сторону Коли, и тот мгновенно испарился.

— Закройте глаза, — сказала я Алексею. Он покорно опустил веки и даже обеими руками закрыл глаза. — Вы что-нибудь видите?

— Вроде бы вижу. И даже слышу. Стоны. Огненные стоны в огромном пожаре... Странно. Впервые слышу огненные стоны. Разве огонь стонет?

— Да, когда народная боль вспыхивает возмездием, — произнесла я.

— Это возмездие подпитывается небом?

— «Божья метка», — прокомментировала я.

— Да! Такую метку не сразу сотрешь. А впрочем, я догадывался кое о чем. Ну, да ладно, — вздохнул Алексей и вдруг тихо запел:

Градус риска. В бокале вино.

Неудача — не повторится.

Жизнь на карту ва-банк, казино.

Я хочу с неудачей сразиться.

Только здесь Достоевский играл

Только здесь он лелеял удачу...

Вы-то сами играть будете, божественный Гаврош? Будете?

— Только не в казино, — с улыбкой уточнила я.

Но Алексей не воспринимал мой юмор. Уйдя в себя, он почти по слогам повторял: — По-ни-маю, по-ни-маю. Но мне, Гаврош, мне, Надежда, мне, божественный экстрасенс, почему-то бросать казино совсем не хочется.

— А вы, по-моему, и не бросите, — спокойно отреагировала я: — Вы будете играть в своем казино. Но в этой новой для вас игре вы будете меткой мести.

— Мести? Неплохо. Дубровский 21 века. В такие игры мне еще не приходилось играть... А выигрыш куда прикажете девать? На пожары этой мести?

— Может, и на пожары. В огне, Алеша, не все и не всё сгорает.

— Например?

— Например, я — Гаврош — Надежда.

— Чья надежда, Гаврош? — задумчиво проговорил Алексей. Я неопределенно пожала плечами, а он вдруг резко повернул голову и, глядя мне прямо в глаза, спросил: — Ваша субстанция мысли подпитывается небом или сектой?

— Не знаю. Знаю, что моя мысль может меня и защищать...

— Видел. Ощутил. Правда, не осознал. И, наверное, не осознаю... Зато почувствовал. Вот почему в той игре мой кий был вроде не мой. Мои руки и пальцы — тоже словно не мои. Но удар-то, удар был классически точным и не предсказуемым. Знаете, я вначале пробовал сопротивляться. Руки тянулись к привычному, но голова диктовала обратное. Каждый раз

при сопротивлении в невидимой борьбе с самим собой в голове моей что-то происходило. Меня словно пронизывало каким-то током. Да вы вспомните, когда я резко чесал затылок, искры летели. Соперник-то мой, Барон, цепенел от этих искр, а я только улыбался. Не понимал сам, что со мною происходило, но вида не показывал. Что это было?..

— Это, это... как подсказывает моя интуиция, летучей энергией заряжали вас. Энергии всегда работают вместе с мыслью. Скоро, совсем скоро люди перестанут механически эксплуатировать атомы природы, все сильные атомы мысли очистят интернетовские болота, вирусные компьютеры и мобильники.

— Минуточку, мадам. Вы что, хотите изменить цивилизацию? Да как без этого прожить? Я, например, без компьютера уже не могу. Как без всего этого?

— Все это есть в вашей голове.

— В голове? — скептически улыбнулся Алексей. — Это, конечно, очень интересно, но скорее похоже на сказки.

Наступила пауза. Я задумалась. Алексей победоносно улыбался. Меня спас мой «голос», тот «голос», который переделал меня. На ироничную улыбку Алексея я ответила тоже улыбкой и мягко спросила:

— У вас есть сестра?

— Да, а что?

— Она живет в городе?

— Да. В этом городке.

— И часто ругается с мужем?

— Этого я не знаю. Это ее семейная жизнь.

— Конечно, конечно. Но вы же просили конкретный факт. Так вот, сообщаю вам, что в данный момент ваша сестра ругается с мужем и даже бьет посуду для впечатления.

Алексей, слегка открыв рот, на мгновение замер, а потом, быстро овладев собой, с той же ироничностью произнес:

— Это, черт возьми, никакой не факт. Кое-что, предположим, вы угадали. А может, и узнали. А вот насчет мужа, насчет битья посуды — сказочки.

— А вы позвоните сестре.

— Да-да. Сейчас, мигом. — Алексей достал из кармана мобильник и заговорил в трубку: — Але, сестренка! Чего ты орешь, и перестань бить посуду. Что-что? С тобой плохо? Со мной тоже плохо... — Выключив мобильник, он вытер платком лоб и, не желая сдаваться, тихо проговорил: — Все верно. Но понять и принять такую данность я не в состоянии.

— Это состояние у вас скоро изменится.

— Тогда я уже не буду прежним.

— А разве вы сегодняшний похожи на вчерашнего?

— И да, и нет.

— Вот так незаметно и ваше состояние изменится. Но характер останется почти прежним.

— Да... да... Природа ведь тоже меняется: зима, лето, весна, осень... Но что-то ведь остается прежним. Но что, если все постоянно меняется, даже времена года?! — задумчиво произнес Алексей и замолчал уже надолго.

Я с улыбкой смотрела на небольшой зал ресторана. Вслушивалась в звуки. Переполох после «метки» машин прошел. Музыканты импровизировали попури на мелодию «Казино», заполняя зал негритянскими джазовыми протяжными звуками. Я увидела, или мне показалось, что где-то там, в начале зала мелькнула то ли тень, то ли фигура моего спасителя-старичка. По его воле я превратился в Надежду. Надежду для кого? Или для чего? Надежду для цели или для божьей метки? Теряя что-то, мы всегда что-то приобретаем. Но что? Вон, как старательно играют музыканты. Они словно растворяются в мелодии. И я, кажется, растворилась в мелодии своей сущности, своего двойного «я», которое интриговало и пугало...

К реальности меня вернул иронично-настойчивый голос Алексея:

— Опять спрашиваю. Ваша субстанция мысли подпитывается небом или какой-нибудь земной сектой?

Игра подходила к концу. Надо было что-то отвечать. Но что? Чтобы заполнить паузу, я сморщила лицо. Видимо, у меня получилась комическая маска, потому что Алексей, захохотав, сказал:

— У вас что, скулы свело от моего повторного вопроса?

— И да, и нет. Если честно, то мои скулы свело не от вопроса, а от набора заумных слов: «суб-станция мыс-ли».

— Ну и что?

— Когда человеку нечего сказать, он всегда бестолково твердит: «Ну и что?» — улыбнулась я.

— Это точно.

— Вы, пожалуйста, не обижайтесь, но пока я вам объяснить все не смогу...

— Да ради бога, и не надо объяснять. Я же все видел! И вот здесь, и здесь — показал Алексей на лоб и сердце, — ощутил энергетику вашей мысли. Фактически, благодаря такой неуловимой шпаргалке я выиграл почти мгновенно в бильярд у этого политического прохиндея Барона. А какая игра! Какая игра! Это же классика!

Он замолчал. А у меня в голове снова заговорил «голос»: «Сейчас ты будешь находиться в свободном выборе своих чувств и поступков. Поздравляю тебя с первым днем твоего перевоплощения...»

— А второй день будет? — громко спросила я.

— Конечно, будет! — вдруг так же громко ответил Алексей, и мне по-

казалось, что «голос» старичка проник и в его сознание. Мистика? Да нет, скорее реалистика. Та, что соединяет мысль в действие созидания. Только созидания или мести?

«А разве месть может созидать?» — спросила я себя мысленно.

— Может, — тихо произнес Алексей, и я вздрогнула от неожиданности.

Наш телепатический дуэт прервал официант Коля. Он подошел к Алексею и стал что-то возбужденно говорить ему. Выслушав Колю, Алексей странно улыбнулся и, наклонившись ко мне, сообщил:

— В городе ликование и истерика.

— Как? Кто ликует?

— А разве вы не знаете? Народ ликует. Нищий, забитый бедный народ. На многих воротах богатых домов появилась эта божья метка... Со словом «вор». Тебе это нравится? — спросил он у официанта.

— А мне что...

— Ясно! А вам, Гаврош?

— То, что должно сбыться, сбывается.

— Сбывается, — задумчиво повторил Алексей и спросил: — А огонь будет?

— Без него нельзя. Он во все века очищает землю и души людей.

— Значит, чтобы выжить в нашей жизни, надо уметь пылать и не сгорать.

— Надо уметь играть, Алеша, и, проигрывая, оставаться победителем...

И, чтобы выжить в любой жизни, надо видеть невидимое и слышать неслышимое.

— Но это же опять волшебство! — воскликнул Алексей.

— Нет, это азы выживания.

— Может быть, может быть, милый Гаврош моей надежды. Но мне кажется, что надо еще уметь и играть! Психология человека, скажем, вроде меня, состоит из умения играть, выигрывать и проигрывать. Жесткий треугольник. А я проигрывать не умею. Получается табуретка о двух ногах. Мечтал иметь собственное казино. Почти имею. Но, если вы спросите, доволен ли я, то отвечу: не доволен.

— Почему?! — резко переспросила я.

— Не знаю. Россия-то стала сплошным казино. Да что там Россия? Политика вообще...

— Вы продолжайте, продолжайте, я слушаю.

— Да что продолжать? В любое казино приходят в основном проходимцы или самые отчаявшиеся люди, которые идут ва-банк с жизнью. Есть, конечно, профессионалы, но их мало. А как сделать, чтобы сюда приходили интеллигентные люди? Как?

— Это сложный вопрос, — задумчиво проговорила я. — Для начала, думаю, надо сменить взгляд.

— Какой взгляд?

— Мировоззренческий. В вашей лихой песенке о казино упоминаются Достоевский и Некрасов. Да, они были игроманами, но в великом русском слове они были великанами. А сейчас великаны — сплошные шоумены.

— О, это похлеще, чем казино! — воскликнул Алексей. — Но мое «Казино» — это моя песня!

— Авторское самолюбие заело?

— При чем тут самолюбие? Это моя жизнь.

— Согласна, согласна. Без любви к себе нельзя полюбить ближнего. А без любви к ближнему знаете, что будет?

— Спорный вопрос, — вздохнул Алексей и вдруг, выхватив из внутреннего кармана записную книжку, начал что-то быстро записывать.

— Стихи? — спросила я.

— Если бы. Симптом болезни:

Не говори, что поезд отошел.

Не говори, что след твой затерялся.

Я разыскал, удача, твой вагон.

Ведь я не весь пока что проигрался.

Ну, как?

— Убеждающе.

— Не всегда, — грустно откликнулся он.

— Ничего-ничего, — успокоила я, а сама с сожалением поняла, что Алексей почти не изменился. Он пытается это делать, но у него не очень получается, в своем подсознании он остался тем же человеком. Может, я ошибаюсь, а может, и нет...

Импульсивный и быстро все схватывающий Алексей, заметив мое настроение, сочувственно произнес:

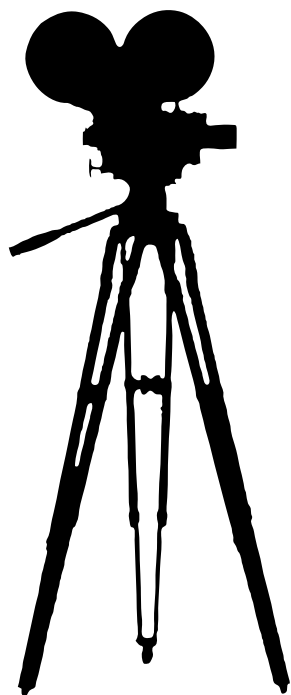
— Да вы не расстраивайтесь. Я понимаю, стихи мои вам не нравятся. Позвольте мне прозаический тост сказать.

— Говорите. Только прозаически.

— Клянусь, ни одной рифмы. А тост таков. Как говорят в театре: конец первого действия. Нашего с вами. Я хочу выпить за наше второе действие. Оно будет?

Я утвердительно кивнула головой. Мы молча сдвинули бокалы. В звоне хрусталя мне послышались не только обжигающие всполохи огня, но и жуткие всплески эпидемий. Их, вероятно, старик-мистик тоже обозначил «Божьей меткой»... □

Георгий Кричевский

Откровения Ингмара Бергмана

Когда-то бесспорный авторитет в мире кинематографа Вуди Аллен назвал Ингмара Бергмана величайшим режиссером всех времен и народов. Прошедшие десятилетия не внесли корректив в это утверждение. Наряду с Чаплиным и Феллини Бергман, безусловно, является универсальным гением киноэкрана.

Сын пастора, рано подвергший сомнению веру отца, он при этом сохранил глубокий интерес к извечным тайнам бытия: смыслу жизни и смерти, предназначению человека на земле, противостоянию страху и унижению.

Огромную жизнь в искусстве Бергман делил между кино, театром (оперным и драматическим), ТВ и литературным творчеством. И во всех «смежных областях» также достиг выдающихся результатов, не сравнимых все же с его завораживающей кинорежиссурой.

Мир открыл Бергмана в 1957 году, когда на Каннском фестивале триумфально прошел его фильм «Седьмая печать». А ведь к тому времени он успел уже снять 18 фильмов! К вершинам успеха и славы Бергман двигался через «угрюмый романтизм» своих ранних картин, герои которых лишены надежд на счастье из-за кошмара воспоминаний и растерянности перед будущим. В своем «тотальном пессимизме» режиссер зашел тогда слишком далеко, идеализируя терпение и смирение. Но сумел преодолеть собственные страхи и колебания и выйти на новые, поистине головокружительные рубежи.

Ингмар Бергман родился в июле 1918-го в шведском городке Упсале. Лютеранский пастор и его жена, медсестра, детей не баловали и даже частенько прибегали к порке. Такое воспитание, впрочем, дало неплохие результаты: старший брат режиссера сделал карьеру дипломата, а сестра стала писательницей. *«В основе нашего воспитания, — вспоминал впоследствии И. Бергман, — лежали такие понятия, как грех, признание, наказание, прощение и милосердие, конкретные факторы отношений детей и родителей между собой и Богом. В этом была своя логика, которую мы принимали и, как полагали, понимали».*

Тем не менее, детей родители любили и дарили им на Рождество дорогие подарки. Когда Ингмару бы-

ло девять лет, его брат получил в подарок «волшебный фонарь» — распространенный в то время проекционный аппарат с керосиновой лампой в качестве источника света. Ингмар предложил Дагу обмен на свою коллекцию оловянных солдатиков и, завладев вожделенным аппаратом, немедленно приступил к опытам.

«Волшебный фонарь» позволял проецировать неподвижные изображения со стеклянных пластин и небольшие фильмы, соединенные в кольцо 35-мм пленки. Бокс-камеру аппарата мальчик использовал для создания псевдофильмов из нескольких имевшихся кадров, а на отрезках пленки со смытой эмульсией дядя Карл помогал ему конструировать собственные простенькие мультфильмы. Так зародилась

его любовь к кино. Интерес же к театру пробудил у Ингмара принадлежавший тете Лотте миниатюрный театр теней, который произвел на будущего режиссера большое впечатление.

В возрасте 12 лет Ингмар получил возможность вечерами присутствовать за сценой городского театра на спектаклях пьесы Стринберга «Игра снов» и впервые в жизни «прикоснулся к магии актерского перевоплощения». С тех дней и вплоть до окончания гимназии он наряду с увлечением «волшебным фонарем» будет самозабвенно заниматься самодеятельным кукольным театром — экспериментировать с системой освещения, изготавливать декорации, подбирать персонажи...

Взросление шведского гения кино приходится на середину 30-х годов. Он побывал два месяца по обмену в Германии, испытав, увы, временное влияние нацистской пропаганды, а в 16-летнем возрасте поступил в Стокгольмский университет, где изучал литературу и историю искусств. Учебу, надо сказать, юный Бергман почти забросил, с головой погрузившись в театральную деятельность местного молодежного клуба. В результате произошел семейный скандал, и Ингмар покинул родительский дом. В решительности ему было не отказать, а также — в целеустремленности, доходящей до одержимости.

Окончательно оставив учебу ради сцены, он отправился с театральным

коллективом в гастрольное турне в качестве реквизитора и осветителя в спектакле «Отец» по пьесе все того же Стринберга. Спектакль, однако, провалился, и Бергман остался без жилья и средств к существованию. Но с родителями по-прежнему не общался. К счастью, ему удалось устроиться в стокгольмскую Оперу ассистентом режиссера.

Судьбой, как известно, правит случай. Хорошо, если счастливый. На спектакль по пьесе Бергмана обратил внимание директор старейшей шведской киностудии «Свенска фильминдустри» и пригласил автора на работу — редактировать чужие сценарии и писать собственные. И вновь молодому человеку улыбнулась удача: его сценарием «Травля» на основе воспоминаний о школьных годах заинтересовался один из создателей национального шведского кинематографа Виктор Шестрем. Он предложил сценарий режиссеру А. Шебергу. В 1944 году фильм «Травля» был снят и хорошо принят в Скандинавии, а после войны — в Великобритании и США.

Бергману дали возможность работать на площадке помрежем, и Шеберг даже разрешил ему самостоятельно снять несколько проходных сцен.

Путь к сокрушительному успеху в кино великого мастера начался. Путь этот, как и у многих других корифеев киноискусства, например, у того же Феллини, не ознаменовал-

ся стремительным взлетом на старте, напротив, оказался непростым и извилистым. Начинать пришлось с малого, а потом долго искать свой уникальный голос, свою неповторимую манеру.

Бергмана по жизни всегда сопровождали любимые женщины, его актрисы, как правило, становившиеся его женами. В 43-м, еще будучи «без кола, без двора», он женился на Эльсе Фишер, приятельнице из бродячей труппы актеров, и в конце того же года у них родилась дочь Лена. Далее их дороги разошлись. Эльса сделала карьеру танцовщицы, хореографа, актрисы, театрального режиссера и драматур-

га. Ну а Бергман стал Бергманом.

Еще во время съемок «Травли» ему поступило лестное предложение возглавить пришедший в упадок Городской театр Хельсингборга, на Юге Швеции. Бергман, фактически не имея еще ни житейского опыта, ни опыта организации театрального дела, набрал новую труппу и за год вывел театр из кризиса. Там же он увлекся хореографом Эллен Лундстрем, женился и родил с ней в браке еще четверых детей.

Это была счастливая пора в жизни режиссера, пора смелых надежд, проб и ошибок, первых свершений. Летом он приступил к съемкам своего дебютного фильма «Кризис» по

Слева:

«Тюрьма»

«Жажда»

пьесе датского драматурга Л. Фишера «Мать-животное». Сценарий написал сам. Работа над фильмом сопровождалась многочисленными производственными проблемами. Бергман постигал тайны кинорежиссуры, что называется, на ходу. В прокате картина провалилась, и это вызвало недовольство руководства кинокомпании «Свенска филминдустри». Положение спас авторитетный продюсер Л. Мармстедт, предложивший Бергману постановку фильма «Дождь над нашей любовью», опять-таки по пьесе, на сей раз норвежского драматурга О. Бротена.

После войны он начал работать в муниципальном театре Гетеборга и всячески пытался самостоятельно реализовать собственные киносце-

нарии. Увы, продюсеры были заинтересованы только в их покупке для других постановщиков. А время шло... В 1947 году последовала еще одна бергмановская экранизация с подачи Мармстедта пьесы «Корабль в Индию». И вновь — отсутствие успеха, хотя фильм был представлен в конкурсной программе второго Каннского фестиваля. И лишь четвертый фильм Бергмана «Музыка в темноте» о потерявшем зрение пианисте оказался коммерчески успешным и был номинирован на главный приз Венецианского кинофестиваля.

И все же это была еще не решающая победа. По бергмановским сценариям продолжали ставить фильмы другие, пусть и маститые, ре-

жиссеры. И только его следующая картина «Тюрьма» в 1948 году явится подлинным прорывом, по-настоящему авторской лентой.

А дальше последовали две напряженные ленты на уже сквозную бергмановскую тему — кризиса семейных отношений. Это были «Жажда» и «К радости», в которых нашла отражение катастрофа второго брака режиссера. Утешение он обрел сразу после съемок второго фильма в объятиях журналистки Гун Хагберг, и осенью уехал с ней в Париж. Там его ждало еще одно открытие — французский театр.

Ингмар Бергман был цельным человеком, и любовь почти всегда ассоциировал с брачными узами. В июле 52-го он начал свою знаковую картину «Лето с Моникой», в которой рассказывал о молодой паре, чей летний роман закончился беременностью и несчастливым браком. Главную роль сыграла малоизвестная тогда Харриет Андерссон (подобно всем крупнейшим режиссерам, Бергман открывал в своих фильмах новые актерские имена). С ней у него завязался на съемках любовный роман. Он ушел от Гун и переехал в Мальме, где прожил с Харриет следующие три года, возглавив Муниципальный театр.

Харриет Андерссон Бергман тоже покинет, но она снимется еще в восьми киношедеврах мастера, включая «Урок любви», «Сквозь тусклое стекло», «Шепот и крики». В своих «Воспоминаниях» он дал ей

такую оценку: «Харриет обладает поразительной техникой, переходы от глубочайших переживаний к трезвой наблюдательности происходят мгновенно... Талант ее отмечен признаками гениальности... Она женщина, всячески достойная любви, один из самых близких моих друзей».

Развод Бергмана с Гун произошел в 1959 году, и как раз тогда же все шведские киностудии прекратили работу в знак протеста против налоговой политики властей. Достигнуть компромисса удалось лишь спустя три года. Все это время Бергман занимался радиоспектаклями, постановками в Королевском драматическом театре и даже снимал рекламу...

Возвращение режиссера в кинематограф поначалу опять-таки вышло не слишком удачным. И даже великолепный (позднее оцененный во всем мире по достоинству) фильм «Вечер шутов» провалился в прокате и был холодно встречен критикой. Удача улыбнулась Бергману в 1956 году, когда снятая предыдущим летом таинственная комедия «Улыбки летней ночи» получила специальный приз Каннского фестиваля. И сразу международный спрос на картину возрос, что позволило ему создать уже безоговорочно классический фильм «Седьмая печать» (1957), который принес ему всемирную славу и почести.

Этим фильмом великий режиссер открыл главный этап в своем творче-

*«Земля-
ничная
поляна»*

стве, окончательно определив для себя упомянутую выше художественную формулу — так называемую драматическую сонату. Смысл созданного им сложного, многозначного произведения Бергман выразил достаточно просто: «человек, его вечные поиски Бога, и смерть, как единственная определенность, представленные на экране в аллегорической форме».

Ощувив, наконец, твердую почву под ногами, Бергман уже на следующий год снял «Земляничную поляну», вошедшую в золотой фонд мирового киноискусства. Всего один день из жизни старого профессора Борга вмещает многослойную панораму души героя картины. Его блестяще сыграл наставник Бергмана, мэтр шведского кинематографа В. Шестрем. Можно сказать,

что в фильме есть еще один невидимый герой — Время. И тогда прошлое с воспоминаниями детства, тщательно стираемое в собственном сознании врагом Боргом, вдруг проступает на периферии его сознания. Символическое отрицание физического времени выражено режиссером в образе уличного циферблата без стрелок, привидевшегося Боргу во сне, хотя субъективное время героя перемешивает бесчисленные обрывки минувшего, накладывая их проекции на настоящее.

Удивительно, но в том же году режиссер заканчивает работу над фильмом «На пороге жизни», экранизацией двух новелл У. Исакссон. В картине с очень скромным бюджетом, снятой во дворе киностудии,

собрался ансамбль почти всех культовых бергмановских актеров и актрис — Макс фон Сюдов, Эрланд Юзефсон, Ингрид Тулин, Биби Андерсон, Эва Дальбек. Камерная история о трех беременных женщинах была удостоена призов Каннского фестиваля за лучшую режиссуру и лучшую женскую роль, причем последнюю награду получили сразу четыре исполнительницы центральных ролей картины.

Экзистенциальные проблемы ленты еще острее заявили о себе в мистической драме «Лицо». Это один из легендарных его шедевров, отмеченный специальным призом Венецианского кинофестиваля.

Окрыленный очередным успехом, Бергман, не дав себе передышки,

приступает к работе над сценарием фильма «Девичий источник» (1960), ангажируя на главную роль Макса фон Сюдова. Эта мрачная и жесткая притча рассказывает основанную на шведской народной балладе историю изнасилования и убийства в лесу тремя пастухами маленькой девочки, а также показывает, как беспощадно отомстил им ее отец. В финале фильма семья отправляется на поиски пропавшей младшей дочери, находит ее, и, когда мать приподнимает с земли голову девочки, из-под волос убитой начинает пробиваться журчащий источник, превращающийся в чистый ручей.

Аскетичную и суровую эстетику картины мощно воплотил на экра-

*«Сцены
из супру-
жеской
жизни»*

Справа:
*«Фанни
и Алек-
сандр»*

не поистине гениальный оператор С. Ньюквист. Он будет снимать все последующие бергмановские произведения, как и многие работы А. Тарковского, В. Аллена, Л. Маля.

Задержанный цензурой США за натурализм полутораминутной сцены изнасилования, «Девичий источник» получил в 1961 году премию «Оскар» как лучший иностранный фильм года и премию «Золотой глобус», присуждаемую Голливудской ассоциацией иностранной прессы. Триумфальное шествие Ингмара Бергмана по экранам планеты продолжалось.

Напряженная работа над «Девичьим источником» совпала с важным событием в жизни режиссера. Весной 59-го он встретил эстонскую пианистку Каби Лоретай, ставшую в том же году его четвертой женой.

Их брак продолжался семь лет. Каби гастролировала, Ингмар снимал фильм за фильмом и ставил театральные спектакли. И, подобно тому, как случалось прежде, конец этому счастливому браку положила новая любовь Бергмана.

Ею оказалась норвежская актриса Лив Ульман, с которой у него завязались интимные отношения на съемках фильма «Персона», ставшего для Ульман настоящим творческим прорывом, да и вообще началом совершенно новой жизни в роли музы и возлюбленной великого кинорежиссера (но не жены). Она родит ему дочь и переедет с ним на остров Форе, где он снимал «Персону» и где нашел затем свое последнее надежное пристанище.

Бергман говорил, что эта картина его буквально спасла (очевидно, от глубокого внутреннего кризиса).

«Седьмая
печать»

Она была задумана как камерная экзистенциальная драма на двух актрис. Звезда сцены (Б. Андерссон) неожиданно посреди спектакля теряет дар речи и замолкает, кажется, навсегда. Психиатр отправляет ее для лечения на отдаленный остров, и там она живет одна в компании сиделки. И вот непостижимым образом души обеих женщин в потрясающем исполнении Б. Андерссон и Л. Ульман постепенно сливаются в единое целое...

Сценарий «Персоны» Бергман писал, восстанавливаясь после перенесенного воспаления легких. И в том же 1966 году в Национальном театре Осло он поставил знаменитую абсурдистскую пьесу Л. Прианделло «Шесть персонажей в поисках автора» — о связи и противоре-

чии между реальностью и воображением, искусством и жизнью. Этот спектакль Бергман назвал своим прощанием с театром, однако за ним последует еще ряд ярких постановок на разных европейских сценах.

Параллельно стареющий мастер снял несколько промежуточных фильмов, а затем объявил, что планирует еще четыре-пять программных картин, после чего навсегда расстанется с кинематографом. Первой из этих задуманных работ явился фильм «Шепот и крики» (1972).

Ему предшествовали очередные перемены в личной жизни режиссера. Его роман с замужней Ингрид фон Розен, которая, полюбив Бергмана, ушла от мужа, завершился его женитьбой на ней и 24-летним

счастливым браком, оборвавшимся со смертью Ингрид от рака. Их дочь выпустила любопытные дневники матери.

Фильм «Шепот и крики» вышел на экраны в 1972 году и был восторженно принят зрителями разных стран. С этого безупречно отточенного в каждом кадре, абсолютно раскованного, многопланового киноповествования, собственно, и начинается поздний, невероятный Бергман. Теперь уже он полностью овладевает своей изысканной формой, уверенно и спокойно оперирует своим неповторимым стилем, представляя на экране глубочайшее самовыражение. Этому не помешало даже то, что над фильмом режиссер работал целых три года из-за финансовых трудностей. Ему пришлось прибегнуть к займу у Киноинститута и пустить в ход собственные средства.

После «Шепота и криков» мастеру потребовалось переключение на иные творческие горизонты, захотелось простоты и ясности формы и содержания на извечную тему взаимоотношений мужчины и женщины, а заодно захотелось, быть может, разобраться в перипетиях собственной бурной личной жизни. И он приступил к работе над «Сценами из супружеской жизни», шестисерийного минисериала (почти три часа в киноверсии) о причинах развода героев после 20 лет непростой супружеской жизни. Премьера его состоялась на шведском телевидении

весной 73-го. Это настоящая энциклопедия отношений полов в браке, иронично-отрешенная и, вместе с тем, забавная, трагичная, мудрая. К этой в известной мере автобиографичной ленте Бергман испытывал особые чувства. Не случайно, последним его фильмом стало продолжение «Сцен», единственный сиквел в творчестве режиссера — «Сарабанда».

Музыкальный эрудит и меломан, триумфально поставивший десятки сложнейших оперных спектаклей, Ингмар Бергман воплотил на экране всего одну оперу, зато какую! «Волшебную флейту» Моцарта. Наверное, поэтому бергмановская киноопера даже не фильм, а кинопраздник, который покоряет зрителей с первых же кадров.

Упорядочив свою новую семейную жизнь, обретая в ней покой и вдохновение, Бергман в 1978 году возвращается к «большому» кино фильмом «Осенняя соната». Давшийся ему трудно, на нервах и во многом не удовлетворивший его, этот фильм, тем не менее, стал едва ли не самым знаменитым в творчестве великого режиссера. Возможно, еще и потому, что роль капризной и властной пианистки в нем сыграла его однофамилица, выдающаяся актриса Ингрид Бергман. Ей тогда уже было за шестьдесят. Она привыкла к всеобщему почитанию и, будучи чрезмерно амбициозной, изводила режиссера во время рабо-

«Персона»

Справа:
«Девичий
источник»

ты на площадке нескончаемыми спорами с ним.

Действие этой камерной драмы развивается преимущественно в диалогах — матери с дочерью (Лив Ульман). Две сильные личности, два ярких лица, словно две музыкальные темы, то переплетающиеся, то диссонирующие. Тончайшие психологические нюансы, выверенные акценты взрывов и примирений создают родственную музыкальной полифонию душевных состояний героинь. Это и придает картине непреходящую ценность.

Бергман снимал «Осеннюю сонату» в Норвегии, вынужденный из-за проблем с налогами временно покинуть Швецию. 30 января 1976 года во время репетиции «Пляски смерти» в Королевском драмтеатре

он был задержан двумя полицейскими в штатском по обвинению в неуплате налогов. Обвинение оказалось впоследствии надуманным, однако трехчасовой допрос в участке, обыск и громкий скандал в прессе привели мастера к нервному срыву и даже к трехнедельному лечению в психиатрической клинике...

В апреле 76-го Бергман опубликовал открытое письмо, в котором заявлял о своем намерении эмигрировать, поскольку не мог работать в обстановке постоянного давления со стороны «фискальных органов». Они с женой переехали в Париж, затем посетили Лос-Анжелес, где Бергман обсуждал с крупнейшим продюсером Дино де Лоурентисом свой будущий фильм «Змеиное яй-

цо». События этой антифашистской притчи происходят в Берлине 20-х годов и приоткрывают тайну жутких медицинских опытов над людьми в больнице святой Анны.

Фильм снимался в Мюнхене, вышел на экраны в 1977 году и успеха не имел. Бергман же испытывал после работы над ним подъем, утверждая, что давно хотел снять именно эту картину (потом, правда, усомнился в ее достоинствах). И на подъеме взялся за сценарий «Фанни и Александр», масштабного шедевра, по оригинальности замысла не имеющего аналогов в мировом кинематографе. «Осенняя соната» тем временем продолжала собирать престиж-

ные фестивальные призы и академические награды.

60-летний юбилей Бергман отмечал 14 июля 1978 года в своем доме на острове Форе. Там он проведет весь следующий год, снимая о любимом острове документальный фильм. В том же году шведский Киноинститут учредил «Премия Ингмара Бергмана» за достижения в области кинематографа.

В Швецию режиссер-классик возвратится лишь в 1984 году. А до этого еще успеет создать в Мюнхене по собственному сценарию необычную для себя картину в жанре криминально-психологической драмы под названием «Из жизни марионеток».

*«Шепот
и крики»*

Насыщенный шокирующими эротическими сценами, фильм представляет собой ретроспективное расследование жестокого убийства проститутки мужчиной, которому изменила жена, и одновременно — историю болезни главного героя в духе фрейдистского психоанализа. Фильм снимался на немецком языке с немецкими актерами и является как бы доведенным до тупика логическим продолжением тем и идей «Сцен из супружеской жизни». В Германии покинувшего родину маэстро горячо приветствовали и восторженно приняли его картину, отмечая бескомпромиссность фильма и виртуозную работу режиссера с актерами.

Пятичасовой — в телеверсии, и трехчасовой — на большом экране фильм «Фанни и Александр» (1982)

стал фактически прощанием Бергмана с кинематографом. Прощанием грандиозным, равным которому по красоте, проникновенности и художественному очарованию трудно отыскать в мировом киноискусстве. Это своеобразное подведение творческих итогов великого мастера, синтез всех основных тем и мотивов его картин. Здесь универсальное сопоставление жизни и искусства. Причем предпочтение автор в противовес привычной для себя трактовке этой извечной проблемы явно отдает жизни в ее высших проявлениях.

При очень высоком по тем временам бюджете сами съемки фильма продолжались полгода! Разматывая волшебный клубок почти сказочной повести о двух детях, чьи имена вынесены в название карти-

ны, режиссер дарит зрителям моменты острейшего счастья и непереносимого ужаса, приводя их в итоге к мощному катарсису, остающемуся в нашей благодарной памяти очень надолго.

Мы встречаемся с маленькими героями картины в большом богатом стокгольмском доме начала прошлого века, в окружении многочисленной разнородной семьи, где кипят свои страсти — скрытые и явные, — и воспринимаем происходящее их детскими глазами. Вначале после смерти отца они с матерью оказываются под кровом отчима-пастора, сурового деспота, в чьем плену им суждено находиться. Сбежав оттуда, дети попадают в лавку еврея-старьевщика и встречаются... с Богом.

Совершенно неожиданно стилистика этого прощального бергмановского шедевра, с его буйством красок, перепадами ритма, свободной игрой фантазий заповедного мира детства, обещаниями и надеждами мальчика Александра и его сестры Фанни, сближается с мироощущением другого гения экрана минувшей эпохи — Федерико Феллини, в том же «Амаркорде». И так же, как для Феллини, для Бергмана светлый рождественский мир в доме бабушки главных героев фильма, полный добра и радостного созидания, любви, сострадания, прощения, противопоставит безрадостной атмосфере пасторского дома, отданного во власть аскетизму, моральным за-

претам и верой в карающую руку Господа.

По большому счету, прощание Бергмана с кинематографом фильмом «Фанни и Александр» не состоялось, потому что он снял еще четыре телевизионные ленты. Каждая по-своему интересна. Но самая необычная и любопытная из них — «В присутствии клоуна» (1997). Она навеяна событиями (то ли реальными, то ли вымышленными) из жизни родного дяди режиссера, чудака Карла, к которому Бергман относился с большой нежностью.

В психиатрической лечебнице 20-х годов встречаются изобретатель и профессор, которые придумывают, как сделать немое кино звуковым. Свидетелем происходящего становится злобная старуха в костюме паяца. Можно сказать, последний образ Смерти в творчестве Ингмара Бергмана.

Он ушел из жизни ровно через десять лет после премьеры картины и похоронен у себя на острове Форе. Незадолго до смерти, из уважения к творчеству Андрея Тарковского, Бергман предложил ему снять следующий фильм на своем острове. Предложение было с благодарностью принято и реализовано уже после кончины мастера. В фильме «Жертвоприношение», оказавшемся для Тарковского предсмертным, сыграли прославленные бергмановские актеры, а снимал фильм легендарный бергмановский оператор Ньютон... □

Александр Ратнер

Старею. На могилах близких плачу.
Смеюсь все реже — мне не до того.
Скорее верю в Бога, чем в удачу,
Хотя удача тоже от него.

Я жизнь люблю, хотя ее нарушу
Когда-нибудь, сгорев за полчаса...
И если я в стихи вложил всю душу,
То что тогда взлетит на небеса?

Я б встал и перед Богом на дыбы,
Да только у него лета ворую.
Мне жизнь прожить одну дано, дабы
Понять, как я б хотел прожить вторую.

Небесным притяжением влеком,
С земным порвать не спешаю все же.
Я мнил себя твоим учеником,
Но в этом тоже ошибался, Боже.

Ведь я не ученик, а твой стажер,
Мечтающий то в ямбе, то в хорее.
Что наша жизнь? Игра?
Нет, фарс-мажор!
Нет, форс-минор скорее!..

Чем старше человек, тем «Почему?»
Он спрашивает реже, ибо ясно
Уже на свете многое ему,
Порой и то, что жизнь прошла
напрасно.

Ему казалось, будто он живет,
И дышит небом, и захлеб — ветрами,

И до вершины — шаг, но поворот
Подстерегал в его житейской
драме:

Те годы (или все-таки годá?),
Что человеку отпустил Всевышний,
Истрачены, осталась ерунда —
Они, как говорят в народе, вышли.

И лишь когда в небытия тюрьму
Всевышний заточить его захочет,
Бедняга спросит Бога: «Почему?» —
Забыв, кому он голову морочит.
Быть старым — счастье, это все поймут:
Не нужно по звонку вставать и бриться,
Ни в школу не ходить, ни в институт,
Ни на работу ездить, ни жениться,
И не решать с квартирою вопрос,
И не растить детей... Как вспомнишь это,
То пожалеешь сам себя всерьез,
Хоть на бывшее не наложишь вето.
Сейчас же никуда я не спешу,
Вот только на поэзию батрачу,
Как каторжный, — когда стихи пишу,
То на строку, бывает, месяц трачу.
А кто-нибудь за миг ее прочтет
И удивится мысли, рифме, страсти.
И все же старость — это возраст тот,
До коего дожить, уже есть счастье.
Быть старым — это Божий дар,
На чей-то довод — мудрости атака.
Ну, а поскольку я еще не стар,
То счастье впереди мое, однако
Не жду его, хоть вниз по склону лет
Иду, и, может, встречный мальчик, глядя
В глаза мне, скажет весело: «Привет,
А вам еще спускаться долго, дядя».

Розовый конверт вдоль и поперек пересекали тонкие волнистые линии. В углу конверта красовались голубь с голубкой, в центре алели два сердца. Не открывая конверт можно было догадаться, что у кого-то хватило ума пригласить меня на свадьбу. Впрочем, была еще надежда, что конверт сунули мне по ошибке, но она вмиг растаяла. Я вспомнил свой почтовый ящик. Дело в том, что я категорически отказываюсь открывать его. Журналы и газеты я не выписываю. Письма пишу только электронные. Бумажки из налоговой и «пенсионки» принимаю исключительно под расписку. Прочая дребедень в виде рекламных листовок и рекламных газетенок мне нужна разве что для ремонта. Газетки неплохо смотрятся цветастыми объявлениями на полу, когда сверху на них капает побелка. В общем, мой почтовый ящик — это позор всего подъезда и, наверняка, всего города. Торчащие из него в разные стороны кипы макулатуры говорят о моем полном презрении к желанию кого-либо непременно посвятить меня в свои дела.

Попрощавшись с мыслью, что письмо адресовано не мне, я тяжело вздохнул и без малейшего сожаления безжалостно разъединил сердца, которые запечатывали письмо. На бледно-розовом бланке каллиграфическим подчерком красовалась надпись: «Уважаемый Дмитрий Петрович, будем рады видеть Вас на церемонии нашего бракосочетания, которая состоится...» Далее шли подробности, которые не имеют существенного значения. Суть безумия, как я уже один раз понял, от адреса и времени бракосочетания не меняется. Два человека решили испортить друг другу жизнь, а когда это состоится и где — какая разница! Внизу письма стояла подпись: «Саша и Женя». Я лихорадочно стал вспоминать, кто бы это мог быть. Из всех моих родственников и знакомых не было холостых людей с этими именами. Все Жени и все Саши, которых я смог отыскать в закромах моей памяти, были давно людьми несвободными. Некоторые из них были несвободными по два и даже по три раза. Конечно, можно было предположить, что кто-то из Саш или Жень развелся и, не поделившись со мной этой радостью, вновь вступает в брак, но вот кто?

«Даже лучше, что я так и не понял, кто прислал мне приглашение, — решил я. — По крайней мере, сэкономлю на подарке, и уж точно не придется говорить "соболезнования"».

Утром следующего дня, проснувшись пораньше, чтобы пробежать пяток километров вокруг городского стадиона, я оделся и выскочил на улицу.

Не успел сделать два круга вокруг стадиона, как подбежавший сзади бритый наголо паренек непонятного возраста и спортивного телосложения произнес сквозь размеренное дыхание бегуна:

— А вам уже прислали приглашение на свадьбу Жени и Саши?

— Кто? — спросил я, от удивления переходя с бега на шаг.

— Как кто! — рассмеялся паренек. — Конечно же, Женя и Саша!

Я встал как вкопанный, а паренек пошлепал дальше и через несколько секунд скрылся из вида. «Конечно же, загадки — это моя профессия, как-никак я все же частный детектив, — подумал я, — но когда они начинаются практически на пустом месте — это уже перебор!»

Лицо паренька показалось мне знакомым, и я, вспоминая, когда и при каких обстоятельствах мог его видеть, стал перебирать в голове все возможные варианты встречи с ним на почве утренних пробежек. И тут меня осенило. Ну, конечно! Когда только начинал заниматься бегом, я познакомился с одной молодой парой. Так же, как и я, они выбегали в семь утра к стадиону и наматывали круги. Некоторое время они смотрели на меня несколько свысока, то и дело обгоняя мое неспешно колыхающееся тело, но потом смилостивились и в ответ на мое приветствие даже стали здороваться. Звали этих бегунов Саша и Женя. Паренек, что поставил меня в тупик своим вопросом, был их закадычным другом и пару раз бегал вместе с ними. Это было года три назад, поэтому нет ничего удивительного в том, что я не узнал его. Если мне не изменяет память, тогда он носил длинные до плеч волосы, а сегодня сверкал на солнце бритой головой. «Да уж... — подумал я, — жизнь полна сюрпризов!» Занимательней всего в этой истории с таинственным приглашением было то, что, перебирая в голове своих знакомых, я почему-то думал, что Женя — это женщина, а Саша — мужчина. Как оказалось, дело обстояло совсем наоборот. Высокая белокурая девушка с прекрасной точеной фигурой, тонкой талией и грудью, достойной Анжелины Джоли, была Александрой. Ее друг и теперь уже, по всей видимости, жених, был Евгением. Он не отличался особой красотой или чем-либо другим. Ни высокий, ни низкий, ни худой, ни толстый. Самый обыкновенный паренек с самой обыкновенной внешностью. Ничто не цепляло в нем глаз, ничто не будило воображение, в отличие от аристократичной внешности Александры. Это одна из главных загадок госпожи Судьбы — она тасует нас, как ей заблагорассудится.

Саша и Женя. Я не виделся с ними около двух лет. Мы никогда не были друзьями, скорее просто знакомыми. «Что же побудило их приглашать меня на свадьбу? — размышлял я. — Или они решили пригласить полгорода и затмить свадьбу, которая затмит небо, или им что-то от меня нужно». Второй вариант был для меня загадкой. Чем может быть полезен частный детектив на таком мероприятии, как свадьба? Ну, не охранять же невесту от подвыпивших гостей, которые непременно пожелают ее украсть ради пригоршни дешевых конфет и рюмки водки. Даже если так, то я с удовольствием позволю утащить со свадьбы хоть невесту, хоть жениха. Надо же как-то бороться с этим пережитком прошлого под названием брак.

Я побрел домой, пытаюсь найти хоть какое-то объяснение своему приглашению на бракосочетание Евгения и Александры...

Глава 2

Дворец бракосочетания был набит людьми до отказа. С надеждой, что я отделаюсь бесхитростным небольшим поздравлением и букетом цветов, я шел по коридорам, ища глазами своих знакомых. Найти их оказалось делом не простым. Я не видел их два года, к тому же память моя располагала только их спортивными образами. Как они могли выглядеть в одеждах жениха и невесты, моя фантазия отказывалась мне подсказывать. Небрежно опустив букет хризантем, я бродил между свадебными парами наобум, надеясь, что меня заметят первым. Так и случилось. В конце коридора, между комнатой жениха и невесты, кто-то похлопал меня по плечу. Я обернулся и обомлел. Передо мной стояла стройная девушка в просторном белом свадебном платье в греческом стиле. Глаза ее сияли, словно бриллианты, губы кокетливо припухали на чудесном личике. Невеста была столь очаровательна, что по моим антибрачным убеждениям предательски пробежали мурашки сомнений.

— Александра! — удивленно воскликнул я.

— Дмитрий Петрович! — обрадовалась она. — А мы уж думали, что вы не придете!

— Честно говоря, ваше приглашение было для меня некоторой неожиданностью. Поначалу я даже не знал... — Тут я чуть не сказал правду, но, спохватившись, поправился: — Я хотел сказать, что даже не знал, как вас поздравить.

— Вы шутите, Дмитрий, журналисты всегда все знают.

Откуда-то из-за спины Александры образовался Евгений в светло-сером свадебном костюме

— Добрый день, Дмитрий, — сказал он, протягивая мне руку, — очень рады вас видеть!

Мы обменялись рукопожатиями, и Александра продолжила:

— Дело в том, что мы с Женей очень любим друг друга, и свадьба для нас это такое знаковое событие, о котором мы должны помнить всю жизнь!

— Да, да, да, — подхватил Евгений. — Мы очень хотим, чтобы все запомнилось до последней мелочи.

— Как мы вошли в зал бракосочетания, как сказали «Да», как сели в машину, как катались, как разрезали свадебный торт... — Александра мечтательно закатила свои прекрасные глаза.

— В общем, чем больше, тем лучше, — снова вступил Евгений. — Зная вас как отличного журналиста, мы решили попросить вас написать о нашей свадьбе небольшую повесть.

— Но я уже не работаю журналистом, — возразил я — и к тому же у вас на свадьбе наверняка будет фото- и видеосъемка. Они и запечатлеют все в самых мельчайших деталях.

— Конечно, будут, но... — жалобным тоном начала Александра, — но, Дмитрий Петрович, это все документально, а нам хотелось бы иметь еще и художественный образ нашей свадьбы. Мы понимаем, что любая литература — это субъективный взгляд на происходящее, именно поэтому нам очень хочется, чтобы о нашей свадьбе написали именно вы. Пожалуйста, Дмитрий Петрович, мы вас очень просим. Мы заплатим, сколько скажете.

— Да, да, обязательно заплатим! — поддержал невесту Евгений.

— Хорошо, — после небольшой паузы согласился я. Работой я не был загружен, а вспомнить журналистскую практику мне было приятно. — Я попробую, хотя писать книги о свадьбе мне еще не приходилось.

— Тем лучше! — обрадовалась Александра — То, что делается впервые, обычно бывает очень хорошим!

— Но у меня нет ни блокнота, ни ручки. Вот, один только букет, но он скорее похож на веник, чем на перо, — пошутил я.

— Лишь бы этот веник был не на могилу! — подхватил мою шутку жених. — Не беспокойтесь, мы все предусмотрели. — Он вручил мне большой блокнот, шариковую ручку и добавил: — А вот оплата за предстоящий труд, которая должна поднять вам творческий тонус, так сказать, быть стимулом вдохновения.

Пачка тысячных купюр легла в задний карман моих брюк. Я был несколько ошарашен. Такие суммы, да еще и в виде предоплаты, не снились ни одному журналисту. «Придется смотреть на все трезвыми глазами», с огорчением подумал я и внезапно понял, что это будет первая свадьба, на которой я не выпью ни грамма. Это меня насторожило, — что-то здесь не так, подсказывала мне интуиция, но я и не предполагал, насколько все будет не так.

Церемония бракосочетания прошла как и все остальные тысячи церемоний. Невеста и жених чинно вошли в зал, за ними, словно утята за уткой, потянулись гости. Как только все уселись, музыканты, утерев пот, заиграли какую-то жалобную до слез мелодию, а ведущая брачной церемонии, прокашлявшись в кулак, загнусавила:

— В этот торжественный день...

Далее молодые сказали самое ужасное «Да» в их жизни, с трудом натянули друг другу на пальцы золотые, с мелкими бриллиантами, кольца, потом принимали поздравления и тонули в цветах. Около сотни гостей, приглашенных на бракосочетание Жени и Саши, казалось, хотели похоронить их под букетами роз, хризантем, тюльпанов и гладиолусов. «Вот было бы интересно, — подумал я, делая заметки в блокноте, — если бы хоть кого-то на свадьбе придавило цветами. Пусть не насмерть, пусть хотя бы наполовину. Представляю себе заметку по этому поводу: "Погребенные под букетами"».

После церемонии бракосочетания все прошли в фотостудию. Взмокший от жары и вечного похмелья студийный фотограф с лысиной на макушке, огром-

ным пузом и круглыми щеками долго рассаживал новобрачных и гостей. Казалось, что он испытывал одному ему понятное, какое-то дьявольское наслаждение от бесконечной перестановки людей, меняя лысых людей на кудрявых, а полных девушек на худых. Улыбаясь и пританцовывая, он заботливо поправлял цветы в руках гостей и бесцеремонно лез под платье невесты, чтобы, как он утверждал, расправить складки. Наконец отошел к камере, осмотрел всех, словно хотел убедиться в том, что никто не убежал, и сделал несколько снимков. Все с облегчением вздохнули, но фотопытка закончилась только для гостей, молодоженам же предстояло еще несколько раз зафиксировать свое счастье в разных позах с родителями и свидетелями.

— Свидетельница, поближе к жениху! Не бойтесь, невеста сегодня добрая!

Шутка фотографа упала в никуда. Свидетельница — красивая брюнетка с прической Клеопатры и с длинными ногами, торчащими из-под короткого сиреневого платья, — только сдвинула в ответ тонкие черные брови на вытянутом лице.

— Поближе, поближе! — настаивал фотограф. — Жених не кусается!

— А можно, она встанет рядом со мной? — не спросила, а очень утвердительно сказала невеста.

— А в чем дело? — не понял фотограф.

— Я не хочу, чтобы моя свидетельница фотографировалась с ним, она — бывшая подруга теперь уже мо-е-го мужа! — неожиданно призналась невеста.

— Сорри, сорри! — зашелся в извинениях фотограф. — Как скажете!

То, что мужчины в наше время спят с женщинами, на подругах которых потом женятся, давно уже меня не удивляло. Однако тот факт, что женщины сохранили дружеские отношения после того, как мужчина предпочел одну из них, показался мне очень любопытным. Я взял это на заметку.

Последний снимок был «фирменный». Стоящий на четвереньках жених изображал покоренного раз и навсегда мужчину, а возвышающаяся над ним невеста изображала торжество женского эгоизма. Каблук невесты при этом беспощадно упирался в спину жениха, а рука новобрачной крепко держала избранника за галстук. Получилось что-то вроде картины, которую вполне можно было бы назвать «Допрыгался, козлик!» Лица молодоженов при этом изображали безумную радость.

Наконец съемка закончилась, и новобрачные с облегчением пошли на выход. Фотограф и видеооператор, которых наняли на свадьбу, сопровождали их. Как привязанные, два служителя свадебной Мельпомены следовали за новобрачными по пятам.

— Никогда не отходите от невесты и не выпускайте ее руки! — советовал жениху оператор. — Я все снимаю!

— Обязательно оплатите голубей! — настаивал фотограф — Снимки с голубями это так трогательно, это такие кадры!

Когда новобрачные вышли из Дворца бракосочетания, их, как и принято в таких случаях, окатили троекратным «Поздравляем!», облили, разумеется, случайно, шампанским и начали бросать в молодых мелочь, перемешанную с рисом. Встреча гостями новобрачных завершилась голубями. Невесте и жениху были вручены прекрасные белые птицы, которых они должны были отпустить в небо на все четыре стороны.

После голубей гости расселись по машинам и поехали кататься вслед за «Мерседесом» новобрачных. Кто был без машин, побрели в неизвестном направлении — коротать время до банкета. Я поехал вслед за молодыми в автомобиле, где с важным видом восседали фотограф и видеооператор. Держа на изготовке свои камеры, они с удивлением косились на мои принадлежности: блокнот и ручку.

— Впервые вижу, чтобы на свадьбе кто-то что-то записывал, — осторожно начал фотограф и пошутил: — Вы случайно не из ФСБ?

— Я из службы безопасности браков, — тоже пошутил я. — Меня зовут Дмитрий, вообще-то я частный детектив, но в данном случае — журналист и пишу небольшую книгу о свадьбе Жени и Саши.

Фотограф от удивления присвистнул и протянул мне руку:

— Олег Опаров. Не забудьте написать и про меня.

— Алексей, — представился видеооператор. — А про меня лучше ничего не пишите. Не люблю.

— Боитесь славы?! Зря. Это не больно!

— Все равно не пишите, — настаивал Алексей. — Не упоминайте ни имени, ни фамилии.

— А вашу фамилию я и не знаю.

— Вот и хорошо. А если в вашей книге без видео никак, напишите, что я был под два метра ростом, что у меня сорок седьмой размер ноги, и звали меня Вован.

— Почему Вован? — поинтересовался я.

Фотограф и оператор засмеялись.

— Вован, — пояснил Олег, — это один из видеолюбителей, который постоянно «косячит» на свадьбах. То он забывает включить камеру, то снимает в ЗАГСе гостей с другой свадьбы.

— Хорошо — улыбнулся я, — как-нибудь завуалирую вашу персону.

— Очень и очень на это надеюсь.

Свадебный кортеж подъехал к плотине — первому знаковому месту всех ижевских новобрачных. Возле плотины на набережной пруда возвышался памятник основателю ижевского оружейного завода Андрею Дерябину. Памятник с трех сторон огораживали тяжелые металлические цепи, позади

него набережную окантовывали большие чугунные решетки. Все, включая цепи, решетки и даже фонари вокруг памятника, было обвешано навесными замками. Большие и маленькие, хромированные и ржавые, они висели прикованными на века символами вечной любви и верности. На каждом из них были написаны маркером, нацарапаны гвоздем или же выгравированы имена новобрачных: Маша и Саша, Ваня и Света, Игорь и Валентина, даже Юля и Юлиан значилось возле замочных скважин, словно заклинание на всю оставшуюся жизнь. Под романтическими надписями, голубками и сердечками стояли сухие цифры, обозначающие даты свадеб.

Сделав несколько фотографий возле памятника, новобрачные приступили к «замочной церемонии». Кое-как отыскав свободное место на чугунной решетке, они с трудом протиснули дужку замка между других замков и, взявшись вместе, защелкнули его.

— Горько! Горько! — завелась толпа, и молодые поцеловались.

— Черт! Я проглотила ключ! — закричала невеста, неожиданно прервав поцелуй.

Дело в том, что во время закрытия замка руки Евгения были заняты, и он машинально сунул ключ в рот. Разгоряченная «замочной церемонией» и криками «Горько!», невеста не успела заметить эту несущественную, в принципе, деталь во рту возлюбленного, и от всей души поцеловала его. В результате ключ от замка изо рта Евгения совершенно неожиданным образом перекочевал в желудок Александры.

— Ну, вот! — засмеялась Александра. — Теперь ты должен кинуть меня в воду! Потому что ключ — во мне! (По свадебной традиции ключи от замков бросались в воду.)

— У тебя остался еще один ключ! Хочешь, я тоже его проглочу! — Евгению было неловко за случившееся.

— Нет, нет, нет! Хватит с нас и одного ключеглота! Давай бросим мой ключ вместе!

— Давай! — согласился Женя, и они, взявшись за руки, бросили оставшийся ключ в воду.

— Ура! — обрадовались гости и вновь закричали: — Горько! Горько!

В следующей точке свадебного катания все прошло достаточно гладко: молодые возложили цветы к Могиле Неизвестного солдата; хлопнули шампанским возле Вечного огня; сфотографировались вместе с гостями на фоне мемориальных досок и устроили видеосессию в соседнем сквере.

Когда фотограф и видеооператор насытили свою неумную страсть к творчеству, Александра без сил плюхнулась на заднее сиденье «мерседеса» и выдохнула:

— Все, теперь к «Лосю» и больше никуда!

«Лось» — это памятник на подъезде к Ижевску, куда с незапамятных времен ездят новобрачные, чтобы отдать должное широким лосиным рогам. Перестраховка по поводу супружеской верности заключается в том, что жених и невеста должны по очереди закинуть на трехметровую высоту — на рога лося — букет. С первого раза, как правило, столь нелегкое и ответственное задание не получается ни у кого, и тогда букет кидают до победного, но находятся и такие, кто умудряется хитрить. Женя и Александр не стали упорствовать. Не забросив с первого, с третьего и даже с десятого раза, Евгений попросил друзей подсадить его на «Лосю». Усевшись на шею памятника, Женя без труда положил свой букет и букет Александры в самый центр огромных рогов, где уже было десятка других букетов от предыдущих свадеб.

— Ура! — заликовали гости.

— Я люблю тебя! — закричала Александра.

— И я тебя! — крикнул Женя и замахал руками в ответ.

Если вы сидите на шее пусть даже и не живого лося, никогда не теряйте бдительности, и уж точно не машите двумя руками сразу. Замахав невесте, Евгений потерял равновесие и рухнул вниз, зацепившись в самый последний момент каким-то чудом рукой за лосиный рог. Памятник где-то у основания тревожно заскрежетал, что-то внутри него треснуло, и он стал медленно, но верно наклоняться вбок. Испугавшись, Женя спрыгнул, но при приземлении потерял равновесие и уселся под памятником на пятую точку. Сверху на него, словно из рога изобилия, посыпались цветы.

«Ну, вот, — подумал я, — "погребение под цветами" все же состоялось!»

Осыпав цветами жениха, «Лось» жалобно скрипнул и, нависнув над ним под небольшим углом, угрожающе качнулся. Еще секунда, и он, казалось, рухнет на Евгения. Гости хором ахнули, но потом быстро опомнились, подскочили к «Лосю» и, дружно поднажав на его бок руками, вернули его на место.

— Ты не ушибся, Женька? — бросилась к своему жениху Александра.

— Нет, что ты! Это почти, как тогда, на Лысой горе. Помнишь, я с размаху грохнулся с «тарзанки» мимо воды?

— О, да! — подхватила невеста, и они дружно засмеялись.

«Лысая гора» — зачем-то записал я в своем блокноте. Словосочетание было достаточно забавным, а когда долго работаешь журналистом, привычка фиксировать интересное остается на всю жизнь.

— Правда, классный был кадр? — спросил жених с нескрываемым восторгом.

— Отличный! — Александра помогла Евгению встать и, уже посерьезнев, добавила: — Хватит с нас приключений. Поехали на банкет!

Большое двухэтажное кафе под названием «Восьмое чудо света» располагалось на окраине города в его промышленной зоне. Железнодорожные пути, высокие серые заборы, отороченные сверху витками колючей проволоки, облезлые железные ворота, разномастные гаражи, дымящиеся трубы окружали «Восьмое чудо света» и подчеркивали остроумность его названия. Перед входом в кафе стояла разношерстная толпа встречающих. Молодые вышли из машины и направились к ним, крепко взявшись за руки, словно боялись потеряться на собственной свадьбе. Живой коридор из нескольких десятков наряженных людей жаждал проглотить их небольшую проходку. Аплодисменты и крики «Поздравляем!» настойчиво требовали от новобрачных прошагать сквозь свадебный строй. Вдохнув побольше воздуха, словно прыгая в бездну, они шагнули вперед. Раздалось дружное многократное «Ура!», захлопали хлопучки, заискрились бенгальские огни. Искры прожгли дырки в легких синтетических вечерних платьях, хлопучки оглушили еще вполне трезвых и пока здравомыслящих гостей. Дойдя до родителей через эту плюющуюся радостью, бенгальскими искрами, криками и конфетти свадебную массу, молодые остановились. На тяжелом подносе из нержавеющей стали перед ними возникли два высоких бокала с шампанским. Почти не дыша, как держит сапер неразорвавшуюся бомбу, мама Александры ухватила узловатыми пальцами поднос с бокалами. Стоящий рядом ее муж и отчим невесты крепко держал двумя руками огромный свадебный каравай с полной солонкой на нем.

Молодые выпили шампанское, взмахнули руками и, не оборачиваясь, как научила их тамада, бросили пустую посуду назад. Раздался бой стекла, завывала автомобильная сигнализация. Лицо тамады на секунду исказилось до неузнаваемости.

— Никогда не думала, что бокалы можно взять и вот так бросить на тридцать метров! — процедила она.

— Мы спортом занимаемся, — виновато ответили молодые.

— Заметно!

Дальше все шло как на самой обычной свадьбе — без лишней суеты, но и без пауз. Гости безостановочно наливали и опустошали рюмки и бокалы; ели, безжалостно стуча столовыми приборами по тарелкам; пафосно и не очень говорили торжественные речи; дарили молодым всевозможные подарки — от цветастого постельного белья, расписанного под хохлому, до небольших конвертов с неизвестными денежными суммами. Фотограф безостановочно щелкал затвором фотоаппарата и изредка куда-то вводил молодых, прихватив с собой шампанское и бокалы. Его коллега по цеху видеооператор Алексей без усталости снимал гостей и иногда присаживался рядом со мной, чтобы перекусить. Я рисовал кривые

рожицы в своем блокноте и уже, было, не на шутку заскучал, как Алексей, наклонившись надо мной, таинственным шепотом произнес:

— Сейчас будут красть невесту. Смотрите, это очень интересно.

— Интересно было бы, если бы мою невесту украли десять лет назад и не вернули, — ответил я, но смотреть все же приготовился.

К жениху подошли гости со стороны невесты, что-то начали ему весело рассказывать и куда-то звать вместе с собой. Наивный и беспечный, он оставил свою невесту на попечение не менее наивного свидетеля — молодого щуплого человека в больших круглых очках на хиленькой переносице — и пошел с ними на улицу. Стоило ему скрыться из виду, как возле свидетеля, неожиданно, словно из-под земли, возникла тамада с воздушными шариками в руках. С авторитетом свадебного распорядителя сказала ему что-то, и оба направились в конец танцпола готовить какой-то конкурс. Как только они удалились, к невесте подошла свидетельница, прошептала ей на ухо несколько слов, и они, похихикивая на ходу, скрылись в недрах подсобных помещений. Фотограф и видеооператор взяли камеры наизготовку.

— Невесту украли! — раздалось в кафе, и гости оживились, словно все они были пассажирами, а их скорый поезд вот-вот должен был отойти от перрона. Стоящая под алкогольными парами свадьба была готова дать длинный гудок и застучать тяжелыми колесами по кривым рельсам праздничного застолья.

Свидетель бросил готовить конкурс и побежал за женихом. Вскоре они вернулись в кафе, и началась суета.

— Выкуп, хочу выкуп! — вертелась перед женихом свидетельница и махала возле его носа туфелькой невесты.

— Выкуп! Выкуп! — хором кричали гости со стороны невесты.

Кафе наполнилось шумом и гамом.

— Обойдетесь! — весело отрезал жених и вместе со свидетелем и еще несколькими друзьями отправился на поиски. Фотограф и видеооператор неизменно следовали за ними.

Осмотрев несколько подсобных помещений, Евгений остановился возле одной двери и дернул ее. Дверь была заперта.

— Она тут! — закричали сопровождавшие его друзья. — Ломай ее!

Но тут между дверью и женихом встала свидетельница.

— Выкуп! Невесту спасет только выкуп!

В руках у нее мелькнул ключ от двери, и она картинно положила его внутрь туфельки.

— Даю тысячу рублей! — крикнул жених.

— Тысяча — это только за каблучок с этой туфельки!

— Хорошо, даю две!

— Две — это каблучок с подошвой! — не соглашалась свидетельница.

— Две с половиной, — торговался жених.
— Пять, и по рукам! — вдруг взвинтила цену свидетельница.
— Пять, так пять! — неожиданно согласился жених, и в руках у свидетельницы зашуршала розовая купюра.
— За пять надо под дверью скакать! За пять тебе будет только туфелька, но без ключа! Еще пять по двадцать пять, и невеста твоя!
— Офигеть! — возмутился жених. — И откуда такие расценки!
— Денег нет, пой песню, — подсказала она.
— Во саду ли, в огороде... — затянул жених.
— О, нет, нет, такая песня нам не подходит, — возразила свидетельница.
— Я люблю тебя до слез, миллионы свежих роз! А дальше я не знаю!
— Хорошо! Тогда станцуй.
— Запросто! Только я буду прыгать в танце! — сказал жених, прыгнул и вырвал у свидетельницы туфлю вместе с ключом.
— Ура! — закричали друзья жениха.
— Я иду к тебе, любовь моя! — прокричал жених, вставил ключ в замок и распахнул дверь.
В темном помещении подсобки, белея свадебным платьем, между ящиков и коробок, раскинув на полу белокурые локоны, лежала Александра. Она была мертва.

Глава 3

Полиция приехала минут через пятнадцать после прибытия «Скорой помощи». Старший следователь майор Андрей Петров — коренастый простоватый на вид мужичок с огромными клешнями-руками — был знаком мне с давних времен. Будучи журналистом, я сделал о нем два сюжета: один про то, как он на корпоративе с шашлыками, посвященном Дню милиции, спалил по пьянке служебный «уазик»; и второй сюжет о том, как майор Петров в одиночку обезоружил троих матерых преступников. За сюжет о том, как в полиции горят на работе не только люди, но и материальная часть, Петров обижался на меня чуть ли не год, а за второй сюжет сказал сухое «спасибо». Можно считать, что на данный момент наши отношения с ним были на нулевой отметке. Возможно, именно поэтому он с большой осторожностью осмотрел меня, сидящего с блокнотом и ручкой посреди банкетного зала рядом с врачами «скорой».

— Что здесь произошло? — спросил Петров у медиков.

— Летальный исход по неустановленной пока причине, — ответил врач «скорой». — Следов какого-либо явного насилия я не обнаружил, возможно, что-то с сердцем, возможно, нет. Вскрытие покажет.

— Понятно, — сказал майор и принялся составлять протокол.

— А я бы осмотрел место происшествия, сделал бы список гостей и опро-
сил бы свидетелей, — без особого вступления влез я с советом.

— А, Дмитрий, привет! — Петров сделал вид, что только что узнал ме-
ня. — Хорошо повеселились! Или ты здесь по работе?

— По работе.

— А по какой? Я слышал, что ты теперь детектив?

— Здесь я был как журналист, но...

— Понятно, — ответил Петров. — Что тут произошло?

— Невесту украли, спрятали в подсобке, когда нашли, она была уже
мертва.

— А почему она лежит тут, в банкетном зале?

— Сюда ее вынесли, думали, что она очнется на свежем воздухе. Потом
вызвали «скорую», потом вас.

— А где эта подсобка?

— Пошли, покажу.

— Ефименко, Зварыгин! — крикнул Петров своей группе. — Составьте
полный список гостей и начните опрашивать свидетелей! И чтоб никаких:
«Ой, этого мы пропустили!»

Мы прошли с майором в подсобку. Маленькая комнатка, два на три ме-
тра, была, по сути, складом, в котором хранились и коробки с баночным
пивом, и бытовая химия, и какая-то сантехника. Вентиляции в подсобке не
было, и пахло чем-то перцовым, словно кто-то распылил здесь баллончик
со слезоточивым газом.

— Да уж, тут немудрено скончаться, — поморщился майор и широко
распахнул ногой дверь. — Кому пришла в голову мысль ее тут закрыть?

— Свидетельнице.

— За какие такие коврижки? Они что, мужика не поделили?

Я вспомнил, как в фотостудии невеста осадила фотографа, но решил
пока промолчать. Мало ли что бывает в жизни. По крайней мере лично я
не стал бы мстить сопернику за такую мелочь, как увод невесты, в данном
случае жениха. Скорее, наоборот, за эту небольшую гадость я только ска-
зал бы спасибо любому подлецу.

— Наверное, невеста и свидетельница оказались тут случайно, — начал
я, — они не знали, где спрятаться и, вполне возможно, сунулись сюда
наугад.

— Дверь что, была заперта? — перебил меня Петров.

— Да.

— А у кого был ключ от нее?

— У свидетельницы.

— А где она взяла ключ? И где она сейчас?

— Ее увезли на другой «скорой». Она потеряла сознание, когда медики констатировали смерть ее подруги.

— Понятно. Будем ждать результатов экспертизы, — сказал майор, после чего решительно развернулся и вышел из подсобки, на ходу бросив подчиненным: — Подсобку опечатать, с руководства кафе взять объяснение, почему в подсобке пахнет непонятно чем. И кстати, выяснить, чем именно там пахнет.

Следующий день начался с головной боли. «Боже! — подумал я. — Вчера я не пил ни грамма, а голова болит, словно я несколько дней провел в винных погребах!» Размышления о мертвой Александре не давали мне уснуть большую часть ночи. Только под утро я задремал каким-то едва уловимым призрачным полусном-полубредом, от которого, по всей видимости, голова моя трещала по всем швам. «Александра. Симпатичная, жизнерадостная девушка. Спортсменка. Неужели какой-то скрытый недуг свалил ее в день собственной свадьбы? — не переставал я размышлять. — Или здесь кроется нечто большее, чем затхлый воздух подсобки и какое-то заболевание? Во что бы то ни стало мне надо это выяснить, иначе я не только лишусь сна и покоя, но и предстану в неприглядном свете, прежде всего, для самого себя, ведь, как-никак, а с покойной мы были в хороших отношениях».

Первым делом нужно было как-то взбодриться и избавиться от головной боли. Ничего лучшего, чем открыть бар и вынуть из его соблазнительного нутра бутылку коньяка, я в это утро придумать не смог. С первыми глотками живительного напитка ко мне стала приходить ясность мысли. «Надо поговорить со свидетельницей раньше, чем это сделает майор Петров, иначе этот мужичок-полицейский с огромными ручищами, которыми можно копать канавы без лопаты, может одним неосторожным словом так запугать бедняжку, что потом от нее ни слова не дождешься». Но где искать свидетельницу, которую вчера с роковой свадьбы увезли в больницу на «скорой», я не знал. У меня не было никаких контактов — ни жениха, ни невесты, ни, тем более, свидетельницы. В этот трагический день отложил обмен телефонами на потом, а этого «потом» просто не суждено было быть. Вдруг я вспомнил, что тамада, еще до того как случилась трагедия, ходила между гостей и раздавала всем свои визитки. Мне не хотелось брать размалеванный сердечками кусок картона, но она была так навязчива, что я сунул визитку в карман, лишь бы отделаться. Вот теперь она и пригодилась. Уж кто-кто, а тамада должна знать телефоны жениха, невесты и наверняка свидетелей».

— Агнета Илларионовна? — вежливо спросил я, набрав номер, указанный в визитке.

— Да, это я, — ответили мне. — Все еще не могу прийти в себя. Для меня свадьба — это нечто святое, нечто божественное, а тут такой случай...

Далее Агнета рассказала мне все, что могла сказать немолодая и, судя по всему, незамужняя, женщина о чужих свадьбах. Я подождал, пока она хотя бы частично выговорится, и попросил дать мне все известные ей телефоны. После нескольких минут я получил всего два номера: Александры и фотографа Олега. Больше тамада ничем не могла мне помочь. Звонить фотографу было бессмысленно. Вряд ли он знал, куда увезли свидетельницу, но, на всякий случай, я записал его номер.

Следующая рюмка коньяка развернула мои поиски в несколько ином направлении. Вспомнив свое журналистское прошлое, я позвонил в «Скорую помощь» и представился корреспондентом, который пишет репортаж о трагедии на свадьбе.

— Вся пресса уже просто с ума сошла из-за этой истории, вы уже десятый, кто интересуется информацией по этому вызову, — ответили мне, но адрес больницы все же дали.

Больница, в которую мне нужно было добраться, находилась на другом конце города. Ехать на собственной машине после выпитого коньяка я не мог, поэтому взял такси и помчался к свидетельнице, надеясь, что разговор с ней прольет хоть какой-то свет на странную смерть Александры.

— Все, дальше пробка. Здесь мы можем простоять полчаса, а то и больше, — с каким-то непонятым удовлетворением констатировал водитель, когда мы стали подъезжать к большому перекрестку. — Может, нырнем в закоулок?

— А это поможет? — засомневался я.

— Думаю, что да. Но мы подъедем к больнице немного с другой стороны. С черного хода, так сказать.

Машина нырнула в узкий проулок, и, пропетляв минут десять по внутриквартальным улочкам, мы очутились перед высокой стеной из красного кирпича, разрисованной вдоль и поперек непонятыми надписями и рисунками.

— Граффити — наскальная живопись двадцать первого века. Использовалась подростками с художественными — от слова «худо» — наклонностями для преодоления кризиса взросления, — словно экскурсовод-искусствовед подметил водитель. — Хотя, надо отдать должное, нарисовано вполне неплохо и хоть как-то, но все же скрашивает наш хмурый городской пейзаж.

— А вы, случайно, не художник? — с любопытством посмотрел я на него.

— Случайно я таксист, а в свободное от зарабатывания денег время я — врач, причем как раз в этой больнице. Вот моя визитка, мало ли, если что. Могу подвезти, а могу и вывести.

Я взял визитку, на ней было написано: «Федор Скворцов. Врач-токсиколог».

— Вывести — в смысле, из запоя? — улыбнулся я и, вертя в руках визитку, пошутил: — Здесь опечатка. Написано — «Врач-токсиколог», а может, лучше — «Врач такси-колог»?!

Мы рассмеялись. Я достал деньги и расплатился.

— Приятно было познакомиться! — Федор протянул мне на прощанье руку.

— Дмитрий, — представился я.

Несколько слов, жестов и улыбок этого незнакомого человека около сорока лет с серьезным лицом и улыбающимися глазами в буквальном смысле слова вдохнули в меня какую-то живительную силу. Я хотел еще что-то сказать ему на прощанье, но он опередил меня:

— Дальше вдоль забора, потом направо. Там приемное отделение.

— Спасибо!

Приемное отделение торчало небольшим выступом в виде квадратного подъезда в конце длинного высокого здания больницы из серого кирпича. Мне нужно было пройти метров сто, чтобы дойти до него. Как только я пересек покосившуюся калитку забора из облезлой сетки рабицы, то сразу увидел вчерашнего жениха, а нынче уже вдовца Женю, спешно выходящего из приемного покоя. «Какой стойкий молодой человек! — подумал я. — Вчера потерял жену, а сегодня нашел силы для посещения больной».

— Женя! Женя! — крикнул я ему в след, но Евгений не откликнулся, немного сгорбившись, словно нес какую-то тяжелую ношу, он быстро скрылся из виду.

Войдя в приемное отделение, я подошел к списку больных, стал читать женские фамилии поступивших вчера в больницу, но вскоре понял всю бессмысленность этого занятия. Во-первых, больных, поступивших за вчерашний день, было слишком много, а во-вторых, я даже не догадывался, в какое отделение могли положить свидетельницу.

«Как же мне узнать ее фамилию?» — думал я, вспоминая вчерашнюю свадьбу. — «Ведь я даже не помню, как ее зовут. То ли Лена, то ли Лиза...»

Вдруг в открытую дверь приемного покоя с камерой наперевес ввалился мой коллега по журналистской работе оператор Иосиф, с которым мы когда-то вместе снимали телевизионные сюжеты. Следом за ним шла хрупкая девушка с микрофоном в руках.

— Какая встреча! — обрадовался Иосиф и пожал мне руку. — Ты слышал про вчерашний случай на свадьбе?

— Нет, — соврал я, — а что случилось?

— Свидетельница затащила невесту в подсобку и там задушила ее фатой. Дело в том, что фата обладает уникальным свойством не оставлять следов на шее.

— С этим я полностью согласен, — подтвердил я, — на своей шее я никогда не наблюдал каких-либо следов, хотя воздуху явно не хватало.

Иосиф не заметил моей шутки и энергично продолжил:

— После того как невеста была задушена, свидетельница сама лишилась чувств. Она, видите ли, по своей натуре очень ранимая личность. Ей стало плохо, и ее привезли сюда на «скорой».

Тем временем девушка с микрофоном, которую звали Любашей, решительно открыла дверь в кабинет и сказала кому-то, кто находился в помещении:

— Телекомпания «Удмуртия», программа «Специальный репортаж». У нас была договоренность с главным врачом по поводу интервью с пациенткой, которую вчера доставили к вам со свадьбы.

— Знаем, знаем, проходите по коридору к палатам, — пробурчали в ответ.

Нас вызвала сестра-хозяйка. Маленькая женщина без возраста и талии шустро передвигалась по больничному пространству, ловко лавируя по хитросплетению лестничных маршей и переходов. Шурша бахилами, мы с трудом успевали за ней.

— Что за гонка в воскресное утро! — негодовал запыхавшийся Иосиф.

— Вот эта палата, только недолго. — Сестра-хозяйка остановилась перед дверью и распахнула ее.

Иосиф первым вошел в палату, и мы за дверью услышали:

— Отличный естественный свет из окон! Фонари можно даже не доставать. А где же больная?

Вслед за ним мы шагнули в палату. Она была пуста.

— Может, вышла куда? Сейчас погляжу. — Сестра-хозяйка метнулась по коридору к дежурной. Мы гуськом последовали за ней.

— Ивановна, а где эта, со свадьбы, ну, что вчера привезли?

Ивановна высунула заспанное лицо из комнатки дежурной, недоверчиво оглядела нас с головы до ног и невнятно прохрипела голосом законченного курильщика:

— А шут ее знает, была тут.

— Пойдите здесь, я сбегаяю, посмотрю в процедурной.

Сестра-хозяйка прибавила прыти и скрылась в глубине коридора. Вскоре она вернулась в сопровождении высокого доктора в синем халате.

Я шагнул навстречу врачу и, пользуясь «прикрытием» съемочной группы, спросил:

— Скажите, пожалуйста, как имя и фамилия этой пациентки, и нельзя ли узнать ее адрес и номер телефона?

Любашенька, открыв рот, посмотрела на меня, словно я только что нагло и ловко утащил у нее последний кусок хлеба с ее и без того небогатого журналистского стола.

— Извините, но таких справок мы не даем. Будет больная — будет интервью, нет больной — извините, никаких фамилий! — Врач с трудом скрывал свое раздражение и волнение.

— Как это, нет больной?! — вмешалась Любашенька. — Куда она делась, что произошло? Иосиф, включай камеру!

— Без комментариев! — резко ответил доктор, развернулся и зашагал прочь.

— Камера готова! — Иосиф вскинул камеру на плечо и начал снимать уходящего доктора. Любашенька выскочила перед камерой и заголосила в микрофон:

— Больная, доставленная вчера со свадьбы, на которой произошла эта страшная трагедия, на данный момент в своей палате отсутствует. Давать какие-либо объяснения по этому поводу в больнице отказались.

— А вы знаете имя и фамилию этой больной? — спросил я Любашеньку, как только Иосиф поставил камеру.

— А мне-то это зачем? Есть интервью — есть фамилия, нет, значит — нет.

— Мы поехали, — сказал мне Иосиф и многозначительно шмыгнул носом: — Можем подвезти...

Пить с Иосифом мне совсем не хотелось.

— Спасибо, не надо, я на такси, — ответил я и тут же, вспомнив сегодняшнего таксиста, позвонил ему:

— Федор, это ваш сегодняшний пассажир, ну тот, что до больницы.

— Что-то забыли? Ничего в машине я не находил! — шутя ответил Федор.

— Да нет, вы мне еще визитку дали: «врач-токсиколог».

— Вам что, уже плохо? Быстро же вы, однако...

— Федор... В общем, заберите меня отсюда, у меня к вам есть дело.

— Дело?..

— Да, и как к таксисту, и как к врачу.

— Так бы сразу и сказали. Лечу! — ответил мне Федор и положил трубку.

Через десять минут мы сидели в изрядно подержанном «шевроле» Федора и беседовали.

— Если вы работаете в этой больнице, то наверняка вам не составит труда узнать имя и фамилию одной пациентки, а также ее адрес и телефон, которую вчера сюда привезли, и которая сегодня уже здесь не лежит, — выпалил я Федору.

— Трудно не составит, но с чего вы решили, что я стану это делать?

— Понимаете, — начал я, — мы с ней познакомились вчера на свадьбе. Она мне приглянулась, и я не знаю, как ее теперь отыскать. Вот приехал в больницу к ней, а она уже ушла.

— Ты что, жениться на ней хочешь? — как-то совсем по-мужски неожиданно спросил меня Федор, достаточно мягко переходя на «ты».

— Не знаю. Наверное.

— Так наверное, или не знаю?

— Хочу. — До такого несусветного вранья я еще никогда не опускался, и, видимо, это было заметно.

Федор рассмеялся, и я понял, что в мою историю с любовью он верит не больше, чем в инопланетян, поедающих сыр «Хохланд».

— Скажи мне, зачем тебе эта информация, и я решу, смогу тебе помочь или нет.

Делать было нечего, я выложил Федору всю правду. Вопреки моим опасениям, он поверил в нее без лишних вопросов, и скоро мы уже мчались к Елене Крупчинской, на улицу Кирова, к дому номер сто одиннадцать, в квартиру пять. Звонить по телефону я не стал. Мой звонок мог бы насторожить свидетельницу и, если она в чем-то виновата, дать ей фору во времени.

У подъезда Крупчинской стояли машины криминальной полиции и «скорая помощь». Два санитары несли на носилках тело, полностью закрытое простыней. Майор Петров спокойно курил на улице и, казалось, несколько не сожалел о том, что выбрал профессию, где трупы — это всего лишь рабочий материал.

— Опять ты, Дмитрий, — несколько не удивился он моему появлению. — Я сразу понял, когда увидел тебя на свадьбе, что с этой историей ты будешь до конца. Даже расстроился, когда, приехав сюда, не нашел здесь тебя. Так как ты теперь частный детектив, помня тебя, как вьедливого журналиста, предполагаю, что ради информации ты достанешь даже мертвого. Так вот, скажу тебе честно, чтобы ты не мучился и, самое главное, не мучил других, меня в том числе: невесту на свадьбе отравила Крупчинская. А сегодня она, не вынеся мук совести, покончила с собой.

— Так это все же было убийство? — после небольшой паузы спросил я. Мне до последнего не хотелось верить в эту версию.

— Да. И убийство это было спланировано. Экспертиза показала, что невеста была отравлена. Правда, сам яд все еще остается загадкой. Более того, Крупчинская призналась в убийстве. Она написала об этом в предсмертной записке. Свидетельница была бывшей любовью жениха и таким вот образом решила отомстить невесте.

— Как она умерла?

— Отравила себя тем же ядом, что и невесту. Рядом с предсмертной запиской был обнаружен пузырек с жидкостью. Экспертиза даст точный ответ, что это такое. Да, и еще: невеста была на третьем месяце беременности. Так что это убийство можно считать двойным, — с грустью добавил майор.

— Что она написала в записке? — спросил я, прервав затянувшуюся паузу.

— Читай, — протянул мне листок бумаги Петров.

«Я убила ее за то, что она украла его у меня».

— А почерк совпадает? — Иногда я задаю глупые вопросы.

— Не знаю. Проверим, но, скорее всего, да. Крупчинская убила и невесту, и ребенка невесты, и себя. Она сама позвонила в Службу спасения перед смертью. Мы наверняка найдем отпечатки ее пальцев и на ручке, которой она писала эту записку, и на записке, и на телефоне, и еще черт знает где! — Майор бросил недокуренную сигарету и пошел к полицейской машине.

— Она сама вызвала Службу спасения? — переспросил я Петрова, двигаясь за ним по пятам.

— Да. Наверное. Служба спасения приехала, нашла свежий труп и вызвала «скорую» и нас.

— А что она сказала, когда позвонила им?

— Одно слово — «Умираю».

— Как же тогда Служба спасения узнала адрес?

— А еще детектив! Дмитрий Петрович, любой мальчишка знает, если позвонить, хоть с сотового, хоть с обычного телефона, то по номеру можно без труда определить владельца и, соответственно, адрес. Еще вопросы есть, Пинкертон?

— А с какого телефона звонила Крупчинская? С сотового или с домашнего?

— До свидания, Дмитрий Петрович, до свидания! — Майор сел в машину, хлопнул дверью и уехал.

Чувство, что меня не принимают всерьез, начало вгрызаться зубами в мое впечатлительное сознание. Перед глазами одна картина подсобки с мертвой Александрой менялась другой — картиной с Крупчинской, накрытой с головой простыней. Что-то здесь было не так: почему свидетельница упала в обморок, узнав о гибели невесты? Неужели к молодой жене своего бывшего парня, к той, которая, по сути, увела у нее из-под носа любимого человека, она, несмотря ни на что, питала самые нежные теплые и искренние чувства? В это, честно говоря, верилось с трудом. Но факт обморока оставался фактом. Либо Крупчинская была очень впечатлительным человеком и настоящей подругой Александры, либо она очень искусно симулировала обморок. Интересно, а можно ли вообще симулировать потерю сознания?

Я подошел к машине, в которой ждал меня Федор, сел рядом с ним и спросил:

— Скажи, как врач, можно ли симулировать обморок?

— Думаю, что можно. С учетом того, что «скорая» приедет через час, — запросто.

— А как же быть с пульсом, давлением?

— За час все это может десять раз поменяться. Единственным нормальным свидетелем потери чувств может быть шишка, царапина, ссадина. Но это, если человек упал неудачно.

Я вспомнил, что свидетельница действительно упала, но не на пол. Узнав о том, что невеста мертва, Крупчинская сразу же как-то картинно ослабла; тело ее стало потихоньку оседать, но стоящие позади нее гости вовремя подхватили ее, не дав упасть. Так что о шишках и ссадинах на ее голове не могло быть и речи.

— Спасибо, Федор, в очередной раз ты выручаешь меня. С меня причитается!

— Да не за что. Но твой намек понял, жду приглашения!

— Обязательно! — Я вдруг осознал, что у меня появился еще один хороший знакомый, почти друг. Так бывает. Иногда нескольких минут хватает, чтобы почувствовать человека и понять, что знаешь его уже много лет, почти всю жизнь, просто никогда еще с ним не встречался.

— Ну что, едем? — спросил он. — А то время уже поджимает, пора на работу.

— Ты поезжай, — ответил я, — а я пройдусь немного, мозги проветрить надо, к тому же поблизости я заметил вроде приличную кафешку, зайду, перекушу.

Оставшись одни, я медленно направился в сторону кафе, которое называлось «Минутка». Оно действительно оказалось очень уютным. Я сел за столик у окна, но не успел изучить меню, как за соседний столик с шумом присели выпить два еще не совсем опустившихся человека лет шестидесяти. Обилие пирожков в их тарелках говорило о том, что этим людям, хоть и с осторожностью, но еще можно доверять. Один из них был в тельняшке, трико и лакированных ботинках. Второй был одет в не первой свежести строительный комбинезон, на ногах — пляжные шлепанцы.

— Выхожу сегодня на лестничную клетку, вижу у соседки напротив дверь нараспашку, — громко заговорил мужчина в тельняшке, которого я сразу мысленно прозвал Морским Волком. — Ну, думаю, забыла закрыть. Она у нас такая! То ключи потеряет — я ей дверь вскрываю, то свет забудет выключить, а сама уедет на месяц, то еще чего-нибудь. Так вот, дай, думаю, закрою, мало ли что. Только хотел к двери подойти, Аркашка позвонил. Ну, пока я ему, бестолковому, про саморезы рассказывал, минут пять прошло. Выхожу потом на площадку, а дверь закрыта. Я к звонку, звоню, думаю, что Ленка сама дверь закрыла, а мне ей надо про лампочку сказать, ее очередь вкручивать, а мне никто не открывает!

— Так она, пойдя, дверь закрыла и ушла. Давай лучше выпьем, — поднял стакан мужчина в комбинезоне.

— Давай!

Мужчины сдвинули пластиковые стаканы, залихватски залили водку в себя, обмакнули пирожки в соус, с аппетитом закусили, и Морской Волк продолжил:

— Так вот, ты же знаешь, где у меня стоит телефон?

— Конечно, знаю. На подоконнике. Тебе лишних пару метров провода жалко, чтобы поставить его на тумбочку.

— Вот когда этот провод порвется, тогда новый и поставлю. А пока и на окне нормально. А раз телефон стоит на подоконнике, что из этого следует?

— Что?

— А из этого следует, что я всегда во время разговора по телефону смотрю в окно.

— Так. И что за окном?

— А за окном у меня одна голимая листва! Сколько раз тебе говорил: «Давай спилим втихаря этот фиговый клен, к чертовой матери!» А то пока в домоуправлении этот вопрос решат, перед моими окнами уже джунгли будут! Раз десять уже им письма писал: «Прошу спилить клен под моими окнами. Кирова, сто одиннадцать, квартира восемь. Сидоров». А раз за окном у меня одна зеленка, то смотреть мне приходится только вниз. Внизу же у меня, как на ладони, наш подъезд.

— Подъезд что, тоже надо спилить?

— Не перебивай! Так вот, пока я говорил по телефону, никто из подъезда не выходил и никто в него не входил. Что это значит?

— Что?

— Что Ленка была дома. Она сама закрыла дверь. Просто не хочет со мной разговаривать!

— Почему?

— Потому что ей жалко лампочку вкрутить на нашу площадку! Раньше она не такой была. И лампочки вкручивала, и даже однажды пылесос мне подарила, когда себе новый купила. Но я не злопамятный. Дверь-то она закрыла, а вот такую фирменную ручку выронила. — Мужчина в тельняшке достал из трико шариковую ручку с красивой надписью и с гордостью показал ее собутыльнику. — Вечером Ленку увижу, отдам, не буду на нее из-за лампочки обижаться, но намек все равно сделаю! Свет на площадке — дело первейшее!

— Простите, — не удержался я, — а можно взглянуть на ручку? Мне кажется, это очень редкий экземпляр, а я как раз коллекционирую шариковые ручки.

— Гляди! — кивнул Морской Волк.

Я взял ручку. На вид она была самой обычной шариковой ручкой, какие раздают бесплатно в рекламных целях. На белом корпусе было написано золотыми буквами «Контур-фото», и его пересекала длинная царапина.

— Я ошибся, ручка так себе, но сгодиться может. Даю за нее сто рублей.

— За Ленкину ручку?

— Это ручка, скорее всего не ее. Это мужская ручка. Достаточно посмотреть на ее корпус, чтобы понять — это только для мужских рук. Вот и царапина на ней говорит о том, что ею пользовался мужчина! Он поцарапал ее о заколку на галстук!

— Мужская? Тогда двести! — твердо проговорил мужчина в тельняшке.

— Двести рублей? Хорошо.

— Двести грамм!

Я сходил к буфетнице, взял двести грамм водки и поменял их на ручку. Покидая «Минутку» так и не перекусив, я спросил Морского Волка:

— А вы давно из дома вышли?

— Давненько, как ручку перед Ленкиной дверью нашел, так сразу и вышел, чтобы вот с товарищем встретиться, а что?

— Не будет лампочки на площадке. Умерла ваша Ленка.

Глава 4

Утро понедельника, как всегда, началось с жарки яичницы из трех яиц. Обычное холостяцкое блюдо, которое, поверьте, не стоит менять ни на какое другое, если за это придется расплачиваться собственной свободой. И поэтому лучшего гимна свободе, чем шкворчание яиц на сковородке, быть не может. Когда три темно-желтых глаза посмотрели на меня с полной готовностью стать завтраком, я снял с плиты сковородку и уселся в кресло, поставив аппетитное утреннее блюдо на журнальный столик. Есть из тарелки и на кухне — удел женатиков, я же был холост и мог принимать пищу, как мне заблагорассудится, хоть из кастрюли, хоть прямо из холодильника, хоть на балконе, хоть под тумбочкой в коридоре. Но телевизор был только в комнате, а еда просто так — непозволительная трата времени. Включив его, я приготовился поглощать блюдо, которое я так и назвал — «Гимн свободе».

— В эфире «Специальный репортаж» — прозвучало из ящика голосом уже знакомой журналистки Любашеньки. — История смерти невесты на свадьбе, о которой второй день только и говорят в нашем городе, сегодня пополнилась новыми фактами.

И тут в кадре появился майор Петров.

— Следствие установило, что смерть новобрачной Александры Копытовой, а до свадьбы Измайловой, была насильственной. Мы располагаем данными, что ее подруга и свидетельница Елена Крупчинская на почве ревности применила к ней отравляющее вещество. На следующий день после убийства Крупчинская покончила с собой. В преступлении она призналась в своей предсмертной записке. Отравляющее вещество, с помощью которого было совершено преступление, и которым также отравила себя Крупчинская, на данный момент проходит идентификацию. Пока точно не ясно, что это был за яд.

Я переключил канал. Смотреть дальше не было никакого желания. Все, что мне было нужно, я узнал неожиданно, быстро и без всяких усилий. Дело закрыто, и мне оставалось лишь найти Евгения, чтобы вернуть деньги, которые он дал мне в виде аванса. Конечно, жаль было расставаться с такой суммой, но тут уж ничего не попишешь — всякая необходимость в работе отпала, как только умерла Александра.

Яичница остыла. Аппетит пропал. Несколько секунд я раздумывал, садиться мне сегодня за руль или нет. Единственным делом был поиск Евгения, но как его найти, я не знал. И тут мой сотовый молча запрыгал по столу в бешеных конвульсиях. Виброзвонок — изобретение человечества, за которое можно смело расстрелять половину конструкторского бюро, работавшего над его созданием. Никакие ужасики не сравнятся с видом внезапно запрыгавшего на ваших глазах телефона, когда у него отключен звук. Звонок я сбросил, но взглянул на входящий номер. Он определялся у меня как незнакомый. Я тут же перезвонил и услышал, как где-то на моей лестничной площадке в ответ зазвонил телефон. Трубку не брали, а как только звонок прекратился, за дверью тоже стало тихо. Сразу после этого в мою замочную скважину что-то заскреблось. Мне стало немного не по себе. Притаившись, я стал шарить глазами по комнате в поисках предмета, способного хоть как-то меня вооружить. Ничего кроме сковородки с яичницей в этот момент мне под руки не попало. И как только голова незнакомца с пышной каштановой шевелюрой, с рыжими усами и в темных очках появилась за порогом моей квартиры, я ударил ее сковородкой со всего размаха так сильно, словно хотел совершить мировой рекорд по сковородному спорту. Вложив в удар всю свою силу, я немного поторопился. Злоумышленник еще только-только просунул голову в узкий проем между дверью и стеной, поэтому широкая сковорода обрушилась не на его череп, чего мне очень хотелось, а на край двери. Сковородка при этом отскочила, словно мячик, и вся яичница, слетев с нее, очутилась на моем лице. Незнакомец мгновенно скрылся, испугавшись неожиданного удара и, возможно, моей физиономии, залепленной яичницей. Я же не смог сделать за ним и двух шагов. Мои веки слипались

от склизкого недожаренного белка, а по лицу, словно слезы, текли аппетитные ручьи желтков.

Есть на свете слова, которые призваны помочь человеку в сложной ситуации. Не успел незнакомец выбежать из подъезда, как вслед ему полетели именно те, самые нужные и самые правильные слова, от которых встают дыбом волосы и стынут жилы. Скажу честно, что потом мне было несколько стыдно за них перед соседями, но в тот момент, это было единственное, что я мог отправить вслед нападавшему.

После того, как моя словарная обойма опустошилась, я с силой захлопнул дверь. Но через пару-тройку секунд в нее неожиданно постучали.

— Открыто! — выкрикнул я, ожидая увидеть за дверью соседку и приготовившись выслушать от нее все, что она думает о моем воспитании.

Дверь открылась, за ней стояла пожилая женщина в очках с толстыми линзами. Она показалась мне знакомой.

— Вы — Дмитрий? — спросила она с некоторой опаской.

— Да, — ответил я и на всякий случай взглянул в зеркало. С другой стороны стекла на меня смотрел дикий, взъерошенный, измазанный яичницей человек со сковородкой в руке. — Да, я Дмитрий, — повторил я, ставя сковородку на обувную полку.

— На вас было совершено нападение? — Женщина сразу поняла, что тут произошло.

— В общем-то — да, — признался я. — Вот, спасибо сковороде, выручила.

— Я видела, как от вас улепетывал этот тип в черных очках. По-моему, вы ему хорошо задали.

— Надеюсь, что так.

— Я — Ирина Владимировна, мама Александры. Той, что была убита на свадьбе, — представилась женщина.

— Простите, не сразу узнал, — стусевался я. — На свадьбе людей видишь как-то по-другому. Многих потом в жизни узнать трудно.

— Да, конечно, наряды, улыбки... Я нашла ваш адрес в записной книжке моей дочери. Мне надо с вами поговорить.

— Проходите, пожалуйста, а я пока приведу себя в порядок.

— Мне позвонил майор Петров и сказал, что Александру убила ее лучшая подруга Лена, — начала Ирина Владимировна, когда я уселся напротив нее.

— Да, я знаю, буквально несколько минут назад смотрел сюжет.

— Но я думаю, что это не так, что убийца моей дочери ходит на свободе. Я не верю, что Елена Крупчинская подняла руку на свою лучшую подругу, что бы там между ними ни произошло. Еще хочу сказать, что Евгений и Александра очень давно знакомы. У них не было друг от друга никаких тайн.

— Я знаю. Они вместе занимались бегом. Я иногда составлял им компанию.

— Мне известно, что вы, Дмитрий, бегали вместе с ними. И я знаю, что вы отличный журналист. Именно поэтому я пришла к вам. Мне думается, если вы проведете журналистское расследование...

— Я уже не журналист, я — частный детектив, — перебил я Ирину Владимировну.

— Тем лучше. — Она вдруг нагнулась ко мне, словно желая сказать что-то очень важное и тайное. — Незадолго до свадьбы Александра получила известие из Италии о том, что она является наследницей огромного состояния.

Последние слова заставили меня слегка вздрогнуть. Еще бы! Дело начинало принимать совсем другой оборот.

— Когда-то я работала на автозаводе переводчиком, к нам часто приезжали иностранцы. Я тогда была молода и, поверьте, очень красива. Однажды я познакомилась с одним итальянцем, и у нас случился страстный роман. Мы жить не могли друг без друга. Проводили вместе все свободное время, мечтали о нашем совместном будущем. Но так случилось, что Валерио — так его звали — уехал, а у меня родилась Александра. Он знал о дочке, долго писал мне, уговаривал приехать в Италию, а потом пропал. И вот перед самой свадьбой выясняется, что Валерио стал очень богатым человеком. Перед смертью он сделал завещание, согласно которому Александра является его наследницей.

— А как вы узнали о наследстве?

— Очень просто. К нам по почте пришло письмо, в котором все это говорилось.

— А можно на него взглянуть?

— Я не нашла его. Перед свадьбой у нас была такая суматоха, возможно, Александра его куда-то положила. Но как теперь это узнать! — Глаза женщины наполнились слезами.

— Ну, хорошо, Ирина Владимировна, скажите, а вы сами видели это письмо, читали его?

— Да, конечно, я много раз держала его в руках. Для нас это была такая радость! Поначалу мы не знали, на какие средства справлять свадьбу, но известие о наследстве все изменило! Мы взяли кредит и были абсолютно спокойны.

— В каком банке вы взяли кредит и сколько?

— В каком, не помню, всем занимался Женя. Кредит был на миллион рублей. Мы хотели, чтобы все было как у людей: свадьба, банкет, свадебное путешествие. Заложили под кредит квартиру.

— Миллион рублей! — воскликнул я. — А вдруг письмо о наследстве — это проделка банка! Узнали о вашем прошлом, сочинили историю, написали липовое письмо, дали вам кредит, а затем заберут квартиру!

— Не пугайте меня, Дмитрий! — взмолилась Ирина Владимировна. — Я узнала на копии завещания, которое было в письме, подпись Валерио. Там еще было что-то написано, но у меня не очень хорошее зрение. Мне было достаточно его подписи и того, что прочитала мне моя дочь.

— А что прочитала вам Александра?

— То, что она является наследницей Валерио, и что после некоторых формальностей ей пришлют приглашение в Италию для оформления наследства.

— Ну, если вы узнали подпись, то, скорее всего, это правда. Вот только что теперь будет с наследством?

Мой вопрос окончательно вывел Ирину Владимировну из себя. Она уткнулась в платок и зарыдала:

— Мне никогда не нравился этот Женька, я чувствовала, что в их отношениях что-то не так. После смерти Александры он пропал, как сквозь землю провалился. Не звонит, не приходит, а ведь скоро похороны. Майор Петров сказал, что следствие закрыто, и можно будет забрать из судебного морга мою Сашеньку!

— Я попробую во всем разобраться, Ирина Владимировна. Для начала могу я узнать адрес и телефон Евгения?

— Да, конечно. — Ирина Владимировна порылась в сумке и достала листок бумаги. — Вот, я уже все для вас приготовила. Копытов Евгений Михайлович, его телефон, адрес, место работы.

— Спасибо! Это хоть как-то, но все же упрощает дело.

— А здесь мои телефоны: сотовый и городской, а также адрес. Вдруг понадобятся. — Ирина Владимировна протянула мне еще один листок и сразу же засобиравалась. — Я пойду. Вы уж, Дмитрий, разберитесь, пожалуйста, Христом Богом прошу!

— Хорошо, я постараюсь.

Проводив Ирину Владимировну до дверей, я закрылся на все замки, уселся в кресло и стал размышлять. Информации для обдумывания было уже вполне достаточно для этого...

Глава 5

Если верить Ирине Владимировне, то звонить Евгению было бесполезно, но, тем не менее, я попробовал. Как и ожидалось, трубку он не взял ни с первого, ни с одиннадцатого раза. Оставался домашний адрес Евгения

и место работы. Время было около десяти утра, и я поехал к нему на работу в торговый центр «Товарищ», где он трудился продавцом-консультантом.

Салон отделочных материалов «Товарищ» располагался в помещении бывшей книжной базы. Там, где когда-то хранилось «великое и вечное», теперь пестрели ровными рядами унитазы, раковины, обои, ламинат, ковровые и другие товары современной эпохи — Века Великого Потребления. Народу в магазине было немного, и продавцы-консультанты открыто скучали, бродя между рядов отделочного изобилия. Не успел я пройти и пару метров по магазину, как ко мне подкрался один из них и с натянутой улыбкой, блеснув холодным огоньком в глазах, бесцеремонно проверил меня на покупательную способность:

— Вам что-нибудь подсказать?

— Я ищу Евгения Копытова. Он сегодня работает?

— Женя? — переспросил парень. Улыбка мгновенно сползла с его лица, огонек в глазах потух. — Кажется, нет. Он взял отпуск.

— Так кажется, или отпуск? — спросил я, пристально глядя парню в глаза.

— Отпуск. У него свадьба. Была... — неуверенно ответил парень и оглянулся назад. Это выдало его с головой. В дальнем углу магазина, спрятавшись за рулоном коврового материала, на нас смотрел Евгений.

— Это же он! — воскликнул я и двинулся к Копытову. — А ты говоришь, что у него отпуск!

Занятие бегом дали о себе знать. Впервые мы бежали с Евгением наперегонки всерьез, изо всех своих сил. У него была хорошая форма — в начале погони нас отделяло метров тридцать. Теперь я почти догнал его, но ускорение стоило мне больших усилий. Пробежав насквозь склад, мы очутились на огромном пространстве за магазином. Пирамиды из ящиков, груды мешков, морские контейнеры стояли повсюду. Маневрируя между ними, повторяя точь-в-точь траекторию Евгения, я висел у него на хвосте, но чувствовал, что силы покидают меня с каждой секундой.

— Женя, Женя! Остановись! — крикнул я, когда понял, что не догоню Копытова. — Мне надо с тобой поговорить! Мне надо отдать тебе деньги!

В ответ Евгений только прибавил прыти. В два счета он приблизился к высокому кирпичному забору и, словно кошка, стал карабкаться вверх по ящикам.

— Стой, стрелять буду! — услышал я позади себя.

Майор Петров и двое полицейских бежали вслед за нами. Раздался предупредительный выстрел в воздух. Женя сорвался с ящиков и упал.

— Какого хрена! — закричал я на Петрова.

— Я стрелял в воздух! — стал оправдываться майор.

— Женя! — закричал я и побежал к Копытову, но тот вскочил на ноги, в один миг взлетел на стену по ящикам и был таков.

— Ушел! — сплунув, с досадой проговорил майор Петров.

— Добрый день, господин полицейский, — с некоторой издевкой произнес я, тяжело дыша, и протянул майору руку.

— Привет, любитель пробежек и просто любитель... — ответил он и потечески похлопал меня по плечу.

Глава 6

В полицейском участке было на удивление прохладно. Работали кондиционеры, двери закрывались плотно без щелей и не выпускали наружу охлажденный воздух.

— Евроремонт! Полиция должна всегда и во всем быть на высоте! — сказал майор Петров, заметив, с каким удивлением я посмотрел на кондиционер в его кабинете, словно это был плазменный телевизор в пещере доисторического человека.

— Пока на высоте только Копытов, — съязвил я. — Как вы оказались в торговом центре, господин полицейский? Судя по вашему заявлению, убийца давно найден.

— Не ерничай, пресса! — бодро ответил майор. — Результаты экспертизы были не точны. Вернее, точны, но не до конца. Как оказалось, яд, которым отравили невесту и свидетельницу, это очень редкий вид яда. Его родина — северная Африка. Он действует не сразу, иногда нужно несколько дней, чтобы он заработал. Так что жених мог отравить невесту в любое время, кушая с ней одно блюдо, выпивая из одной бутылки или же, например, на видеозаписи свадьбы отчетливо видно, как жених целует невесту с ключом во рту. Этот ключ, который невеста в результате проглотила, вполне мог быть с ядом. И самое главное, у жениха был мотив убийства. Невеста стала богатой наследницей, а после заключение брака и смерти жены Копытов получает все ее состояние. Понятно?

— Вы беседовали с мамой Александры?

— Да, Дмитрий Петрович, да. Не только частному сыску приходит в голову поговорить с мамой потерпевшей.

— Вы сказали, что свидетельницу отравили тем же ядом. Разве она не покончила жизнь самоубийством?

— Похоже, что нет.

— А как же предсмертная записка?

— Не знаю. Не знаю. — Тут Петров немного засуетился. — Эксперты говорят, почерк ее, но вот что касается чернил, то тут есть небольшая за-

гвоздка. Чернила на записке и чернила в ручке, которую мы нашли рядом с Крупчинской, разные. Либо она писала другой ручкой, либо...

— ... либо кто-то очень искусно подделал ее почерк. Так искусно, что ваши многоуважаемые эксперты-графологи что-то попросту проморгали или недосмотрели. В этом нет ничего удивительного, в отличие от начальства, их зарплата...

— Не будем забывать, Дмитрий Петрович, — перебил меня Петров, — зачем ты сидишь сейчас в моем кабинете. Если угодно, я могу вызвать следователя, и свое объяснение ты будешь писать возле «обезьянника», рядом с дежурным по части.

— Что я должен написать? — сломался я.

— Пиши все, как было. Ты теперь свидетель. И не забудь подробно написать, какого черта ты делал в этом магазине. И самое главное, на каком основании ты погнался за подозреваемым. Неужели хотел проконсультроваться по поводу ламината?

— Почему ламината? Я приехал в «Товарищ» за обоями.

Лицо Петрова исказилось, казалось еще одна моя шутка, и я буду сидеть не возле «обезьянника», а внутри.

— И еще, господин полицейский, читайте Интернет. Кто-то из ваших сливает туда информацию по этому делу, в частности по яду, но в очень и очень искаженном виде.

Петров ухмыльнулся и хитро прищурился:

— Пока преступник знает, что его преступление на слуху, он нервничает. А если он нервничает, он совершает ошибки. Именно по этим ошибкам мы и ловим преступников.

— Это хорошо только в одном случае.

— В каком?

— Когда ошибок не совершает сама полиция.

Петров внимательно посмотрел на меня и сложил на груди свои огромные ручища.

— Дмитрий Петрович, пиши объяснение, честное слово, лучше пиши...

Глава 7

Поиск Евгения необходимо было начинать немедленно. Если убийца действительно он, — а у меня еще была надежда, что это не так, — то черт знает, что он еще мог натворить. Все зависело от его изобретательности и сложившейся ситуации. Жертвой Жени мог стать кто угодно, начиная от одинокой пенсионерки с квартирой, заканчивая бизнесменом, едущим в банк за крупной суммой наличных. Совсем недавно я не мог себе вообразить Евгения в роли преступника, как мне казалось, он не способен оби-

деть даже самой назойливой мухи. Но жизнь штука коварная. В один при- сест она может из невзрачного и тихого любителя бега сделать опасного преступника, на счету которого уже две жертвы. Вернее, три. Двухмесяч- ный плод в утробе Александры — это даже больше, чем человек. Это ра- дость, ожидание, надежда, это любовь. «И как только у Евгения поднялась рука на своего, пусть еще и не родившегося, но все же ребенка? — печаль- но размышлял я. — Знал ли он вообще, что Александра беременна? А мо- жет, это был не его ребенок? Вдруг Александра ему изменила, и Евгений, узнав об этом, решил отомстить, а заодно решить материальные пробле- мы?.. Возможно, возможно, возможно...» Каждое из этих «возможно» жа- лило, словно оса, мой ум и не давало покоя. Чтобы уgomонить это осиное гнездо, необходимо было выпить. Я вспомнил своего нового друга таксис- таксиколога и набрал по сотовому его номер.

— Мне нужна бутылка коньяка, — сказал я ему, особо не вдаваясь в подробности.

— Хорошо, — невозмутимо ответил мне Федор, словно он только и де- лал, что развозил коньяк по квартирам. — Но ты везучий. Сегодня я дол- жен был работать в больнице.

Ничего не бывает просто так. Просто так не падает снег. Просто так не бе- жит река. Просто так друг-таксист не оказывается рядом в трудную минуту.

Ожидая Федора, я развалился в кресле и закрыл глаза. И тут раздался звонок в дверь. «Как быстро Федор ездит, — мысленно отметил я, — надо взять у него уроки езды по пробкам», — и пошел открывать дверь...

Единственное, что я помнил потом, было белое облако едкого газа. Оно обволокло меня со всех сторон и утащило в небытие. Я потерял сознание.

Очнулся я на полу в коридоре, надо мной стоял Федор с бутылкой ко- ньяка в руках.

— Я догадывался, что тебе плохо, но не думал, что настолько!

Федор помог мне встать и дойти до кресла, потом влил в меня пару капель коньяка. Я постепенно стал приходить в себя и рассказал ему, что произошло.

— Ну, брат, ты даешь! На тебя тут покушаются, а ты коньяку просишь привезти. Может, полицию вызвать? У тебя ничего не пропало?

— Не знаю, — ответил я и, бегло проведя ревизию своей квартиры, сказал: — Пропала улика — ручка, которую я выменял на двести грамм водки в кафе. На ней еще была надпись «Контур-фото».

А еще я заметил в коридоре на полу валявшуюся видеокассету и спросил:

— Федор, это не твоя?

— Этот прошлый век? — пожал он плечами. — Нет, не моя.

— Может, ее выронил тот, кто уложил меня вдоль коридора из газового баллончика? Или он ее подбросил специально?

— Конечно, специально! Где ты видел злоумышленника, разбрасывающего уликами? — хмыкнул Федор.

— Но ту ручку, которую нашел мужик в тельняшке возле квартиры убитой свидетельницы, тоже обронили у двери в подъезде!

— А где гарантия, что ее уронили там случайно?

— Гарантий нет. Но тогда зачем преступнику дважды врываться в мою квартиру за этой ручкой?

— Дважды? Ну, ты даешь! А можно с самого начала?

На этот раз я налил себе полный фужер коньяка и рассказал Федору, что произошло со мной с нашей с ним последней встречи.

Глава 8

Найти работающий видеоманитофон в век цифровых технологий оказалась не просто. Везде, куда бы мы ни обращались с Федором, только пожимали плечами и разводили руками.

— Вы бы еще ленту для катушечного магнитофона притащили, — говорили нам, и мы отправлялись дальше.

В конце концов, обзвонив всех знакомых и побывав во всех мастерских по ремонту бытовой техники, мы сдались.

— Предлагаю отвезти эту кассету в полицию. Уж там то точно найдут этот злосчастный видеоманитофон прошлого столетия, на котором можно будет ее посмотреть, — предложил Федор, уставший от бесконечной езды по запертому пробками городу.

— Нет, только не это, — возразил я. — Уж лучше не смотреть ее вовсе, чем демонстрировать майору Петрову нашу несостоятельность.

— Я вспомнил! — вдруг обрадовано вскрикнул Федор. — В моем селе, ну, там, где я родился и вырос, есть один очень просвещенный в технических делах мастер. Он занимается тем, что ремонтирует все, что можно разобрать. Какого только хлама нет в его мастерской! Думаю, что этот видеоманитофон мы обязательно найдем у него. Можно съездить, это недалеко. Примерно пятьдесят километров. Природа там великолепная! Деревня стоит на берегу Камы. Заодно и отдохнем. Искупаемся!

Я согласился. Особого выбора у меня не было, да и искупаться в Каме было полезно для моего истерзанного газовой атакой организма.

Нечкино, а именно так называлось село, походило больше на коттеджный поселок. То тут, то там виднелись особняки, которые вряд ли мог себе позволить обычный селянин. Люди с деньгами скупали участки поближе к реке и выстраивали на них свои огромные дома с гаражами, банями,

эллиндами, в которых жили лишь в летнее время. Зимой в Нечкино делать было абсолютно нечего.

— Стоит ли заморачиваться стройкой, если живешь в таком дворце лишь с мая по сентябрь, — ворчал Федор, вырубивая по узким сельским улочкам. — Когда я здесь жил, не было ни богатых, ни бедных, у всех все было примерно одинаково. У кого-то чуть лучше, у кого-то чуть хуже, но в целом все были довольны. Замки не строили, но и в канавах не жили.

— Типичная речь обиженного на жизнь человека, — заметил я. — Не грусти, Федор, может, они из этих замков и выйти-то боятся!

— Все, приехали! — Федор остановился у небольшого домика с железной крышей, окрашенной в синий цвет. Множество всяческих антенн, торчащих над домом, говорило само за себя. Как минимум, здесь жил большой любитель радио, телевидения и, возможно, видео. — Юрыч! — крикнул он, не выходя из машины, и просигналил. — Юрыч! Ты дома?

— Дома, дома! — раздалось в ответ. — Кого еще черт принес?!

Вскоре калитка скрипнула, и к нам вышел высокий худой мужчина лет пятидесяти. Серо-голубая милицейская рубашка на нем была навывпуск, длинные цветастые шорты, расписанные под хохлому, торчали из-под нее до колен. На ногах Юрыча были китайские пластиковые тапочки, голову прикрывала бейсболка с логотипом базы отдыха «Нечкино», что была неподалеку от села.

— Встречай гостей, Властелин Паяльников! — рассмеялся Федор и подошел к Юрычу. Они пожали друг другу руки и обнялись.

— Юрыч, просто Юрыч! — Паяльников подошел ко мне и протянул руку.

— Дима, — ответил я.

— Дима — мимо?! В смысле мимо магазина! — пошутил он и рассыпался негромким смехом.

— А что, надо?..

— Я съезжу, тут рядом, — сказал Федор и снова сел в машину. — Вы пока изучите вопрос. Через десять минут буду.

— Ну, рассказывай, Дима! — уставился на меня улыбающимся пронизывающим взглядом хозяин.

— Да вот, надо посмотреть, — достал я из пакета видеокассету, — а в городе негде. Нет ни у кого уже этой техники. По крайней мере, мы не нашли.

— Ясно. Айда в дом!

Дом Властелина Паяльникова был похож на приют для старой электроники. Везде, куда бы не падал взгляд, были провода, корпуса древних телевизоров, магнитофоны, радиоприемники, телефоны и даже одна стиральная машина. Завершал картину выдавший виды струйный принтер, стоявший королем приюта прямо на кухонном столе.

— Вот! — с гордостью сказал Властелин Паяльников, заметив мой интерес к принтеру. — Взятся из этой штуки аппарат для покраски волос сделать. Парикмахерская-то у нас одна на весь район. Мастеров мало, работы у них — завал, возиться с покраской некогда. Я аппарат этот к ним пристрою, и каждый сможет сам себя красить, как только захочет. Компьютер, конечно же, подключу. Любую картинку, какую только пожелаешь, при помощи моего изобретения на волосы наносить можно будет. Одно только не могу пока преодолеть — короткий волос. Длинный волос в аппарат идет, а вот что делать с коротким, ума не приложу.

— Может, не надо короткий. Пусть будет только длинный? — скромно предложил я.

— Да думал я про это. Но, понимаешь, как-то не по-нашему получится. Однобоко. Я же хочу, чтоб для всех.

Тут в дом вошел Федор с большим пакетом в руках.

— Ну что? — заявил он с порога. — С кассетой разобрались?

— Разбираемся, — ответил Властелин Паяльников и достал три граненых стакана.

Было около полуночи, когда мы добрались до кассеты. И дело не в том, что мы забыли о цели своего визита или в том, что нам это было уже не интересно. Просто чтобы найти в Юрычевом приюте электроники видеомэгафнофон, пришлось перевернуть весь дом и даже выйти за его пределы в гараж. Это требовало больших усилий, а усилия требовали перекуров и выпивки. В общем, когда видеомэгафнофон был извлечен из гаража, Властелин Паяльников уже не мог связать и двух слов. Аккуратно припарковав его на диван, мы подключили видеомэгафнофон к телевизору и вставили кассету. На экране появилась свадьба Жени и Александры, но без звука. Кассета была отстартована на момент, когда Женя упал с «Лося». Александра что-то ему говорила, он что-то ей отвечал.

— Что они говорят? — спросил я Федора.

— Не знаю, ты же был на свадьбе.

— Без звука нам с этим не разобраться. Надо будить Юрыча.

Разбуженный Властелин Паяльников был явно не в настроении чинить что-либо.

— Звука нет и не будет! — буркнул он, не вставая с дивана, и попытался вновь уснуть.

— Юрыч, ты что, пятаь разучился? — сказал Федор, знавший его слабое место.

— Кто пятаь разучился!? Я?! — Вскочив с дивана, как ужаленный, Юрыч бросился к столу, одним ловким движением воткнул паяльник в розетку и хищно посмотрел на меня:

— Где тут у нас пациент?

— Вот, — показал я ему на видеоманитофон.

— Будем лечить, чтоб его канифолью! — Скинув в один прием крышку магнитофона, он нырнул в него с головой и произнес: — Недавно его делал — год или два назад, забыл звук припаять. У Клавы юбилей тогда был, хотел этот видик ей подарить, но она наотрез отказалась, мол, не нужен ей этот хлам. Так и стоит вот, бедолага, недопаянный.

— Ты не волнуйся, Юрыч, ты делай, делай, — сказал ему Федор.

— А я и не волнуюсь! Что мне тут волноваться! — ответил Властелин Паяльников. — Вот так беру паяльником, раз, и все! — Он ткнул горячим паяльником в утробу видеоманитофона, и в нем вдруг что-то щелкнуло и взорвалось. Комната мгновенно окуталась черным едким дымом...

Глава 9

Утро застало нас возле неработающего видеоманитофона. Властелин Паяльников спал как убитый, а мы с Федором пытались достать из магнитофона кассету.

— Ничего не выйдет, — сказал Федор после нескольких попыток. — Надо решать вопрос как-то по-другому. Ты же был на свадьбе, должен вспомнить, что произошло у «Лося».

— Черта лысого он помнит! — раздался возмущенный голос проснувшегося Властелина Паяльникова. — Помнить надо, что из сети сначала аппарат выключают, а потом на пайку подают!

— Вспомнил! — вскрикнул я. — Я вспомнил! Юрыч, ты молодец! — Когда Женя упал с «Лося», он сказал, что не ушибся, как и тогда, когда упал с тарзанки мимо воды на Лысой горе.

— Лысая гора? — оживился Федор, — это же совсем рядом. Это такой холм на берегу Камы. Рядом с ним деревня с одноименным названием. Почти все дома скупил городские под дачи.

— Возможно, Евгений скрывается именно там. Но зачем нам подкинули эту подказку?

— Чтобы мы пошли и проверили! — рассмеялся Федор.

— Кто-то очень сильно хочет, чтобы Евгения поймали. И этот кто-то из его близких знакомых — раз он знает про Лысую гору. Не хотел бы я иметь таких друзей.

— А почему бы этому доброжелателю не сказать нам прямо: «Евгений на Лысой горе»? Зачем ему городить весь этот цирк и подкидывать нам видеокассету, которую фиг где посмотришь?

— Думаю, что все это — некая игра. А видеокассета потому, что только на ней можно остановиться на нужном моменте. Отстартовать, как говорят на телевидении. Одним словом, нам пора на Лысую гору.

— И я с вами! — Властелин Паяльников сполз с дивана и стал собирать походный рюкзачок. С ловкостью бывалого туриста он запихнул в чрево потертого мешка с лямками полуторалитровую бутылку минералки и кое-что из вчерашней закуски. — Стаканы брать?

Лысая гора встретила нас единственной и абсолютно пустой улочкой, ведущей к реке. Старые покосившиеся дома уныло глядели с холма на Каму. В их мутных окнах слабо отражалось солнце. Бурьян в палисадниках неспешно колыхался на легком ветру. Здесь не было коттеджей, не было роскоши и не было дороги. То, что называлось улицей, представляло собой узкое пространство между домами, изрытое ямами и колеей. «Шевроле» Федора через десять метров проезда по улице наотрез отказался ехать дальше, безнадежно застряв передним колесом в каком-то рву. Толкать машину после вчерашнего просмотра видеокассеты с застольем нам не хотелось. Деревня была малюсенькой, и мы решили пройти пешком.

— Надо у кого-то спросить про Евгения, — высказался Федор, неспешно ступая по засохшей грязи.

— Думаю, что лучше это сделать как-то без особого шума. Давай заглянем в ближайший дом и спросим, — предложил я.

— А мы что, правда, будем его арестовывать? — с надеждой спросил Юрыч, которого мы успели вкратце посвятить в курс дела.

Я не знал, что мы будем делать, если Евгений и вправду окажется убийцей. Я до последнего сомневался в его виновности и не поговорить с ним просто не мог.

Мы вошли в первый попавшийся дом и спросили хозяйку, молодую приятную женщину, про Евгения.

— Точно не знаю, — ответила она. — В дом, что прямо у воды, недавно приехал какой-то молодой человек. А вчера туда приезжал мужчина постарше. Я весь день на реке с ребенком провела, а этот дом как раз напротив нашего любимого места. Там еще тарзанка на дереве. Парни часто прыгают с нее прямо в воду.

Мы поблагодарили хозяйку и направились к указанному дому. Дверь его оказалась открытой настежь. Я постучался из вежливости в дверной косяк и сразу же шагнул внутрь. За мной последовали Федор и Юрыч. Внутри дома, перед распахнутыми окнами с видом на Каму качалось на ветру тело Евгения. Плетеная веревка вжималась в его шею и выдавливала наружу синий язык. Евгений был мертв. Рядом с ним на столе из струганных досок лежала, прижатая грязной тарелкой, записка. «Я виноват в смерти моей жены Александры. Мне незачем больше жить. Я заканчиваю свой путь самоубийством» — прочитал я вслух. Внизу записки стояла подпись: «Евгений Копытов»

— Н-да... дела, — тихо произнес Федор.

— Надо позвонить в «скорую»! — сказал Властелин Паяльников.

— «Скорая» тут не поможет, говорю это как врач. Надо вызывать полицию. — Федор достал сотовый и стал набирать номер.

Вдруг за окном послышался шум мотора.

— Может, полиция? — с надеждой высказался Властелин Паяльников.

— Да вряд ли, — возразил я, почувствовав что-то неладное, — нам лучше куда-нибудь спрятаться.

Не сговариваясь, мы укрылись за печкой. Федор схватил для верности табурет, крепко ухватив его за ножку. Я взял кирпич, лежавший возле топки. Властелин схватил со стола старую изогнутую алюминиевую вилку. На всякий случай мы приготовились к худшему.

Машина остановилась возле ворот. Хлопнула дверца, кто-то направился к дому, и по моей спине пробежали мурашки. Я взглянул на своих товарищей. На лице у Федора выступили капли пота. Его рука крепко сжимала ножку табурета. Хлопнула калитка. Юрычу что-то попало в нос, и он скривил лицо, чтобы не чихнуть, но все равно громко чихнул. Шаги за дверью затихли.

— Ап-чхи! — опять не выдержал Юрыч, и за дверью послышался звук убегающего человека.

— Стоять! — закричал я и выбежал из дома.

Вслед за мной с табуретом и вилкой выскочили мои напарники. Незнакомец прыгнул в темно-вишневую «десятку» с залепленными грязью номерами и дал газу.

— Стой, стрелять буду! — крикнул я и запустил в машину кирпичом. Он ударился о багажник и раскололся на части. Тогда я скомандовал: — Бежим к машине!

Мы огромными прыжками помчались к «шевроле», в один миг запрыгнули в него, и погоня началась.

— Ну, давай, давай, старое корыто! — ворчал Федор и давил на газ. Машина билась защитой картера о бугры, и прибавить ходу не получалось.

— Уйдет! Уйдет! — с запалом сетовал Властелин Паяльников, размахивая вилкой во все стороны.

«Десятка» тем временем отрывалась от нас все дальше. Дорога свернула в лес, и мы потеряли ее из вида. «Шевроле» с горем пополам выскочил на небольшую полянку и остановился перед развилкой.

— Куда ехать? — спросил Федор.

— Налево! — ответил Властелин Паяльников.

Машина взревела, и мы понеслись между небольших елок и кустарников. Ветки царапали по кузову, попадали в открытые окна и хлестали нас изо всех сил.

— А почему налево? — спросил я Властелина Паяльникова.

— Не знаю. Привычка!

Примерно через километр дорога взлетела на небольшой холм, а потом резко пошла вниз.

— Хрена с два мы сможем обратно заехать! — прокричал Федор.

Впрочем, ехать назад нам не потребовалось. Машина вынырнула из леса, и перед нами, как на ладони, открылись заливные луга вдоль Камы. Мы были на самой макушке большого холма. Внизу и справа от нас маленькой точкой виднелась темно-вишневая «десятка». Повернув налево, мы срезали значительную часть пути.

— Давай наперерез! — закричал Властелин Паяльников и вновь принялся размахивать вилкой.

Спустившись по склону, мы въехали в небольшой ивняк и встали поперек дороги, перегородив своим автомобилем единственный путь от реки.

— Что будем делать? — спросил я товарищей.

— Будем брать! — ответил Юрыч и решительно сжал вилку в своей руке, словно это был не столовый прибор, а меч-кладенец.

— Так не годится, — возразил я, — надо что-то придумать.

Но ничего придумать мы не успели. Темно-вишневая «десятка» неожиданно быстро вынырнула на нас из-за поворота и встала метрах в двадцати. Из автомобиля вышел незнакомец с пышной каштановой шевелюрой, с рыжими усами и в темных очках.

— Это он! — тихо сказал я.

— Кто? — спросил Властелин Паяльников.

— Взломщик. Я хотел прибить его сковородкой, — ответил я и добавил: — Все выходим из машины.

Но незнакомец нас опередил.

— Сидеть! — крикнул он и вскинул руку с пистолетом.

— Лежать! — закричал я, почувствовав, что вот-вот произойдет нечто страшное. Мы вжались в сиденья и спрятали головы. Прозвучали выстрелы.

— Раз. Два. Три. Четыре, — считал я, с ужасом ожидая пулю.

Кузов «шевроле» звенел от попаданий. Трещали простреленные стекла. Колеса засвистели воздухом из дыр. И вдруг все стихло.

— Десять, — выдохнул я, словно ставя точку выстрелам.

— В «маузере» только десять патронов, — прошептал Властелин Паяльников.

— Подожди, сейчас он пулемет «Максим» достанет, — так же шепотом проговорил Федор.

А я был рад, что никого не задело, и предложил:

— Выходим?

— Подожди, — остановил меня Властелин, — вдруг я ошибся.

Но он не ошибся. Расстреляв всю обойму, незнакомец сел в машину, нажал на газ, с легкостью объехал наш автомобиль прямо по кустам и скрылся.

— Вот теперь пошли, — произнес Юрыч и первым выпал из «шевроле».

Автомобиль Федора после расстрела из «маузера» не отличался особой герметичностью.

— Почти, как у Бонни и Клайда — сказал я, оглядев машину.

— Что я скажу в шиномонтажке? — простонал Федор, оглядев простреленные колеса.

— Подумай лучше, что ты скажешь в кузовной мастерской, — добавил я, засунув палец в пулевое отверстие в заднем крыле.

— Запаяем! — с оптимизмом произнес Властелин Паяльников. — Вот только хлебнем по соточке за новый общий день рождения и запаяем. Где Дмитрий, говоришь, у тебя коньяк был?

— В бардачке.

Юрыч нырнул в машину, открыл бардачок, и мы услышали жалобный вой:

— Скотина, какая же он скотина! Бутылку прострелил!

Глава 10

Майор Петров смотрел на нас, словно уставшая мамаша на непослушных детей: с одной стороны хочется прибить, а с другой жалко, вроде свои, и могут еще сгодиться.

— Я понимаю, что вы оказались впереди нас и нашли, но надо отметить, что нашли поздно Евгения Копытова, — читал нам мораль Петров. — Безусловно, это делает вам некоторую честь, как детективам-любителям. Понятно, что в пылу вашего расследования вы наделали много ошибок: не сообщили о месте пребывания Копытова нам, не сообщили вовремя о его смерти, ну и так далее. Для вас, как для непрофессионалов, это, в принципе, допустимо и где-то даже простительно. — Майор сделал паузу и пробежался по нашим лицам сердитым взглядом. — Но отныне и впредь официально запрещаю вам всем заниматься расследованием этого дела, как, впрочем, и всех других, без участия нашего сотрудника.

— Позвольте, это как? — пришла моя пора возмущаться. — Я занимаюсь частным сыском на самых законных основаниях. Могу показать все соответствующие документы. А это мои добровольные помощники, так сказать, волонтеры.

— Вы можете заниматься чем угодно. Хоть верблюдов выращивать, хоть ногти на ногах. Но если это мешает официальному расследованию, то вы — вне юрисдикции!

— Вне чего? — переспросил Федор, но майор не обратил на него внимания.

— Если хотите продолжать свои детективные изыски и если хотите остаться в живых, то без нашего человека я не позволю вам сделать ни шага. В противном случае, я вас всех прямо сейчас посажу в «обезьянник», чтобы вы немного подумали.

— Хорошо, — согласился я. — Где он, этот ваш человек?

— Хванчкара, заходи! — зычно скомандовал Петров и в кабинет зашел, вернее вплыл молодой лейтенант кавказской внешности.

Федор, я и Властелин Паяльников оценивающе уставились на огромный живот лейтенанта. Навскидку можно было сказать, что он весил килограммов сто сорок.

— С вами поработает — похудеет, — хмыкнул майор. — Гиви Хванчкара, прикрепляю тебя к группе этих любителей-детективов. Отвечаешь за них головой. Особенно вот за этого, — показал он рукой на Властелина Паяльникова, — он мне обещал из электробритвы тестя аппарат для изготовления мормышек сделать.

Диск с видео свадьбы был в моих руках. Майор Петров, прикрепивший ко мне лейтенанта с винной фамилией Хванчкара, любезно согласился дать мне его на денек-другой.

— Посмотри, посмотри, Пинкертон, если найдешь что-то интересное, сразу ко мне. Берешь в охапку Хванчкару и только тогда дуешь по делу.

— Вашего Хванчкару, пожалуй, возьмешь в охапку... — вздыхая, ответил я. — Нужен подъемный кран, чтобы этого лейтенанта от стула оторвать.

— Не гунди, Дмитрий Петрович, не гунди!

В том, что ко мне прикомандировали полицейского, был какой-то подвох. То ли Петров хотел все знать из надежного источника, то ли решил помешать моему расследованию, то ли еще что. Да только не верилось мне, что толстяк-полицейский мог хоть как-то быть мне полезен, тем более в случае прямой угрозе моей жизни. А в то, что это может произойти еще раз, я уже не сомневался.

Добравшись до дома, я с облегчением скинул ненавистные уже ботинки и растянулся на диване. «Боже мой, как хорошо, когда вокруг ни одной живой души! Чтобы понять это, нужно пережить брак, как минимум, один раз» — подумал я и сразу вспомнил про диск со свадьбы. Мне не очень хотелось смотреть это видео, но время работало не на меня, и необходимо было поторапливаться.

Как я и предполагал, на свадебном видео не было ничего интересного. Люди пили, ели, говорили поздравления, танцевали и участвовали в различных конкурсах. Конкурсы были глупы ровно настолько, насколько это было

позволительно для публики со средним достатком и таким же средним интеллектом. Впрочем, один кадр в конкурсах все же привлек мое внимание. Это был момент, когда участники конкурса переодевались в костюмы сказочных героев. Происходило это втайне от остальных гостей в какой-то комнатухе. Видеооператор снимал весь процесс облачения. Очевидно, кухня конкурсов тоже входила в план его фильма.

— А мне как надевать эту рубаху, рисунком вперед или назад? — спросил помощницу тамады отчим невесты, стоявший по пояс голый. Его грудь наискосок, от левого плеча до живота, рассекал длинный чудовищный шрам.

Я поставил на паузу и долго всматривался в изуродованное тело отчима. Такой шрам мог быть оставлен чем-то вроде сабли. Для двадцать первого века подобная отметина большая редкость.

Ровно в двенадцать дня, как и было обговорено заранее, мы собрались на квартире у Федора, чтобы обсудить план поиска стрелка, так хотевшего отправить нас на тот свет из пистолета времен Первой мировой войны. Лейтенант Хванчкара пришел последним. Лифт в подъезде не работал, и тучный полицейский долго топал на девятый этаж, проклиная свою работу и все многоэтажное строительство в целом.

— А нельзя собираться где-нибудь пониже? — первым делом спросил он, как только отдышался.

— Пистолет при тебе? — вместо ответа спросил его Властелин Паяльников.

— При мне, — похлопал Хванчкара по кобуре, наполовину спрятанной под его полицейской рубахой. — Почему спрашиваешь?

— Стрелка будем брать! — уверенно ответил Юрыч.

Все посмотрели на него в надежде услышать продолжение, но он только развел руками:

— Ну, когда-нибудь мы же его поймаем!

— Первым делом предлагаю вернуться на место происшествия и тщательным образом там все обыскать, — предложил Федор.

— Там уже поработала следственная группа, — возразил я, — каждую травинку обнюхали, каждую песчинку посчитали. Думаю, что ничего нового мы там не найдем.

— А вдруг преступник захочет вернуться на место преступления? Я читал, такое часто бывает. Приезжает, а мы уже там, и цап-царап! — Юрычу не терпелось поквитаться со стрелком. — Хванчкара, а патроны есть?

— Почему спрашиваешь! Конечно, есть! — Лейтенант достал пистолет вынул обойму и показал нам: — Вот. Все есть, и пистолет, и патроны. Где ваш стрелок, я его быстро арестую.

— Надо понять, зачем он приезжал в тот дом, где мы нашли тело Евгения, — начал я свои рассуждения. — Возможно, Евгений не повесился

сам, а кто-то ему помог. Возможно, это был тот самый незнакомец в черных очках.

— Конечно, это он! Повесил человека, а потом вернулся проверить или, может, забыл что-то. — Властелин Паяльников даже привстал от возбуждения. — Хванчкара, поехали!

— Куда?

— Как куда? На Лысую гору! Устроим засаду. Посидим пару деньков, потолкуем по душам, глядишь, и арестуем кого-нибудь.

— Женщина, у которой мы спрашивали про Евгения, сказала, что к нему приезжал какой-то мужчина, — продолжил я, — возможно, это и был тот стрелок.

— Выходит, что они были знакомы? — сделал вывод Федор.

— Надо показать этой женщине диск со свадьбы. Не исключено, что она узнает на нем того человека.

— Видео — это хорошо, — вдруг влез в разговор Хванчкара, — но лучше фото.

— Почему? — спросил Федор.

— На фото человек намного красивее. Особенно женщина!

— Действительно, — согласился я, — лучше показать и фото, и видео со свадьбы. Вполне возможно, что на видео нет тех людей, которые сняты на фото, и наоборот. Чем больше будет лиц, тем лучше. Нам надо найти фотографа со свадьбы, взять у него фотографии и показать их вместе с видео той женщине с Лысой горы. Думаю, она обязательно узнает кого-нибудь.

— Телефон фотографа есть? — спросил Федор.

— Да, — ответил я. — Это единственная полезная информация, которую я когда-либо получал от тамады.

Тут же созвонившись с фотографом, я обо всем договорился. Он был за городом и только завтра к обеду обещал вернуться и приготовить для меня фотографии.

— Я понимаю, это такое горе терять хороших знакомых. Сначала Александра, потом Женя...

— А откуда вам известно про гибель Копытова? — удивился я.

— Об этом говорит весь Ижевск. Эта свадьба войдет в историю, как самая «черная». Кругом только одни разговоры: про отравленную невесту, мертвую свидетельницу и повесившегося жениха. — Фотограф поспешил закончить разговор первым. — Я вам обязательно помогу. Созвонимся завтра.

— Буду ждать вас у памятника Ленину, возле библиотеки имени Ленина, в два часа дня, — сказал мне фотограф Олег, когда я созвонился с ним утром на следующий день.

— А можно пораньше? — поинтересовался я.

— К сожалению, никак. Я просто не успею подготовить для вас фотографии.

Я согласился. Других вариантов у меня не было.

Возле памятника Ленину я был ровно в два часа дня, как мы и договаривались. Прошло уже минут пятнадцать, но фотографа не было видно. Вопреки всем своим любезным речам по телефону, он оказался весьма непунктуальным человеком и, судя по всему, не очень уважал меня, мое время и, в первую очередь, самого себя. Необязательность — черта, способная вызвать раздражение даже у самых терпеливых людей. Но тут зазвонил мой сотовый. «Фотограф» — прочитал я на дисплее и подумал: «Мог бы и раньше позвонить, если задерживается!»

— Вы где, Дмитрий? — спросил меня Олег не очень довольным голосом.

— Как, где?! — Я начинал закипать. — Тут, у вождя! Скоро сам стану мумией, как и он.

— А я вас не вижу, — удивился фотограф.

— Странно! — ответил я. — Я тут стою, в тени великого и могучего!

— Вот в чем дело! — засмеялся Олег. — В тени! Поэтому я вас и не вижу. А вы выйдите из тени.

Я вышел и огляделся по сторонам. Фотографа нигде не было.

— Я вас увидел. Иду! Через три минуты буду! — бодро обнадежил меня Олег.

Не знаю почему, но, как только он это сказал, я посмотрел на часы и засек время. Видимо, нервов моих было ровно на три минуты и не на секунду больше.

В этот раз фотограф оказался точным. Ровно через три минуты он стоял передо мной и протягивал мне диск с фотографиями.

— Сколько с меня? — спросил я.

— Что вы, что вы! Молодые все оплатили заранее, мне ничего не надо. Очень их жалко. Очень.

Я поблагодарил фотографа, и мы расстались.

Глава 11

Когда мы попытались сесть вчетвером в мою короткую «Ниву», это получилось не сразу, и все из-за Хванчары и его антидиетического восприятия жизни. Конечно, я, Федор и Властелин Паяльников поместились в машине без особого труда, как и полагается людям с обыкновенной комплекцией. Причем Властелин Паяльников был не один, а в обнимку с трехлитровой банкой самогона.

Последним в машину садился Хванчкара. Вот с ним-то и начались проблемы. Приняв во внимание его немаленькую фигуру, лейтенанту было предоставлено почетное место рядом с водителем. Его сиденье я резким движением сдвинул максимально назад, на что Юрыч, сидевший позади, истерично завопил:

— Осторожно, ирод, банку раздавишь!

Это было еще только начало. Тело лейтенанта никак не хотело уместаться в салоне. То ноги полицейского оказывались снаружи, то дверь наотрез отказывалась закрываться, упираясь в могучее плечо Хванчкары.

— А может, мы без тебя поедем? — с надеждой спросил я полицейского.

— Как без меня! — возмутился Хванчкара, спиной упираясь через сиденье в банку самогона. — Не положено без меня!

— Ну, тогда пусть для тебя из отделения самосвал пришлют. — Я был в отчаянии.

— Какой самосвал?! Зачем самосвал?! — занервничал Хванчкара. — Вот сейчас весь воздух выдохну, и дверь закроется.

Я не успел его остановить. Он сделал глубокий вдох, а за тем резкий выдох, и дверь захлопнулась.

Пятьдесят с лишним километров пути мы проделали не спеша. Старенькая «Нива» была мне еще дорога, и я, изредка посматривая на Хванчкару, правильно оценивал способности автомобиля, и не слишком нажимал на газ.

Лысая гора встретила нас, как и в первый раз — безразлично и с грустью. Единственная улица деревни была все так же пуста. Окна домов все с той же тоской смотрели в голубую даль над рекой. Мы без труда нашли ту молодую женщину, которая в первое наше пребывание показала нам дом Евгения. Я изложил ей суть дела, но она наотрез отказалась что-либо говорить, а уж тем более просматривать.

— Не знаю я ничего и ничего не видела. Что мне рассказывать? — сказала она, и уже хотела закрыть перед нами калитку, как увидела лейтенанта, который немного отстал и только-только подходил к нам.

— А, так вы из полиции, — облегченно вздохнула женщина, — так бы сразу и сказали. После вас тогда висельника в том доме нашли, я и испугалась — вдруг вы бандиты.

— Да какие же мы бандиты, — влез Властелин Паяльников вместе с банкой самогона, — мы добровольные помощники нашей доблестной полиции.

— Кого вы видели тогда вместе с молодым человеком из дома, что у реки? — спросил я.

— Мужчину постарше. Но они были далеко — вон на том острове. Так что его лица я не разглядела. Я тогда невдалеке по берегу бродила с дочуркой. Мы гербарий собираем — к школе готовимся.

А что они делали на том острове? — Я надеялся найти хоть какую-то зацепку.

— Ничего. Ругались.

— Как ругались?

— Как-как... Как обычно. Тот, который молодой, сидел на песке возле воды, а который постарше ходил возле него, руками махал и что-то говорил. Потом тот, что помоложе, встал, какую-то бумажку под нос ему сунул. А тот эту бумажку выхватил, в клочья разорвал и по всему острову раскидал. Я сразу поняла, что у них там что-то не так. Поэтому, наверное, молодой потом и повесился.

— А кто-нибудь еще у реки был, ну, кроме тех, что на острове?

— Да. У берега «Жигули» стояли. За рулем женщина сидела. Одна. Но я не знаю, так сидела или ждала кого.

— А что за «Жигули»?

— «Шестерка» фиолетового цвета. Точь-в-точь как у моего бывшего. Я даже подумала, что это он приехал. Пришла, поглядела, а там баба!

— То есть женщину вы хорошо разглядели?

— Еще как! Крашенная такая вся. Как Верка Сердючка.

— Это мужик, — вставил Федор.

— Да вы что?!

— Мужик, мужик, это я вам как врач говорю.

— Ну, если как врач, тогда поверю. А что вы лечите? — заинтересовалась женщина.

— Да не лечу, скорее, не даю умереть. В общем, спасаю тех, кто перепил или наркотиками отравился.

— А зачем? — искренне удивилась она.

— Как зачем, чтобы жили.

— А зачем спасать того, кто не хочет жить?

Федор опешил. Этот вопрос он не раз задавал сам себе и всякий раз убеждал себя в том, что у человека всегда должен быть шанс. И именно этот шанс он каждый раз давал людям. Но проходило время, и эти же люди вновь появлялись в приемном покое. Потом они умирали. Потом их место занимали другие. Все повторялось. Никто не выходил из этого пике. Получалось, что и в самом деле — зачем?..

— А я еще и такси вожу! — улыбнулся Федор. — Правда, пока оно в ремонте. Его немного продырявили.

— Так это вашу машину расстреляли в трех километрах отсюда?! — впиалась в него глазами женщина.

— Да, — засмутился Федор.

— Мария, ну, или Маша, — протянула она ему руку.

— Федор, или можно Федя. Очень приятно...

— Ну, вот и познакомились! — Властелин Паяльников поднял на уровень головы банку с самогоном. — Предлагаю по чуть-чуть за знакомство!

— А я предлагаю съездить на остров и поискать обрывки бумаги, которые раскидывал Женя. Судя по всему, они еще там, — недовольно взглянув на Юрыча, проговорил я.

Мы развернулись и двинулись к машине.

— Погодите! — крикнула нам вслед Мария. — Я вспомнила! У того, кто постарше, шрам был через всю грудь. Лицо я не запомнила, да и не разглядывала, а шрам хорошо видела.

Мы остановились. Я включил ноутбук и показал видео со свадьбы.

— Он, точно, он, — сказала Мария, посмотрев виде. — Шрам то есть. Чайку не хотите?

— Хотим, — оживился Федор.

Из дома выбежала девочка лет семи. Обняла женщину сзади за ноги и спросила:

— Мама, а что это за дяди?

— Это дяди из полиции, — ответила Мария.

— А тот толстый тоже из полиции? — Девочка показала пальцем на Хванчкару.

— Конечно, тоже.

— А он что, преступника проглотил? — не унималась девочка.

Все, кроме лейтенанта, засмеялись.

— Так как насчет чайку? — спросила Мария. — Может, по чашечке?

— Чуть позже, — отрезал я. — Сначала мы сходим на остров, а потом, если, позволите, с удовольствием попьем чайку.

— Конечно, конечно. Я пока блинчики к чаю постряпаю.

Добраться до острова по песчаной косе на «Ниве» было приятно. Журча мотором, она плавно шла по песку, и я в очередной раз обрадовался, что у меня внедорожник, а не какой-нибудь хлам с низкой посадкой.

Несколько клочков бумаги лежали на песке, остальные разметал ветер. Я поднял один из них. Это был фрагмент фотографии.

— Надо собрать как можно больше обрывков! — сказал я своим напарникам. — Ищите везде, ветер мог задуть их куда угодно!

Мы разделили остров на части и принялись искать. Каждый в своем секторе.

— Почему мне достался самый заросший участок, тут одни деревья, кусты и мухи всякие! — возмущался Хванчкара. — Я что вам, юный натуралист?

— Давай ищи, не отлынивай! — подгонял его Федор.

— Юрыч, тут какой-то серый шар на кустах, а там мухи! Много больших полосатых мух, — сказал вдруг Хванчкара.

— Возьми палку и сбей его! — отозвался Властелин Паяльников.

— Какие мухи! — только и успел крикнуть я, но было поздно — Хванчкара палкой уже сбивал гнездо шершней.

То, что произошло дальше, походило на пожар в зоопарке. Причем катались кубарем, кричали, дергали ногами и руками, словно дикие звери, люди. Объекты же зоологии, то есть шершни, жалили их нещадно и со знанием дела. Будучи ближе всех к воде, я первым залез в нее по шею, и нырял с головой всякий раз, когда очередной взбешенный шершень пытался меня атаковать. Это меня спасло. Выныривая из воды, я кричал, что было сил: «В воду! Все в воду!»! Поначалу меня никто не слышал, и моим напарникам досталось по полной программе. Головы, шеи, руки, животы и все остальное, что попадалось шершням под горячее жало, было непременно ужалено, а иногда и по несколько раз. Больше всех пострадал Хванчкара. Его огромное тело было идеальной мишенью для шершней. Отбиваясь от насекомых, он проявил невиданную прыть и резвость. Увидав, как Властелин Паяльников и Федор бегут к воде, лейтенант в три прыжка догнал их; пробежал между ними так, что они, не удержавшись на ногах, упали, и, словно раненый кит, с размаху прыгнул в воду. Волна от Хванчкары накрыла меня с головой, и я чуть не захлебнулся.

Когда все стихло, мы провели небольшое производственное совещание.

— Товарищи чукчи, — начал я, оглядев опухшие лица моих товарищей. — Кто и сколько нашел обрывков?

— У меня штук десять, — прошепелявил Федор. Его губа опухла до невероятных размеров. — Там еще были, фрагменты, но кто-то какого-то хрена...

— Мне Юрыч сказал палкой их сбить, — оправдывался Хванчкара, у которого один глаз заплыл полностью и напоминал большой перезревший персик.

— Ты что, шуток не понимаешь!? — заверещал Властелин Паяльников. — А если бы я тебе сказал застрелиться, ты бы застрелился?

— Господа укушенные! — прервал я их спор. — Скажите, кто что нашел.

Мы подсчитали имеющиеся в нашем распоряжении обрывки, и я, сделав вывод, что это лишь одна пятая или одна шестая часть фотографии, покачал головой:

— Маловато.

— Я больше к шершням не пойду, — заявил Властелин Паяльников.

— И я, — поддержал его Федор.

— А я бы пошел, но у меня пока видит только один глаз. Если ужалят еще — понесете меня домой на руках, — сказал Хванчкара.

Аргумент Хванчкары был более чем убедительным. Мы решили ехать к Марии на чай, а поиски продолжить чуть позже, как только злые насекомые угомонятся.

— Дмитрий, а у тебя машина амфибия? — спросил меня Властелин Паяльников, когда мы подошли к моей «Ниве».

— Нет. Зачем? — ответил я.

— А будь у меня такая, я обязательно сделал бы из нее амфибию.

— Тебе бы все что-нибудь переделывать. Толк-то есть какой от этих твоих переделок?

— Не всегда. Но вот в данном случае он был бы, как пить дать. — Властелин Паяльников попытался сделать хитрую гримасу на опухшем лице, но получилось ужасно.

— Не кривлялся бы ты, Юрыч, — сказал я и осекся. Дороги на берег не было. Вода в Каме поднялась, и мы вместе с автомобилем остались на острове, окруженные водой...

Утро застало нас на острове. Над рекой плыл туман. Я сидел в «Ниве» и пытался собрать из найденных обрывков фотографию. Властелин Паяльников и Федор расположились у воды на берегу и о чем-то тихо беседовали. Позади них догорал одинокий костер. Хванчкара лежал возле огня на песке и задумчиво жевал соломинку.

Собрать фотографию получилось ровно настолько, насколько это было необходимо. Из обрывков сложилась голова женщины средних лет и голый мужской торс с огромным шрамом. Было件нятно, что мужчина и женщина лежат в постели. Это была находка!

— Федор, Юрыч, Хванчкара! Идите сюда! — радостно завопил я.

— А можно, я тут послушаю, — лениво взмолился Хванчкара.

— Смотрите, — начал я, когда Федор и Властелин Паяльников подошли, — вот что получилось из обрывков. Известный нам по шраму отчим, который был на этом острове и разговаривал с Евгением, на этом фото в постели с какой-то женщиной.

— Ну и что? Мало ли женщин может быть у настоящего джигита! — донеслось от костра.

— А то, что это точно не мать Александры, а, следовательно, это любовница отчима. Дело принимает интимную окраску. Шерше ля фам! Надо показать это Марии. Возможно, она узнает в этой женщине «Верку Сердючку» из «шестерки».

— Возможно, ее блины уже съел кто-то другой! — с раздражением бросил Федор. — Ну, надо было тебе, лейтенант, ворошить это осиное гнездо! Я сейчас, даже если меня на берег перевезут, к Марии в таком виде не пойду. А там блинчики, возможно, со сметанкой...

— А можно про еду не говорить? — Хванчкара был задет за живое.

— Я специально сейчас только и буду говорить о ней! Свинина на гриле, маринованные огурчики, пара цыплят в чесночном соусе, жареная картошечка и, наконец, бутылочка Хванчкары!

— Хватит! Я сейчас утоплюсь! — взмолился лейтенант. — Эй, кто-нибудь! Спасите! Помогите!

— Чего орешь? Рыбу распугаешь! — вдруг раздалось из тумана.

— Братцы! Увезите меня отсюда! Я вам стрельнуть из «Макарова» дам. В воздух.

— Сам стреляй из своего «Макарова». Если нужна помощь, сейчас приплывем!

— Нужна, нужна! — закричали мы хором.

Небольшая резиновая лодка пристала к берегу. Два рыбака с интересом рассматривали нас. Особенно им понравились опухшие лица Хванчкары и Федора.

— Тут такое часто бывает, — сказал один из них, — приедут сюда на машинах, шашлыков нажарят, вина выпьют, шершнями ужалятся, а обратно никак — вода поднялась.

— Братцы, — взмолился Хванчкара, — увезите меня отсюда! Я домой хочу! Я голоден!

— Это невозможно, — ответил рыбак постарше. — Потонем тут же. Не та грузоподъемность.

— А меня возьмете? — спросил я.

— Тебя — запросто. Садись! — Рыбаки подвинулись, освобождая мне место.

— А мы? — заныл Властелин Паяльников. — А как же мы? Ни вина, ни закуски!

— А вы остаетесь тут. Вместе с Хванчкарой. Не дело бросать его тут одного. Когда вода спадет, на машине домой поедете, Федор поведет.

— А ты куда? — спросил Федор.

— А я в город в срочном порядке. Надо отчима найти, пока еще что-нибудь не случилось. Доберусь до шоссе, поймаю попутку. По пути загляну к Марии, попрошу ее чего-нибудь для вас собрать. Может, блины еще остались. С рыбаками передам.

— И про спиртное спроси! — взмолился Властелин Паяльников. — Скажи, для медицинских целей, раны залечивать!

— А я уже для вас все собрала, — сказала Мария, как только меня увидела, и протянула большую корзину. — Тут блинчики, огурчики с грядки, яйца, хлеб и вот... — Под «вот» она подразумевала большую бутылку мутной жидкости.

— Что это? — спросил я, хотя уже начинал догадываться.

— Это самогон, наш, деревенский. Вас там наверняка шершни покуса-ли. Из него хорошие компрессы получаются. Опухоль вмиг спадает.

— Компрессы!.. Что ж, пусть будет так! — улыбнулся я и добавил: — На прощанье хочу задать вам, Маша, еще один вопрос. Вот фото, что нам удалось собрать. Взгляните!

Мария посмотрела на то, что я собрал из обрывков, и ответила:

— Эта женщина похожа на ту, которая сидела в «шестерке»...

Я поблагодарил Марию за все, отнес рыбакам, которые ждали меня на берегу, корзину с провиантом, и легкой трусцой двинулся к шоссе.

Ловить попутку — занятие романтическое, никогда не знаешь, кто остановиться, и на какой машине. Большие и красивые машины почему-то упорно объезжали меня стороной, изредка нервно мигая мне фарами. То ли их водители куда-то сильно спешили, то ли я просто не вызывал у них чувства сострадания. Увидев на горизонте автомобиль-микроб, я опустил руку, но красный «шевроле спарк» резко остановился передо мной, и в открытое окно я увидел хорошенькую шатенку лет тридцати.

— Подвезти? — спросила она меня.

— Мне в город. — Я еще надеялся, что мне не придется испытывать судьбу и собственный скелет.

— И я туда же, — улыбаясь, ответила шатенка, и мне ничего не оставалась, как сесть в машину.

— Ольга, — представилась шатенка, выдержав небольшую паузу.

— Дмитрий, — ответил я.

Всю дорогу до города мы оживленно беседовали. Ольга оказалась на удивление умной и приятной собеседницей. За разговорами мы даже не заметили, как въехали в город. Ольга довезла меня до самого дома, и у меня язык не повернулся спросить, должен ли я что-нибудь за ее услугу.

— Огромное спасибо, Ольга, что подвезли. Мы чудесно побеседовали. Я хочу еще раз с вами увидеться и продолжить наш разговор. Буду рад узнать ваш номер телефона, — сказал я перед тем, как покинуть салон.

— Вы для этого вышли на дорогу? — спросила Ольга.

— Я обязательно позвоню, как только закончу одно дело, — пообещал я.

— Надеюсь, оно будет недолгим, — усмехнулась она, протянула мне визитку и уехала.

Глава 12

Искать отчима я начал со звонка матери Александры.

— Да, Дмитрий! Я хотела сама вам звонить, — чуть не плача сказала Ирина Владимировна, как только поднял я трубку. — Мой муж два дня как исчез.

— Да? — Я сделал вид, что очень удивлен.

— Его нет на работе, его нет у друзей, его нет нигде. Что мне делать, Дмитрий? Найдите его, умоляю вас!

— Я попробую, но нужно, чтобы вы взглянули на одну фотографию. — Мне ничего не оставалось, как показать Ирине Владимировне фото, которое я собрал из фрагментов, найденных на острове. Я надеялся, что она узнает женщину — любовницу своего мужа. Показывать самого Андрея Лукьяновича я не хотел. Это было просто. Я убрал фрагмент фотографии с его шрамом, и теперь никто не мог опознать мужа Ирины Владимировны, даже она сама.

— Конечно, приезжайте, Дмитрий! Чем смогу, обязательно помогу, только найдите Андрея Лукьяновича! — сказала Ирина Владимировна и назвала мне свой адрес.

Не медля ни минуты, я отправился к матери Александры.

— Да, — сказала Ирина Владимировна, едва взглянув на мои фотопазлы, — я знаю эту женщину. Это моя лучшая подруга Надежда Пичугина. Где вы взяли эту фотографию, и почему она вся из кусочков?

— Я потом вам все объясню, — ушел я от ответа. — А как я могу поговорить с вашей подругой?

— Вы думаете, что она причастна к исчезновению моего мужа?

— Что вы! — Я собрал все свое актерское мастерство, чтобы не выдать себя с потрохами — Вовсе нет! Но, как мне кажется, она знает нечто такое, что, скорее всего, поможет отыскать вашего мужа.

— Хорошо, я сейчас напишу вам номер ее телефона. — Ирина Владимировна написала его на клочке бумаги и протянула мне: — Вот ее телефон, Дмитрий Петрович. Скажите, что я дала вам ее номер, а лучше я сама предупрежу ее о вашем звонке.

— Ирина Владимировна! — всплеснул я руками. — Позвольте мне первым поговорить с ней. Мне очень важен элемент неожиданности.

— Но Наденька — моя лучшая подруга, будет очень некрасиво, если я не предупрежу ее о вашем звонке. Вы в чем-то ее подозреваете, скажите мне честно, Дмитрий?

— Большое спасибо, Ирина Владимировна! — ответил я, словно не слыша вопроса. — Правда, то, о чем я хочу ее спросить, совсем не телефонный разговор. Черкните вдобавок к телефону адрес.

— Хорошо, — вздохнула она и написала адрес.

— Благодарю! — Я не хотел возвращаться к разговору о моих подозрениях, поэтому, как только бумажка с телефоном и адресом оказалась в моих руках, поспешил уйти. — Да, и еще, Ирина Владимировна, — добавил я уже в дверях, — Александра и Женя заплатили мне за книгу о свадьбе. Я хочу вернуть деньги вам.

— Я знаю про это, Дмитрий Петрович. Думаю, что они пригодятся вам, оставьте их себе. Только выясните, как все было на самом деле, и найдите моего мужа.

— Я постараюсь. — Это все, что я смог пообещать Ирине Владимировне.

Как начать с женщиной, которой далеко за сорок, разговор о ее любовнике, я не знал. Тема эта казалась мне слишком деликатной для ее возраста. Вот если бы мне предстояло разговаривать о любви и сексе с Ольгой, то я без особого труда нашел бы, как начать и развить эту тему.

Добравшись на такси до указанного адреса и так и не решив, с чего начать, я подошел к подъезду пятиэтажного панельного дома хрущевской застройки, возле которого была припаркована «шестерка» фиолетового цвета, и позвонил в домофон.

— Входите, Дмитрий! — просипело из железного ящика в ответ, и я понял, что Ирина Владимировна позвонила подруге, как только я покинул ее.

«А вот и неожиданное решение вопроса о том, как начать этот весьма деликатный разговор. Если Ирина Владимировна рассказала Надежде о порванной фотографии, — а она это, несомненно, сделала, — то нет никакой необходимости подбирать слова», с облегчением подумал я, поднимаясь на второй этаж, где меня ждала уже открытая дверь.

Надежда Пичугина оказалась женщиной эффектной внешности, которая смело и без компромиссов спорила с ее возрастом. Яркий макияж, толстый слой тонального крема, крашенные в рыжий цвет волосы изо всех сил старались перекричать сорок с лишним лет, но вместо этого лишь подчеркивали давно начавшееся увядание. В попытке выглядеть ярче, Пичугина походила на переодетого в женщину мужчину. Увидев ее, я тут же вспомнил, как Мария с Лысой горы сравнила ее с Веркой Сердючкой. Возможно, она была права. Стремление выглядеть эффектно без особых на то оснований делали Надежду Пичугину чем-то на нее похожей.

— Мне позвонила Ирина и сказала, что у вас есть какая-то сложенная из обрывков фотография, на которой она узнала меня, — низким, почти мужским голосом первой начала разговор Пичугина, как только я по ее приглашению прошел в небольшую полутемную комнату.

— Да, вот она. — Я достал фотографию и показал ее Надежде.

— Это я, — подтвердила Пичугина и, взглянув на меня с опаской, спросила: — А где остальные части фотографии?

— Большая часть обрывков утеряна безвозвратно, но кое-что все же есть. — Я достал из бумажника фрагмент со шрамом на теле отчима Александры и приложил его к фото.

— Вы не показывали это Ирине? — В глазах Надежды заметался страх.

— Нет, — успокоил я Пичугину, — и, надо признаться, мне очень не хочется это делать. Но вы же понимаете, что помимо меня гибель Александры и обстоятельства смерти еще двоих человек расследует полиция. Рано или поздно я буду вынужден передать это фото им.

— Я знала, что однажды все откроется, — с глубоким выдохом начала Надежда. — Я и Андрей — мы давно любим друг друга. Вот уже пять лет, как мы тайно встречаемся. Однажды он сказал, что у нас нет ни одной фотографии, где бы мы были вместе. Я согласилась с ним. Недолго думая, мы взяли фотоаппарат, включили автоспуск и сфотографировались прямо в постели. Долгое время мы не знали, что делать с этой фотографией. Мне она казалась слишком откровенной, а Андрею, напротив, это фото очень нравилось. Он хотел взять снимок себе, но я сопротивлялась. Страшно представить, что случилось бы, если эту фотографию нашла бы Ирина. Потом мы позабыли о ней. Как-то раз я обнаружила, что фотография исчезла. Я тут же позвонила Андрею, и он признался, что выкрал ее у меня. Ему предстояла длительная командировка, и он хотел, чтобы фотография была у него, как напоминание о нашей любви. Когда он вернулся, о фото мы опять забыли, и вспомнили лишь тогда, когда дочь Ирины Александра случайно нашла фотографию в вещах отчима.

— Случайно нашла?.. — Мне было непонятно, каким образом можно случайно что-то найти в чужих вещах.

— Да. Случайно. Незадолго до свадьбы она собиралась в какую-то поездку, и Андрей сам предложил ей свою дорожную сумку, совершенно позабыв, что там лежит эта фотогаофия.

— Был скандал?

— Нет. Александра недолюбливала отчима, но и расстраивать мать не хотела. Она потребовала, чтобы отчим сам во всем признался сразу после свадьбы.

— Почему после свадьбы?

— Чтобы не портить праздник. Но праздник все равно не состоялся... — печально вздохнула Надежда. — Надеюсь, вы не думаете, что Андрей Лукьянович мог из-за этого фото поднять руку на Александру?

— Не думаю. Пока я только собираю факты. А они на сегодняшний день не в пользу Андрея Лукьяновича. А как фотография оказалась у Жени?

— Александра ему обо всем рассказала, — всхлипнула Надежда. — Молодые... у них нет друг от друга никаких секретов... После смерти Александры Женя, опасаясь несправедливого ареста, ударился в бег. Ему срочно потребовались деньги, и он не придумал ничего лучшего, как позвонить Андрею Лукьяновичу, своему несостоявшемуся тестю, и попросить у него денег.

— И сколько именно Евгений попросил?

— Немного. Тысяч десять-пятнадцать. Он хотел пересидеть какое-то время в деревне, дожидаться конца расследования.

— И что Андрей Лукьянович? Он дал ему денег?

— Андрей Лукьянович потребовал, чтобы Женя вернул ему фотографию. Они договорились о встрече. На моей машине мы поехали к Жене на Лысую гору.

— А что случилось на берегу Камы?

— Вам и это известно... — Надежде было неприятно рассказывать дальше, но она продолжила: — Как рассказал мне Андрей Лукьянович, Женя умолял его помочь деньгами, но у Андрея их не было. Он сказал, что, если Женя не отдаст фотографию, то сообщит в полицию, где он прячется. Женя рассердился, сказал, что ему все равно, послал Андрея подальше. Андрей Лукьянович выхватил фотографию из рук Жени и разорвал ее.

— А Женя, что сказал Женя, когда лишился фотографии?

— Он сказал, что это ничего не меняет, и что это была всего лишь копия, а настоящее фото спрятано до поры до времени.

— Выходит, что Андрей Лукьянович обманул Евгения?

— Выходит так. Но Андрей хороший человек, просто у него не было денег.

— И что было потом?

— Потом мы уехали, а Женя остался на Лысой горе.

— А на следующий день он повесился.

— Кто?! — Надежда вскочила с места, словно ее ужалили.

— Евгений. На следующий день после вашего визита на Лысую гору Евгений Копытов был найден мертвым в петле.

— Боже! — зарыдала Пичугина. — Я знала, что вся эта история с фотографией добром не кончится!

— А где сейчас Андрей Лукьянович?

— Вы обещаете не говорить Ирине Владимировне о наших с Андреем отношениях? — В глазах Надежды застыла мольба.

— Обещаю.

— На моей даче в «Кенском лесу». Массив «Ягодный». Четвертая улица, дом восемнадцать.

Я поднялся и пошел к двери.

— Подождите, я вас подвезу, — раздалось за моей спиной.

«Кенский лес» — прародитель всех ижевских садово-огородных массивов. Проезжая по знакомому с детства маршруту, я с легкой грустью вспоминал то далекое время. Сидящая за рулем своей фиолетовой «шестерки» Надежда Пичугина молча вела автомобиль по бесконечным холмам. За все время поездки мы не обмолвились с ней ни единым словом. Неожиданно позади нас громко взвыла сирена. Надежда испугалась и резко взяла вправо. Машина выскочила на обочину и едва не вылетела в кювет. Засвистели тормоза. Мы остановились в клубах пыли, и мимо нас на полном ходу промчались три пожарные машины.

— Никогда не привыкну к этим проклятым сиренам! — заскулила Надежда. — Душа в пятки уходит от этого звука!

— Давайте я сяду за руль? — предложил я.

— Спасибо. Осталось совсем немного. Я как-нибудь сама. — Она взяла себя в руки, включила зажигание, и мы тронулись дальше.

На подъезде к массиву мы увидели высокий столб черного дыма, идущий откуда-то из центра садово-огородного товарищества.

— Пожар! Пожар! Вы видите, там горит!

— Вижу, — спокойно ответил я и подумал, что ничего на этом свете не дается мне просто так. Стоило только ухватить за ниточку хитросплетенный клубок событий и фактов, чтобы сдвинуть расследование с мертвой точки, как тут же пожар вмешивается в мои планы.

— Это где-то возле меня! Скорее! — Пичугина нажала на газ, и я впервые увидел, что может женщина, когда у нее в буквальном смысле горит. Вцепившись одной рукой в мягкую ручку над дверью, а другой рукой упершись в бардачок, дабы не вылететь через лобовое стекло, я, как мог, старался избежать травм. Машину кидало то вверх, то вниз, то вправо, то влево. Забыв о всякой осторожности, Надежда неслась к своему дачному домику, не разбирая дороги, по ямам и колдобинам, беспрестанно сигналивая на ходу бежавшим на пожар огородникам. Каким-то чудом ей удалось остановить автомобиль в полуметре от огромного красного «Урала». Выбежавший к ней водитель-пожарный постучал кулаком по своей каске и закричал:

— Куда, дура, прешь! Не видишь, горит!

— Это мой дом! Караул! Пожар! — воскликнула Пичугина, на что пожарный тяжело вздохнул и пожал плечами:

— Да мы в курсе, что пожар. А где же вы раньше были?! Оставили, наверное, плитку включенной или печку топили.

— Какая плитка, какая печь в такую жару! Андрюша у меня там. Андрей! Андрюша!

В конце улицы взвыла сирена и тут же замолкла. Толпа зевак расступилась, и невдалеке показалась машина «скорой помощи».

— Андрюша! Андрей! — Надежда ринулась к догорающему дому, но пожарный перегородил ей путь:

— Куда! Туда нельзя! Обгоришь! — Он обхватил ее за плечи, усадил на стоящий неподалеку дачный стульчик и уже спокойным тоном произнес: — Посидите, милая. Сейчас «скорая» поработает, а потом и Андрей ваш найдется.

Зеваки обступили место пожара и смотрели, как мощные струи брендспойтов заливают обугленный остов некогда дощатого домика.

Я подошел к толпе и спросил:

— У кого-нибудь есть успокоительное?

— «Корвалол» пойдет? — отозвалась старушка в выдавшей виды желтой фланелевой панаме.

— Пойдет. Только поскорее.

Старушка нырнула куда-то между дачными постройками и через минуту уже держала передо мной в худой загорелой руке бутылочку с «Корвалолом» и стакан воды.

— Спасибо, — поблагодарил я ее, накапал в стакан успокоительного и направился к Надежде.

— Вот, надо выпить. Это успокаивает.

— Спасибо, — сквозь слезы процедила Надежда и выпила лекарство.

— Посторонись! — послышалось возле сгоревшего дачного домика, и из-за пожарной машины показались санитары с носилками. Тяжело переваливаясь на каждом шаге, они без особых осторожностей несли накрытое куском брезента тело.

— Андрюша! — всхлипнула Надежда. Стакан выпал из ее рук.

Глава 13

На обратном пути автомобиль Пичугиной вел я. Надежда безутешно уткнулась головой в боковое стекло и, казалось, не подавала никаких признаков жизни.

Когда мы подъехали к ее дому, я помог ей выйти из машины. От горя она еле стояла на ногах. Ухватив ее под руку, я поднялся с ней на второй этаж до квартиры. Не спеша, словно в замедленном кино, Надежда открыла дверь и, войдя в квартиру, тихо сказала:

— Спасибо, Дмитрий.

— Могу я еще чем-нибудь помочь? — спросил я — Вы неважно выглядите.

— Нет, я сейчас выпью лекарство, и мне станет легче. Ах, да, я совсем забыла, оно у меня закончилось. Не могли бы вы сходить в аптеку? Тут недалеко.

— Конечно, конечно, — с готовностью согласился я. — Назовите лекарство, я сбегаю.

— Думаю, что вы его не запомните. Я напишу название на листке.

Пичугина взяла с тумбочки в коридоре небольшой листок бумаги и принялась искать ручку.

— Никогда не помню, куда кладу ручку, — посетовала она, — как что-то надо написать, вечно ищу. Надо привязывать вещи, чтобы они не разбежались по дому. Ну вот, нашла какую-то. Интересно, раньше я эту ручку не видела. Наверное, Андрей оставил. — При упоминании любовника Пичугина тихонько всхлипнула и вытащила из-под кипы газет, лежащих на тум-

бочке, белую пластиковую ручку. На ее корпусе я отчетливо разглядел уже знакомую надпись «Контур-фото».

Пичугина черкнула что-то на листе и протянула его мне:

— Тут все написано. Да, и деньги, сейчас я дам вам деньги. Господи, где же мой кошелек, его что, тоже надо привязывать?!

— Не суетитесь, — успокоил я ее. — Деньги у меня есть. Отдадите, когда приду. Лучше дайте мне эту ручку. Вдруг в аптеке не будет этого лекарства, и мне придется записывать адреса других аптек, где оно может быть.

— Пожалуйста! — Надежда протянула мне шариковую ручку, как две капли воды похожую на ту, что я выменял в «Минутке» на двести грамм водки, и которую впоследствии у меня украли, нагло и бесцеремонно брызнув мне в лицо газом.

Аптека была почти пуста. У кассы стояла одинокая женщина лет шестидесяти и сживала со свету провизора:

— Эффералган, настойку шиповника и капли назальные. Желательно с каким-нибудь маслом или лучше спрей.

Провизор, молодая пышнотелая девушка без макияжа, удалилась и через минуту положила перед ней названные лекарства.

— А настойка шиповника — это желчегонное или отхаркивающее? — спросила женщина, внимательно рассматривая коробку с настойкой.

— Желчегонное.

— А вы знаете, мне сказали, если смешать три ложки настойки шиповника с ложкой меда, то получится замечательное отхаркивающее средство.

— Не знаю. Ничего не могу про это сказать.

— А есть другое отхаркивающее? Вместо настойки шиповника.

— Настойка шиповника — это не отхаркивающее средство. Она является бактерицидным, желчегонным и мочегонным средством. Из настоек для отхаркивания могу порекомендовать ромашку. Недорого и эффективно...

Беседа провизора и женщины длилась бесконечно долго. Вернее, это была не беседа. Это был монолог женщины, у которой на почве фармакологии и медицины сложилось невероятно ложное представление о своих умственных способностях. В другом месте ее давно бы не стали слушать. Будь это обычный продуктовый магазин, а не аптека, женщину давно бы послали ко всем чертям.

Когда она, так ничего и не купив, отчалила, наконец, от кассы, я молча протянул провизору бумажку с названием лекарства.

— Триста шестьдесят рублей, — назвала мне цену девушка и с готовностью выслушать посмотрела на меня.

Я молча достал бумажник и отсчитал необходимую сумму. Провизор выдала мне лекарство и благодарно улыбнулась. Клянусь всеми таблетками этой аптеки, что еще никогда нелегкий хлеб фармакологии не давался ей так легко!

Звонок в квартиру Пичугиной надсадно разрезал пространство душе-раздирающим звуком. Он был настолько неблагозвучным, что, поставь его на кладбище, мертвые вместо пьяного сторожа сами ходили бы открывать кладбищенские ворота, лишь бы его не слышать. Делая небольшие паузы, чтобы не сойти с ума самому, я нажимал и нажимал на кнопку дверного звонка, но Пичугина не открывала.

«Неужели я опоздал с лекарством!» — забеспокоился я и, прекратив звонить, стал соображать, что делают в таких случаях. С момента моего ухода в аптеку прошло не больше получаса. Можно было предположить, что Надежда куда-нибудь вышла, но для этого она была не слишком здорова, по крайней мере, так мне показалось. Воображение стало рисовать мне грустную картину. Где-то в коридоре, а может быть на кухне, лежит на полу бездыханная Надежда Пичугина. Одна рука ее сжимает стакан с водой, другая тянется к пузырьку с лекарством. Но пузырек пуст. Спасительное лекарство лежит у меня в кармане в двух-трех метрах от нее, но через стальную дверь.

Брякнув в звонок для верности еще раз, я достал сотовый телефон и набрал Службу спасения.

— Минут через десять приедем, — пообещали спасатели и порекомендовали на всякий случай вызвать «скорую помощь».

Прежде чем ломать стальную дверь в квартиру, один из спасателей внимательно посмотрел на меня и для верности еще раз спросил:

— Вы утверждаете, что в квартире находится больная женщина, которая не может открыть дверь.

— Да, — сказал я, и зачем-то показал спасателю лекарство: — Вот.

Как ни странно, вид пузырька с лекарством окончательно убедил спасателей. Облепив дверь со всех сторон, они принялись ломать ее, но как только железная фомка протиснулась в щель между дверью и косяком, замок звонко щелкнул, и дверь распахнулась. В дверном проеме показалось сердитое лицо Надежды Пичугиной.

— Что здесь происходит? — гневно спросила она — Я сейчас полицию вызову!

Спасатели опешили. Их взоры с немим вопросом угрожающе уставились на меня.

— Вот лекарство, — все, что я смог от неожиданности вымолвить, протягивая Пичугиной пузырек из аптеки.

— Какое лекарство? — удивилась она. — Я не жду никакого лекарства. Кто вы?

— Я — Дмитрий, ходил по вашей просьбе за лекарством, название которого вы собственноручно написали вот на этом листочке. — Я вынул из кармана записку и показал ее спасателям. Взгляды их подобрели. — Это ваш почерк?

— Не знаю, нашли, наверное, на помойке мою записку, а теперь квартиру вскрываете! — сердито ответила Надежда, смутившись таким поворотом событий.

Спасатели снова нахмурились. Двое из них зашли мне за спину и отрезали путь к отступлению.

— Надо полицию вызвать! Среди белого дня в квартиру хотят залезть! А еще спасателей вызывают! — продолжила разыгрывать странный спектакль Пичугина.

— Надежда, Надежда... — с укором произнес я. — Неужели вы станете отрицать, что сегодня мы вместе с вами ездили на вашем же автомобиле к вам на дачу. Дача ваша сгорела. На пожаре было много народу, нас вместе видело множество человек.

— На какой еще машине? — не сдавалась Пичугина.

— Вон на той фиолетовой «шестерке», что стоит у подъезда. Вон же она!

Я показал рукой на автомобиль, который был виден из окна подъезда, и обомлел. Отчим Александры и любовник Надежды Пичугиной, который не далее как пару часов назад заживо сгорел вместе с дачным домиком, стоял живой и невредимый у автомобиля своей подруги и возился с замком, пытаясь открыть водительскую дверь.

— Стой, стрелять буду! — зачем-то выкрикнул я и, растолкав спасателей, бросился на улицу.

Дверь «шестерки» захлопнулась перед моим носом. Андрей Лукьянович дал по газам, и машина, взвизгнув резиной, рванула вперед...

— Спасибо вам за лекарство, Дмитрий, и извините, — раздалось неожиданно за моей спиной, и я резко обернулся. Надежда Пичугина с виноватой улыбкой стояла рядом со мной и смотрела туда, куда только что умчался ее вернувшийся с того света любовник. — Так получилось, что он не сгорел, он пришел ко мне, пока вы ходили в аптеку, и нам надо было некоторое время, чтобы Андрей Лукьянович успел собраться. Он выпрыгнул в окно, пока спасатели возились с дверью. Не думала, что вы станете так активно меня спасать. Извините еще раз...

— А кто же сгорел на вашей даче? Куда поехал Андрей Лукьянович? — поинтересовался я, пропустив мимо ушей извинения Пичугиной.

— Кто сгорел, не знаю, да и какая мне теперь разница. А вот куда уехал Андрей, этого я вам никогда не скажу! — Она тихо засмеялась: — Как хоро-

шо, что Андрюша живой! Он ведь ни в чем не виноват, и нужно всего лишь время, чтобы это стало всем ясно. Что же касается моего розыгрыша, то я сказала спасателям, что все в порядке, что у меня был провал в памяти, и что вы действительно ходили мне за лекарством.

— Премного вам благодарен, — буркнул я и зашагал в сторону ближайшей рюмочной.

— Сто грамм водки, — попросил я буфетчицу и положил перед ней пятидесятирублевую купюру.

— А че так много? — прошепелявила «перекисная» блондинка в красном переднике с нарисованными синей тушью глазами. — Неужели без сдачи не наберется?

Я опустил руку в карман. Мелочь действительно была. Но доставать, пересчитывать, собирать из десятирублевых монет нужную сумму было противно.

— Сдачи не надо! — отрезал я.

— А сдачи и нет! — скривилась буфетчица. — Либо набирайте мелочь, либо ждите, когда у меня появится сдача.

Делать было нечего, я выгреб на прилавок все, что было у меня в кармане брюк. Среди монет самого разного достоинства и нескольких скомканных сторублевых купюр лежал пузырек с лекарством.

«Вот, черт! — подумал я. — Так и не отдал Пичугиной ее лекарство. А вдруг ей снова станет плохо? Надо немедленно отнести».

Буфетчица поставила передо мной сто грамм водки.

— Что на закуску?

— Ничего. В смысле, ничего вообще.

Одним движением собрав с прилавка мелочь, я взял лекарство и пошел обратно к Пичугиной. Видеть ее мне не очень-то хотелось, но в глубине души мне было искренне жаль эту женщину.

Поднимаясь на второй этаж, я заранее достал из кармана пузырек с лекарством, чтобы не задерживаться у Пичугиной ни одной секунды. Обида на то, что она поставила меня в неловкое положение перед спасателями, все еще отравляла мое сознание. Дверь в ее квартиру была полуоткрыта. Держа пузырек перед собой, я шагнул за порог и громко произнес:

— Надежда, я вернулся, чтобы отдать вам лекарство!

Ответа не было, и я заглянул из прихожей в комнату. Посреди комнаты на паркетном полу лежала в луже крови Надежда Пичугина. В груди ее торчал огромный кухонный нож.

Подойдя к ней, я присел и, взяв еще теплую руку, пощупал пульс. Его не было, Надежда была мертва. Пытаясь сообразить, что же мне делать в такой непростой ситуации, я огляделся по сторонам. Кожаная дорожная

сумка средних размеров, небрежно задвинутая под диван, привлекла мое внимание. Что-то металлическое, вороненое виднелось из неплотно закрытого бокового кармана сумки. Затаив дыхание, я достал сумку и открыл ее. В ней лежали каштановая шевелюра в виде парика, рыжие накладные усы, темные очки и «маузер», тот самый, из которого в нас стреляли возле Лысой горы.

Находка была неожиданностью. Я взглянул на мертвую Пичугину. Пустые холодные глаза безжизненно застыли на ее бледном, как мел, лице. «Неужели она все знала и была соучастницей преступления? — подумал я. — Неужели Андрей Лукьянович расправился с ней, чтобы избавиться от свидетеля? Неужели любовники сымитировали смерть отчима Александры в огне, и кто на самом деле сгорел на даче Пичугиной вместо него?» Все вопросы, кроме последнего, были риторическими. «Маузер», парик, усы и очки говорили сами за себя.

Вдруг позади себя я услышал звук шагов. Кто-то быстро прошмыгнул за моей спиной и с силой захлопнул дверь в соседнюю комнату, окна которой выходили на противоположную сторону дома. Раздался грохот мебели, которую грубо передвигают по полу. Я вскочил и бросился к двери. Она была забаррикадирована. Я изо всех сил навалился на нее плечом. Ноги скользили по мокрому от крови паркету, но мне все же удалось чуть-чуть отодвинуть диван, которым неизвестный пытался заблокировать дверь. Протиснувшись между диваном и дверным косяком в комнату, я надеялся хотя бы увидеть преступника, но он уже был за окном. Его рука ухватилась за край подоконника. Еще секунда, и неизвестный с шумом упал в кусты, вскочил и побежал прочь, громко сопя, словно неуклюжий бегун на стометровой дистанции. «Уходит!» — мелькнуло в голове. Поднатужившись еще раз, я резко надавил на дверь. Дверь толкнула диван, диван толкнул стоящий возле него торшер, и он упал, застряв между моей спиной и дверью. Теперь я не мог двигаться ни назад, ни вперед, застряв в самом обыкновенном дверном проеме! Собравшись с силами, я уперся спиной в ножку торшера, согнул его пополам, и мне удалось высвободиться. Я вновь стоял в комнате, где на полу с ножом в груди лежала бездыханная Надежда Пичугина. Переступив через труп, я отошел к окну, чтобы набрать разбег и еще раз броситься на забаррикадированную дверь. Взгляд мой случайно упал во двор дома. К подъезду Пичугиной медленно подъезжала машина «скорой помощи». «Как всегда, не вовремя», — подумал я, и поспешил скрыться из квартиры тем же путем, что и преступник. Перспектива быть замеченным рядом с убитой меня не радовала. Я с разбегу навалился на дверь — диван сдвинулся еще на десяток сантиметров. Этого мне хватило. Проникнув в другую комнату, я в два счета оказался у окна и выпрыгнул из него. Кусты приняли мое тело

достаточно нежно. Несколько царапин на лице и руках ничто по сравнению с тем, что было бы со мной, будь под окном асфальт. Выбравшись из кустов, я зашагал прочь от дома Пичугиной. Мне необходимо было срочно что-нибудь выпить. Только так я мог прийти в себя после случившегося.

Глава 14

В кафе, из которого я совсем недавно, так и не выпив ни грамма, ушел отдавать лекарство Пичугиной, было немногочисленно. Я подошел к уже знакомой буфетчице и, протянув все ту же пятитысячную купюру, попросил сто грамм водки. Разговор о сдаче в этот раз не возник. Буфетчица взяла пятитысячную купюру, посмотрела ее на просвет и, никуда не торопясь, накапала сто грамм желанного напитка. Я тут же залпом осушил пластиковый стакан до дна.

— Еще? — спросила она.

— Сдачу, — потребовал я.

Буфетчица скривилась, очевидно, ожидая совсем другого ответа, с шумом открыла кассу, отсчитала сдачу и с нескрываемым недовольством произнесла:

— Вас не поймешь, то сдачи не надо, то водки, а то вдруг нужно и то и другое...

Смерив меня испепеляющим взглядом, она вынула из передника пульт дистанционного управления и включила телевизор, висевший на стене. На экране появилась уже же знакомая Любашенька.

— В эфире телекомпания «Удмуртия» в режиме онлайн, — затараторила корреспондентка, заметно волнуясь в прямом эфире. — Все, что вы увидите в ближайшие полчаса, это будет прямое включение с места событий. Сегодня на железнодорожном вокзале нашего города мы проводим на международный конкурс «Без ума от рока» всемирно известных Бурановских бабушек. Вы увидите в режиме онлайн, как на вокзале идут последние приготовления перед отправкой. Наш оператор Иосиф Воробьев сейчас все покажет.

Камера сползла с Любашеньки и поплыла по перрону вокзала. В кадре возле поезда появились сами бабушки. Они прощались с родными и близкими, пускали на прощанье слезу и смачно сморкались в цветастые носовые платки. Провожаящие их земляки, внуки, члены сельсовета совали им в руки цветы, обнимали старушек и тоже плакали. Насытившись трогательной сценой прощания, Иосиф направил камеру в другую сторону. Общий план вокзала требовал деталей, как истинный художник Иосиф понимал это и с масштабной сцены массовой загрузки в вагоны плавно перешел на подробности. Вот он выхватил из толпы ребенка, беззаботно

жующего растаявшее мороженое. Вот показал его мамашу, нервно копающуюся в сумочке. Вот из самого центра толпы пассажиров и провожающих выхватил молодого мужчину и навел на него фокус. Мужчина напряженно высматривал кого-то в толпе. Его лицо показалось мне знакомым. Ну конечно, это же видеооператор со свадьбы Алексей стоял на перроне и заметно нервничал. Лицо его заинтересовало не только меня. Камера Иосифа двинулась вперед и приблизилась к Алексею вплотную. Увидев камеру, Алексей от неожиданности вздрогнул, но затем улыбнулся и протянул Иосифу руку. Перекинувшись с ним парой слов, Иосиф перевел камеру в нижний ракурс. В кадре крупным планом замелькали сумки, чемоданы, пакеты с едой. Затем он снова перевел кадр на Бурановских бабушек. Стоя возле вагона с надписью «Ижевск-Москва», они отвечали на вопросы Любашеньки, но о чем говорили, я уже не слышал, мне было не до этого — позади них в вагон садился Андрей Лукьянович. Камера Иосифа показала его достаточно крупно, и в том, что это был именно он, сомнений быть не могло.

Выскочив из кафе, я принялся ловить такси. Во что бы то ни стало мне нужно было успеть на вокзал до отправления поезда. Стоя возле проезжей части, я бросался навстречудвигающимся автомобилям с поднятой рукой. Красный «шевроле спарк» остановился позади меня неожиданно, когда я практически был уже под его колесами. Дело в том, что я немного увлекся голосованием на проезжей части и выскочил на дорогу немного дальше, чем этого требует элементарная техника безопасности и здравый смысл.

— Дмитрий! — раздался из автомобиля женский голос. — Я вас чуть не задавила! Что вы делаете на проезжей части?

Я узнал в водителе Ольгу. Ту самую милую девушку, которая подвезла меня с Лысой горы до города.

— Все расскажу чуть позже. Вы можете отвезти меня на вокзал? Там с минуты на минуту скроется от преследования убийца собственной падчерицы, ее мужа, подруги, одного неизвестного и своей любовницы! — выпалил я.

— О! Как много! Это настоящий серийный убийца? — Ольга, казалось, не верила моим словам.

— Да, самый настоящий!

— А вы, как я полагаю, полицейский?

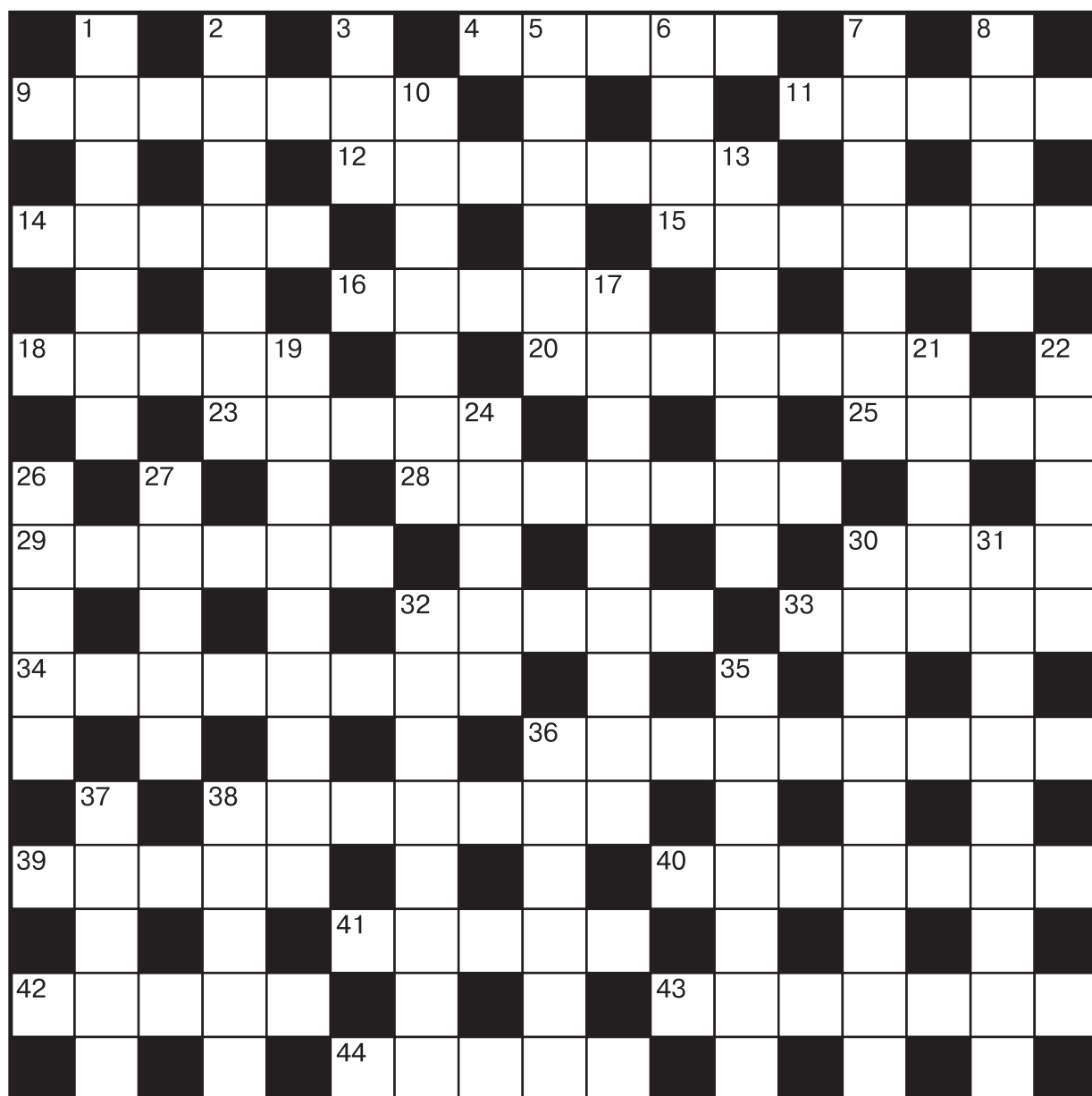
— Нет, как еще полагаю, я — частный детектив.

— Ну, тогда вперед!

Ольга распахнула дверь своей мини-машинки, я запрыгнул на переднее сиденье, и мы поехали. □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Хищница из большого бизнеса. **9.** Грек, ставший первым президентом Международного Олимпийского комитета. **11.** Чью жену Алла Ларионова сыграла в сказочном фильме Александра Птушко? **12.** Нобелевский лауреат по литературе, чей первый роман «Повелитель мух» изначально отвергли в 21 издательстве. **14.** Житель страны на

«черном континенте». **15.** Кто стоит на верхней ступеньке спортивного пьедестала? **16.** Какой драгоценный камень может погубить только высокая температура? **18.** «Минный коллапс». **20.** Кто живет в чужой стране «вне закона»? **23.** Трогается от перрона. **25.** «Колыбель Парижа». **28.** Антилопа с полуострова Индостан. **29.** Чья кожа идет на построй-

ку эскимосского каяка? **30.** Гольф на скакунах. **32.** Африканская страна с черной пантерой на гербе. **33.** Церковная заповедь. **34.** Какой прибор впервые упомянут в повести Кира Булычева «Ржавый фельдмаршал»? **36.** Кто выражает себя в поэзии или прозе? **38.** Великий супрематист, хотевший освободить искусство от «ненужного груза предметности». **39.** «Огненный фонтан». **40.** Кто в 1973 году пришел к власти в Чили в результате событий, начавшихся с обычной забастовки водителей грузовиков? **41.** Из какого кустарника в Болгарии делают новогодние поделки? **42.** Кто из мировых певиц стала законодательницей моды на толстушек? **43.** «Воспалительная увертюра» к язве желудка. **44.** Дичь с болота.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Итальянские футбольные фанаты. **2.** «Итог ночного бдения». **3.** Настоящий волшебник. **5.** Первая актриса из Австралии, удостоенная премии «Оскар» в номинации «Лучшая женская роль». **6.** Деловой обед. **7.** Кто в 1990 году оше-

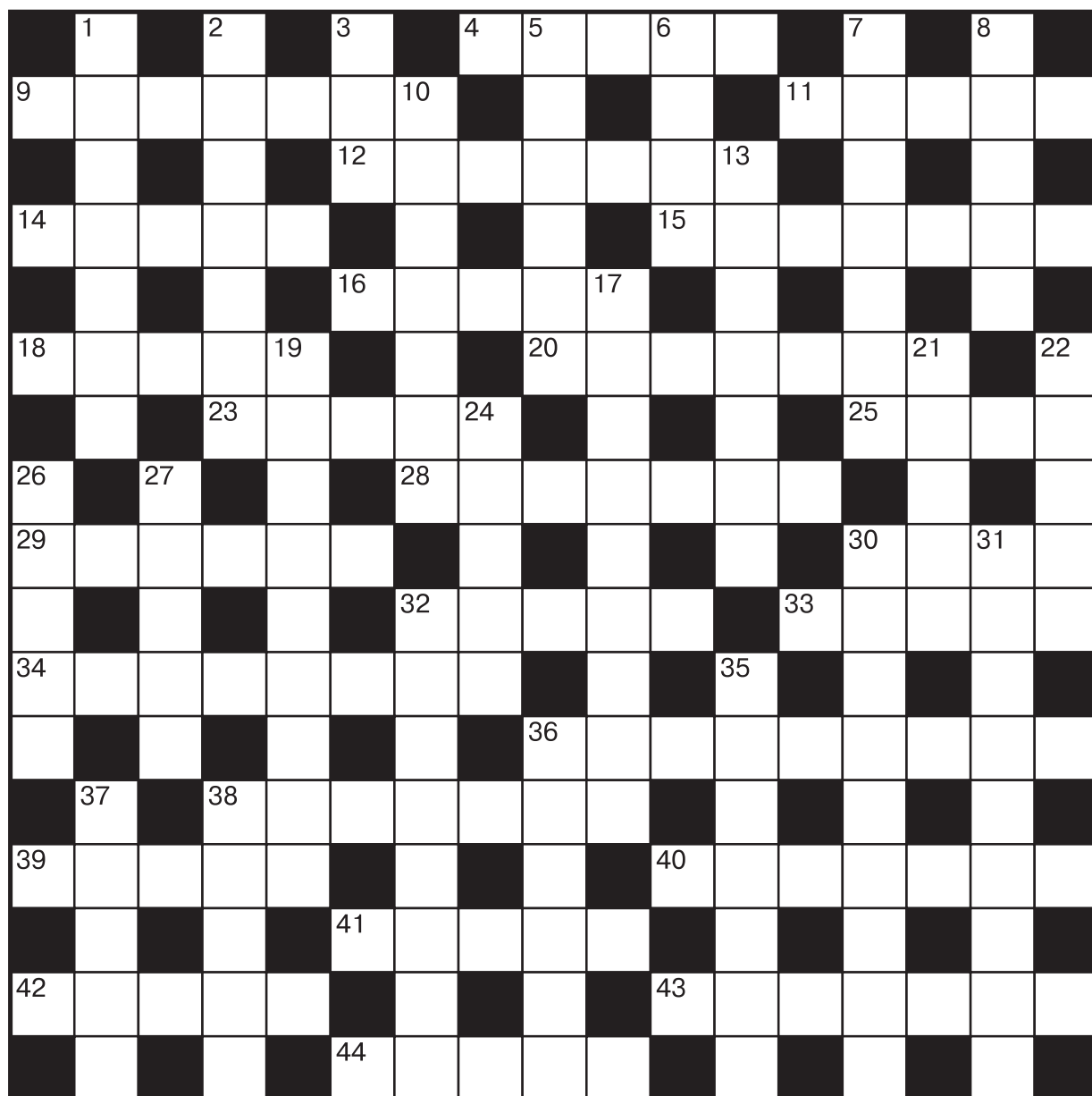
ломил весь теннисный мир, став самым молодым победителем за всю историю US Open? **8.** Для какой игры мячики помечают цветными кружочками, обозначая степень их прыгучести? **10.** Какая приманка «до греха доводит»? **13.** Кто особенно ждал смерти бабушки из романа Федора Достоевского «Игрок»? **17.** Кто совместно с Юлием Харитоном впервые осуществил расчет цепной реакции деления урана? **19.** Единственное место, где мужчину «могут принять таким, каков он есть». **21.** Цитрус с именным напитком. **22.** Свинина для яичницы. **24.** «Любимая мягкая игрушка» домоседа. **26.** След от печати. **27.** Кто подарил лицо графу Рошфору из мушкетерского сериала? **30.** Кто в 1990 году исполнил композицию «Nessun dorma» на открытии ЧМ по футболу? **31.** Наука о том, как бороться с заиканием. **32.** «Мы тут из блохи ... кроили». **35.** Самый высокий. **36.** «Маска притворщика». **37.** Какая звезда экрана назвала свои мемуары «Инициалы Б. Б.»? **38.** «Птичий корм» для сохранения дамской талии.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Дуэль. **10.** Беспамятство. **11.** Комбриг. **12.** Многоборье. **13.** Корабль. **16.** Яство. **18.** Пол. **19.** Обуза. **21.** Хлор. **24.** «Энни». **25.** Псевдоним. **27.** Трос. **29.** Рапорт. **30.** Георгин. **34.** Калимантан. **35.** Расклад. **37.** Завистник. **40.** Литва. **41.** Начос. **42.** Майонез. **43.** Харчо. **44.** Томск.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Уфолог. **3.** Лабрадор. **4.** «Бег». **5.** Шпана. **6.** Шмыга. **7.** Штабист. **8.** Откровенность. **9.** Роден. **10.** «Битлз». **14.** Обувщик. **15.** Озноб. **17.** Охота. **18.** Порог. **20.** Диктант. **22.** Псориаз. **23.** Тир. **26.** Магазин. **28.** Сенкевич. **31.** Нахимов. **32.** Листьев. **33.** Далида. **36.** «Даная». **38.** Кабо. **39.** Бокс.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Кто из машинистов в 1917 году дважды перевозил Владимира Ленина через финскую границу на своем паровозе? **9.** Какой предмет мать Агаты Кристи, будучи девочкой, вышила своему будущему мужу, который после хранил его всю жизнь? **11.** «Божественный шаблон» у Платона. **12.** Винная бу-

тылка у французов. **14.** Выбраковка в природе. **15.** Кто из итальянских классиков услышал во сне «Дьявольскую трель»? **16.** «Расколотый» бросок в боулинге. **18.** Во что должен облачиться паломник на подступах к Каабе? **20.** Лучший преподаватель ветеринарной магии из Тибидохса. **23.** Специалист по «временным пет-

лям» из фантастического боевика. **25.** Новозеландский танец с устрашающей мимикой. **28.** Оскаронный мультфильм студии Pixar. **29.** Основатель Пулковской обсерватории. **30.** Озеро с географическим центром России. **32.** С какой певицей Гектор Берлиоз сбежал из дома от жены и сына? **33.** Тайный агент советской контрразведки в Гестапо, данные о работе которого послужили основой образа Штирлица у Юлиана Семенова. **34.** Военный лагерь византийцев. **36.** Какой канадец сформулировал первые правила игры в хоккей? **38.** Кто из советских бардов сочинил балладу от имени танка Т-34? **39.** Переноска для бутуза. **40.** Математик из внуков Тамерлана. **41.** Какой фильм Ким Ки Дука удостоен «Золотого льва»? **42.** Символ простора для творчества у масонов. **43.** Бывшая усадьба дворян Грибоедовых под Смоленском, ныне ставшая заповедной. **44.** Поза для медитации.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Испанский числительный. **2.** Какое лекарство убило японского писателя Рюноске Акута-

гаву? **3.** В каком селе определили жить князю Сергею Трубецкому после отбытия сибирской каторги? **5.** «Амурный диванчик». **6.** Основатель школы символической алгебры. **7.** Кому Дмитрий Шостакович посвятил свой Первый концерт для скрипки с оркестром? **8.** Наилучший материал для бочек под хранение дегтя и смолы. **10.** Помесь пони с обычной лошадью. **13.** Капская горлица. **17.** Капитан, чья судьба перевернула жизнь Сани Григорьева. **19.** «Прогулка по Луне» у экстремалов. **21.** Генерал-губернатор в Персии. **22.** Дочь Люка Бессона. **24.** Китайская яичная лапша. **26.** Самый редкий элемент. **27.** В каком городе родилась заколдованная героиня Энн Хэттуэй? **30.** Испанская юбка, прозванная «хранителем добродетели». **31.** Венецианский «речной трамвайчик». **32.** Кто создал в 1816 году первый английский телеграф? **35.** Пробковая ткань растений. **36.** «Жить с человеком, которого любишь, так же трудно, как любить человека, с которым живешь» (французский поэт). **37.** «Частные деньги» у мексиканцев. **38.** Сосуд в форме пирамиды.

Ответы на эрудит, опубликованный в №3

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Франс. **10.** Ладромхайола. **11.** Плумкот. **12.** Гроденапль. **13.** Себукан. **16.** Стелс. **18.** Сал. **19.** «Шмель». **21.** Тмол. **24.** Игла. **25.** Каннингем. **27.** Клош. **29.** Каснер. **30.** Линтеум. **34.** Мартингейл. **35.** Этруски. **37.** Серенгети. **40.** Ханзо. **41.** Омлет. **42.** Куурдак. **43.** Дакия. **44.** Бисти.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Рылеев. **3.** Нембутал. **4.** Чат. **5.** Брера. **6.** Шмидт. **7.** Сарнатх. **8.** Доппельгангер. **9.** Гатъя. **10.** Ломан. **14.** Аментум. **15.** Клине. **17.** Отаку. **18.** «Сокол». **20.** Баррель. **22.** Нартекс. **23.** Пек. **26.** Магнето. **28.** Шинуазри. **31.** Мадейра. **32.** Стигмат. **33.** Страва. **36.** Иешуа. **38.** Имли. **39.** Берт.

**Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2021 года
через редакцию. Условия оформления подписки на журнал:**

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 179 рублей 30 копеек	За 1 номер — 215 рублей 60 копеек
За полугодие — 1075 рублей 80 копеек	За полугодие — 1293 рубля 60 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» получатель платежа		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» наименование банка		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	другие банковские реквизиты		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» получатель платежа		
Расчетный счет		40702810410150414401	
ПАО «Промсвязьбанк» наименование банка			
Корреспондентский счет		30101810400000000555	
ИНН 7714026110		КПП 771401001	
БИК 044525555		Код ОКПО 11396455	
другие банковские реквизиты			
Адрес:			
Ф.И.О.			
Вид платежа		Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

ОФОРМЛЯЙТЕ ПОДПИСКУ НЕ ВЫХОДЯ ИЗ ДОМА

на сайте podpiska.pochta.ru | в мобильном приложении Почты России | через почтальона

Мы заботимся о Вашей безопасности! Ваше здоровье – главный приоритет

Инструкция по оформлению подписки на печатную прессу через сайт [PODPISKA.POCHTA.RU](http://podpiska.pochta.ru)

- Выберите журнал и газету из 5 000 изданий:
 - по индексу,
 - по теме и профессиональным интересам,
 - по алфавиту,
 - по части названия,
 - из списка самых популярных
 - по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
- Выберите способ доставки.
- Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.
- Выберите период подписки.
- Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.
- Оплатите заказ.

Инструкция по оформлению подписки онлайн через МОБИЛЬНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ПОЧТЫ РОССИИ

- Зайдите в мобильное приложение Почты России.
- В правом нижнем углу выберите раздел «Еще».
- Нажмите на строчку «Подписка на журналы и газеты».
- Выберите журнал и газету из 5 000 изданий:
 - по индексу,
 - по теме и профессиональным интересам,
 - по алфавиту,
 - по части названия,
 - из списка самых популярных
 - по полу и возрасту (детям, женщинам, опытным читателям, мужчинам).
- Выберите способ доставки.
- Введите данные получателя: адрес доставки, ФИО.
- Выберите период подписки.
- Пройдите простую процедуру регистрации или авторизуйтесь на сайте.
- Оплатите заказ.

ПОДПИСКА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется через ООО «УП УРАЛ-ПРЕСС»
+7(3652)51-02-35; +7-978-117-13-07; Эл. почта: e_bunina@ural-press.ru

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

**ВНИМАНИЕ,
! КОНКУРС !**

Дорогие читатели!

Недавно в редакцию пришло письмо из Новосибирской области от нашей читательницы Клавдии Болдыревой, в котором было одно стихотворение:

*Книга в наш дом возвращается вновь,
К ней никогда не угаснет любовь.
Прежнему уровню будем верны –
Самой читающей в мире страны.*

Эти строки навели нас на мысль объявить в 2021 году
конкурс «Книжка лучше “мышки”?!»

В свое время Максим Горький говорил: «Всем хорошим я обязан книгам». Книга — это некий волшебный мир, в который погружаешься и из которого не хочется уходить... Она помогает жить и сохранять в себе духовное начало, присущее каждому человеку. А вы, друзья, любите читать? Какие авторы и книги вам кажутся наиболее интересными и особенно любимыми? Прививаете ли вы своим детям интерес к чтению – ведь принято считать, что современная молодежь в эпоху «всемирной паутины» полностью погружена в Интернет и свои мобильные телефоны? Из ваших писем станет понятно ваше отношение к классической и современной литературе, наиболее популярной и актуальной на сегодняшний день.

Ваши письма с пометкой «На конкурс» принимаются до 30 октября 2021 года. Итоги, как всегда, будут опубликованы в первых номерах 2022 года, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем ваших писем.
Удачи, друзья!*

